

63.3(2)
k90

ПОВОЛЖСКИЙ КАДРОВЫЙ ЦЕНТР
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ САРАТОВСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

КУЛЬТУРА РУССКИХ И НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

ВЫПУСК I

САРАТОВ
1993 г.

05

63.3(2)
к90

ПОВОЛЖСКИЙ КАДРОВЫЙ ЦЕНТР —
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ САРАТОВСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

КУЛЬТУРА РУССКИХ И НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

(Результаты комплексного междисциплинарного
гуманитарного исследования)

ВЫПУСК I

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, КУЛЬТУРА

03+

69290-2

47

Балаковская
городская централизованная
библиотечная система

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»
САРАТОВ — 1993 г.

Данная книга является первым за последние пять десятилетий результатом комплексного междисциплинарного исследования культуры русских и немцев в Поволжском регионе. Она будет продолжена серией выпусков по истории, теории культуры, религиоведения, социологии. Настоящий труд посвящен, в основном, лишь некоторым аспектам истории и культурных взаимодействий двух народов, которые бок о бок прожили на берегах Волги более двух столетий, не испытывая ссор и конфликтов. Авторы сборника надеются, что их труд явится шагом к новому взаимопониманию между этносами Поволжья и к решению проблемы русских немцев. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, специалистов-историков, культурологов.

Научный редактор доктор философии Замогильный Сергей Иванович

Р е ц е н з е н т ы: доктор философских наук, профессор
Великий Петр Панфилович,
доктор филологических наук, профессор
Горелов Илья Наумович.

Редактор кандидат философских наук Мелешина Светлана Николаевна

Подписано в печать 20.09.93 г. Формат 60×84¹⁶. Объем 13 физич. печ. л.
11.7 учетно-изд. л. Тираж 5000. Заказ 5093.

Саратов. Типография издательства «Слово»,
ул. Волжская, 28.

Коллектив авторов благодарит за содействие в выпуске сборника управление культуры Саратовской областной администрации

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (вместо введения)

История человечества показывает, что одним из существенных факторов развития выступают межнациональные взаимодействия. Национальный контекст часто выступает фоном исторических событий и многих социальных процессов. Процессы дезинтеграции на территории б. СССР принимали ярко выраженную национальную окраску с конца 80-х годов.

«Парад суверенитетов» не только привел к его лавинообразному развалу, но и дал толчок к развитию аналогичных явлений в самой России. Естественно, самой глубинной причиной происходящего можно считать экономический кризис, связанный с тем, что модель производства, предложенная Административной Системой, исчерпала себя, и именно разломы социально - экономической структуры в конечном счете порождают тенденции к регионализации, которые лишь находят традиционную, эмпирически очень очевидную и осозаемую, национальную форму. Эти процессы затронули и Поволжье, однако они до сих пор еще не стали предметом научных исследований.

Если в обыденной жизни мы можем довольствоваться здравым смыслом и верой, то в точных расчетах необходимо опираться на науку, особенно в таком сложном вопросе, как национальный. Поволжье — один из сложнейших в национальном, этническом и религиозном смысле регионов мира. Здесь находятся в непосредственном контакте крупнейшие этносы, представляющие 3 языковые семьи (индоевропейскую, алтайскую и уральскую) и 4 языковые группы (славянская, тюркская и т. д.), 3 мировые религии. Православие сталкивается с исламом, католицизмом, всеми разновидностями протестантизма, буддизмом. Поволжье — ключевой рубеж на границе между Востоком и Западом, на юго-восток от границ Саратовской области начинается Азия, не только

как geopolитическое пространство, а как совокупность национальных образований, менталитетов, образов жизни, доминирующих религиозных установок, традиций и т. д. «Поволжский котел» может взорвать всю Россию, отбросить ее к границам XVII века. Татарстан, Башкортостан, финно-угорские автономии создают пояс государств, разделяющих страну осью «Север—Юг». В воздухе витает идея «Великого Турана» от Баку и Бахчисарай до Астрахани, Казани и дальше на восток вплоть до Байкала.

В таких условиях изучение этносоциальных и этнополитических процессов является совершенно актуальным. Настоящий сборник является первым результатом исследовательской программы «Культура русских и немцев в Поволжском регионе». Мы исходим из того факта, что в настоящее время волжские этносы в значительной степени подвергнуты процессам маргинализации и утраты ряда своих «национализующих» признаков. В особенно драматической ситуации находятся российские немцы, которые не только не имеют общей территории и подвергнуты дисперсному рассеянию, но и теряют социокультурные основы своей консолидации, самое важное — язык, который, по выражению М. Хайдеггера, является «Домом Бытия». Бытия любого народа. Поэтому основная часть сборника посвящена именно им. Авторы в какой-то мере хотят хотя бы своим пером помочь этому народу. Среди них есть и немцы, но в основном — это русские, понимающие, что в драматической судьбе обоих народов очень много общего, и решать проблемы национального и культурного возрождения необходимо совместно.

Маргинализация затронула и крупнейший славянский этнос — русских. В настоящее время идут процессы роста национального самосознания как русских и немцев, так и других народов региона. Процессы региональной интеграции, формирования экономических групп, инфраструктур начинают приобретать национальную окраску и идут параллельно с процессами распада страны по национальному признаку. Любая проблема, в частности, экологическая или проблема уничтожения химического оружия переводится в национальную плоскость. (Самый свежий пример — с Чувашей).

Новым фактором интеграции России, как самодостаточного и замкнутого пространства, может выступать возрождаемая русская культура с ее вселенским и нравственным содержанием, опирающаяся на интегративные факторы экономики, дополненная ростом политической и правовой куль-

туры. В этом процессе необходимо отыскать формулу сохранения этноса российских немцев, включающую в себя прежде всего развитие культуры и языка как фактора интеграции. Возрожденный этнос российских немцев явился бы своеобразным «мостом» между Россией и Европой, укрепление союза двух этносов в Поволжье является базой для сохранения стабильности, предотвращения межнациональных конфликтов.

Мы рассматриваем немцев как составную часть нашего Отечества, необходимый элемент нашей великой истории. В то же время до самого последнего времени существовал самый настоящий информационный вакуум о происхождении этого народа. На уровне введения необходимо хотя бы вкратце написать об их появлении в России.

В связи с распадом СССР необходимо также уточнить термин «российские немцы». Куда, например, мы отнесем немцев нынешнего Казахстана или Киргизии, Грузии или Азербайджана, Молдавии или Украины? В широком и историческом смысле этого слова они все являются РОССИЙСКИМИ немцами, т. к. прибывали именно на те пространства, которые являлись территорией российского государства и находились под его юрисдикцией. Прибывали они по приглашению российских царей не в Казахстан или Молдавию, а именно в Россию. Насильственные перемещения ничего не изменили в сути дела: точно так же, как русские в странах СНГ имеют ясное представление о стране-метрополии, немцы ощущают свою генетическую связь с Россией, где они сложились в уникальнейший этнос.

По свидетельству Карамзина Н. М., немцы в России появились на границе первого и второго тысячелетий. Уже в 961 году в Киевской Руси появляется их большая делегация. Сыновья князя Ярослава были женаты на немках. Во многих русских городах они появлялись как торговцы, ремесленники, военные, оседали в них, строили кирхи, способствовали развитию ремесла.

Значительные потоки переселенцев фиксировались в годы царствования Ивана III, Василия III, Ивана Грозного, Петра I, который был учеником «немецкой слободы» и в 1702 году выпустил специальный манифест, поощрявший въезд выходцев из заморских стран в Россию. Это был один из важнейших факторов, с помощью которого он рубил «окно в Европу». 4 декабря 1762 года Екатерина II издает Манифест, которым жители Европы приглашались селиться в

степных районах России. Документ этот, однако, должного действия не возымел. 22 июля 1763 года последовал новый манифест императрицы, возвещавший о льготных условиях переселения, который гарантировал иностранцам ряд привилегий: свободу вероисповедания, освобождение от воинской повинности, налогов и самоуправление. Они имели особое значение. Каждая семья получала большой для того времени участок неосвоенной пахотной земли не менее 30 десятин, колонии — лесные угодья, пастбища, луга и «запасные» земли. Объем наделов со временем увеличился до 60, 132 и 176 десятин.

Необходимо отметить при этом, что Указы Екатерины распространялись не только на немцев, а вообще на иностранцев (среди прибывающих были голландцы, выходцы из Швейцарии, Франции, Чехии, Польши). В равной мере они были обращены и к русским, по религиозным убеждениям покинувшим пределы страны. В той же Саратовской области появились русские — старообрядцы — выходцы в основном из Польши и Литвы, на которых распространялись те же льготы. В настоящее время их потомки проживают по реке Иргиз в Пугачевском и соседних районах. Они входили в единый geopolитический вал, защищающий рубежи страны. Доктор исторических наук В. Чеботарева из г. Москвы считает, что «наличие незанятых плодородных земель в бассейне рек Оки, верхней и средней Волги, необходимость введения их в оборот и побудили русское правительство начать освоение этих земель. Причем впервые эта идея возникла, первые планы были разработаны в царствование Елизаветы Петровны, которая основала на юге страны первые колонии иностранных поселенцев — сербов — Новую Сербию и Славяно-Сербию¹. Славяно-Сербия представляла собой область военно-земледельческих поселений в 1753—64 г.г. на восточном берегу Днепра вдоль украинской линии (часть территории Луганской, Донецкой и Полтавской областей) для обороны от турок и крымских татар. Ее основой стали 2 гусарских и два пикинерских полка, а также сербские отряды, дунайские казаки и крестьяне.

Уже в 80-е годы XVIII века в Поволжье поселилось 27 тысяч выходцев из Западной Европы, которые основали на не-

¹ Чеботарева В. Если ты не выстрелишь в прошлое//Нойес Лебен. 1992. 22 апреля.

Саратовские старообрядцы известны в Пугачевском районе под именем «кулугуров».

обжитых землях 105 колоний. В течение XVIII и XIX века появляются колонии в Крыму, Закавказье, Бессарабии, Северном Кавказе, Средней Азии, Сибири. Согласно переписи населения 1897 года в России проживало 1800000 немцев, из них в Саратовской и Самарской губерниях почти 400000. Как отмечает А. Э. Гущина, «исключительное трудолюбие и терпение, высокая культура земледелия, личная свобода, собственность на землю и общественное самоуправление позволили немцам освоить тяжелые земли, несмотря на отсутствие обещанной государственной помощи, опустошительные набеги кочевников. Со временем к немецким селам на Волге добавились поселения в Новороссии и Таврии, где колонисты добивались еще больших успехов в земледелии. Достаточно, сказать, что 42% российского хлебного экспорта обеспечивали именно эти территории»¹. Немцы оставляют заметный вклад в истории и культуре нашей страны. Беллинггаузен, фон Визин, Витгейнштейн, Гааз, Дельвиг, Дауль, Крузенштерн, Кюхельбеккер, Ленц, Пестель, Барклай де Толли, Тотлебен, Цандер, Раушенбах — это лишь немногие имена немцев, составивших славу нашего Отечества.

Необходимо отметить, что в последние годы по немецкой проблеме появляется все большее количество публикаций. В одних из них говорится о той колоссальной роли, которую сыграли немцы в нашей отечественной истории, вторые в своих крайних позициях отмечают, что появление немцев в России было вообще исторической ошибкой. Мы же придерживаемся позиции, что Россия представляла из себя страну с дуальной социальной структурой. По выражению Н. Бердяева, это одна из самых существенных и специфических ее черт. «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное...»².

Рассмотрим далее логику Н. Бердяева. Он считает, что

¹ Гущина А. Э. Российские немцы: быть или не быть? Екатеринбург, Уральский кадровый центр, 1992. С. 1.

² Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 78.

для истории России была характерна прерывность, а ее развитие было катастрофическим, «московский период» (он выделил пять периодов: Россия киевская, времен татарского ига, московская, петровская и советская) был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы¹. Лучше были киевский и татарский периоды, но творческий гений народа раскрывается только в петербургский, петровский период. Русский народ был подавлен огромной тратой сил, которой требовали размеры государства, «необычайный, взрывной динамизм русского народа обнаружился в его культурном слое лишь от соприкосновения с Западом и после реформы Петра. Герцен говорил, что «на реформу Петра русский народ ответил явлением Пушкина»². Европейский элемент, импортировался в Россию для того, чтобы уравновесить азиатское начало. Точно так же, как в эпоху Ивана Грозного к вершинам власти были приближены татарские роды: «царь» Семеон Бекбулатович, Малюта Скуратов, Басмановы и т. д., так и во времена Екатерины немцы приглашались не потому, что она тоже была немкой, а потому, что она четко выражала проевропейские тенденции Русских. И вообще во второй половине XVIII века все правители правили лишь постольку, поскольку им это позволяли делать стоящие за ними националистические военные группировки, в данном случае, национальность Екатерины была нужна только лишь для «пересаливания» чисто русских настроений и устремлений.

Вступив на российскую землю, иностранцы сразу же оказывались под строгим контролем комиссаров, действовавших по инструкции петербургской «Канцелярии опекунства иностранных подданных». С 1782 года колонисты перешли в ведение казенных палат и земских исправников, потом создается специальное «Управление для приволжских колоний» (1797 г.). Прибывавшие иностранцы находились под постоянным контролем местной администрации, полицейского управления. Вся их жизнь четко регламентировалась органами самоуправления: существовали окружные приказы, в селах делами общины руководил сельский приказ, от каждого десяти дворов избирался десятский, все дела общественного значения решались на мужских сходах. Выборные и шульцы

¹ Там же. С. 79.

² Там же.

контролировали не только социально - экономическое положение колонии, но и личную жизнь колонистов, отчитываясь за все успехи и неурядицы перед саратовской конторой опекунства.

Колонистам и их потомкам предоставлялись права граждан не только в колониях, но и на всей территории империи. Через 100 лет после Указа Екатерины на территории России было уже 505 колоний. В 80-е годы царское правительство уравнивает в правах немцев-колонистов с русским населением, отменяются все льготы, самоуправление, преподавание в школах переводится на русский, учреждается воинская повинность. 2 февраля и 13 декабря 1915 года в западных и южных районах страны ликвидируется немецкое землевладение, а в 1916 году Николай II подписывает Указ о депортации немцев в Сибирь, и только победа Февральской революции спасает их от этой участи, хотя А. Керенский отказался отменить царский Указ.

После провозглашения Советской республики и «Декларации прав народов России» немецкими колонистами были первыми реализовано право на самоопределение. В апреле 1918 года собирается I съезд Советов немецких колоний и провозглашается Трудовая коммуна немцев Поволжья. 19 октября 1918 года В. И. Ленин подписал «Декрет о создании области немцев Поволжья», в которую частично вошли: территории Камышинского и Аткарского уездов Саратовской губернии, Новоузенского и Николаевского Самарской губернии и др. 20 февраля 1924 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление: преобразовать автономную область немцев Поволжья в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья как федеративную часть РСФСР. В районах компактного проживания немцев в союзных республиках были созданы национальные немецкие районы и сельсоветы.

В 1939 году в Республике проживало 605,5 тыс. человек, из них 66,7% составляли немцы (по результатам переписи). К 40-м годам она стала регионом передового сельского хозяйства и быстро развивавшейся промышленности, в ней имелось 5 вузов и 11 техникумов, 4 профессиональных театра, в столице (г. Энгельс) и центрах кантонов издавались газеты на немецком языке. Существовало развитое книгоиздательство, школы с преподаванием на родном языке. Помимо АССР НП в стране имелось более трех десятков автономных районов.

Сталинизм осуществил одно из своих великих злодеяний, выразившихся в тотальном геноциде против целого народа. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, в котором были выдвинуты бесчеловечные обвинения против немцев Поволжья как пособников гитлеровцев, они не только были рассеяны по гигантским просторам Казахстана, Урала, Сибири и других регионов, но и большинство из них были мобилизованы в трудармию, и по сути дела оказались за колючей проволокой. После окончания войны, 26 ноября 1948 года, Президиумом Верховного Совета был принят Указ, которым устанавливалось, что депортированные в начале войны народы, в том числе немцы, переселены в отдаленные районы Советского Союза... навечно. Еще с января 1945 года действовало Постановление Совета Народных Комиссаров, по которому запрещалось без разрешения спецкомендатуры отлучаться за пределы района расселения, нарушившим его грозило тяжелое уголовное наказание.

Только в 1955 году с немцев было снято клеймо поднадзорных. Указом Президиума Верховного Совета они были освобождены от надзора органов МВД, но не имели права возвращаться в места прежнего проживания. В 1964 году 29 августа Президиум принял Указ «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года» о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, где признал, что обвинения, выдвинутые против немцев, были огульными по своей сути. Однако он был опубликован только в «Ведомостях Верховного Совета СССР» и был известен чрезвычайно узкому кругу людей. А фактически полностью препятствия на пути возвращения немцев Поволжья на свою историческую Родину были сняты только в 1971 году.

Особенность субэтноса поволжских немцев заключалась в том, что он складывался из ряда народов Западной Европы: от собственно выходцев из немецких княжеств до голландцев, французов, швейцарцев и даже чехов. Поэтому поволжские немцы — это совершенно особая общность, с уникальным языком, укладом жизни. Территория, на которой они укоренялись, была совершенно неосвоена (по меньшей мере — неокультурена) до их прихода, корни их диалекта, как диалекта именно поволжских немцев, особого характера, быта, во многом были связаны с тем географическим пространством, в котором происходил синтез своеобразной культу-

ры колонистов. Это было целостное, интегрированное образование, складывающееся на протяжении более двух столетий, с общностью исторической судьбы, языка, традиций, фольклора, быта, земледельческого уклада, развитой социальной и гуманитарной инфраструктурой, компактным проживанием.

Попытки решить проблему российских немцев в форме восстановления их государственности возобновились в конце 80-х годов, практически одновременно с возникновением их самой массовой и на сегодняшний день организацией — обществом «Возрождение». Для понимания нынешней ситуации в Поволжье необходимо хотя бы вкратце воспроизвести динамику национальных и политических процессов в регионе и за его пределами, связанную с российскими немцами. Мы сделаем это в следующих выпусках.

Доктор философии
С. И. ЗАМОГИЛЬНЫЙ

Первый выпуск в основном посвящен вопросам истории, отчасти — состоянию культуры и проблемам социологии. В серии исследований и публикаций мы хотим затронуть вопросы общей истории Поволжья, провести комплексное междисциплинарное исследование культурной среды Саратовской и Волгоградской областей, культурно-архитектурной среды, проследить взаимопроникновение русской и немецкой культур, проанализировать уровень политической культуры. Мы предлагаем присоединиться к нам всем тем, кто готов и способен внести вклад в изучение истории культур народов Поволжья, религиозной культуры, особенностей национального менталитета, национальных движений, правовых аспектов взаимоотношений этносов. Нас интересуют события, происходящие в любом конкретном селе, районе. Любой лист бумаги, фиксирующий событие, может быть истинной драгоценностью, а экземпляр районной газеты — важнейшим источником социологической информации. Нас интересует любое мнение, в подаче и анализе информации нас интересует одно — объективность рассмотрения. Всем желающим сотрудничать с нами, а также потенциальным заказчикам на исследования наш адрес: г. Саратов, ул. Первомайская, 75, Поволжский кадровый центр, проректору по науке. Телефон 26-43-71.

И. Р. ПЛЕВЕ

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПУГАЧЕВ

Крестьянская война 1773—1775 годов под предводительством донского казака Емельяна Пугачева охватила огромные просторы востока и юго-востока страны, оставив заметный след в российской истории. Ей посвящены сотни монографий и статей¹. Создалось впечатление, что каждый эпизод уже изучен, все события сведены в единую стройную схему, а концептуально существуют только небольшие расхождения.

В современных условиях пересматриваются сложившиеся стереотипы не только в освещении истории России после драматических событий октября 1917 года. По-новому, без оглядки на различные идеологические установки, продолжается изучение и крестьянских войн XVII—XVIII веков. А проблем наскопилось очень много². Одна из них — взаимоотношения Пугачева и иностранных колонистов, за несколько лет до восстания обосновавшихся в Саратовской губернии на основе Указов Екатерины II от 1762 и 1763 годов.

Советская историография данной проблемы не велика. Но даже для тех немногочисленных работ, которые исследовали эту тему, характерно стремление, иногда вопреки историческим фактам, показать общность интересов восставших казаков и крестьян с интересами и стремлениями колонистов, подчеркивая активную роль иностранных поселенцев в происходивших событиях.

Первым, наиболее здраво, в русле классового подхода по-

¹ Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. М., 1956. Ч. 1—2; Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1974 и др.

² См.: Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3. С. 130—145.

пытался показать роль немецких колонистов в пугачевском восстании Д. Шмидт¹. Не приводя сколько-нибудь значимых новых исторических фактов, он полемизировал с дореволюционными авторами². Главное направление критического анализа Д. Шмидта работ Г. Бауера, Г. Бераца и др. сосредоточивалось на якобы непонимании или нежелании последних показать активную роль поволжских немцев в крестьянской войне. В этой полемике, в этом надо ему отдать должное, Шмидт делает интересный анализ публикаций своих предшественников по данной проблеме.

Еще дальше в стремлении показать активную роль колонистов в восстании Пугачева пошел М. Бабинцев³. Его уже не устраивал просто спор со своими предшественниками, он идет на откровенную фальсификацию исторических фактов, обильно представленную практически на каждой странице этой небольшой статьи.

В 1967 г. вышла статья крупнейшего специалиста по крестьянским войнам в России В. В. Мавродина⁴. В ней дан глубокий источниковедческий анализ опубликованных материалов по крестьянской войне 1773—1775 годов, где в той или иной степени затрагивались колонисты и их роль. По всей видимости, своеобразная внутренняя установка на необходимость найти материалы и показать именно активное участие иностранных поселенцев в войне не позволили автору объективно подойти к рассматриваемой проблеме. К тому же грубые фактические ошибки портят окончательно доброе впечатление о статье.

В рамках глубоко укоренившегося взгляда на отношения немецких колонистов и Пугачева излагает роль их в восст-

¹ Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Teil 1. Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. Pokrowsk — Moskau — Charkow. 1930. 328 S.

² Bauer Gottlib. Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga seit ihrer Einwanderung nach Russland bis zur Einführung der allgemeinen Wehrflucht (1766—1874) nach geschichtlichen Quellen und mündlichen Überlieferungen. Saratow, 1908. 182 S; Beratz Gottlib. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. Saratow, 1915. 323 S. Bonwetsch Gerhard. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart, 1919. 132. S. und and.

³ Бабинцев М. Участие немцев Поволжья в восстании Пугачева // За коммунистическое просвещение. 1941. № 1. С. 60—67.

⁴ Мавродин В. В. Об участии колонистов Поволжья в восстании Пугачева // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. Смирнова. Л., 1967. С. 400—413.

нии и И. Шлейхер в небольшой статье, опубликованной в журнале «Волга»¹.

Данное исследование не претендует на расстановку всех точек на «i», а только стремится несколько иначе посмотреть на исторические события августа 1774 г. в Саратовской губернии.

С первыми отзвуками крестьянской войны иностранные поселенцы столкнулись еще весной 1774 года. Отдельные отряды восставших крестьян совершили нападения на колонии правобережья. Колонисты неоднократно обращались в Саратовскую Контору опекунства иностранных, и даже в Петербург, с просьбой предоставить военную помощь для защиты своих поселений². Об этом же сообщал в своих письмах в мае 1774 года лейб-гвардии поручику Г. Р. Державину возглавлявший Контору М. М. Лодыженский³. Он прекрасно понимал, что без помощи регулярных частей армии обеспечить безопасность разбросанных по Саратовской губернии колоний Контора не сможет. В ее распоряжении находились небольшие по численности отряды казаков и фузилеров, размещенных в нескольких поселениях иностранцев.

С получением известия о поражении Пугачева под Казанью и начале его отступления по правобережью Волги Контора опекунства иностранных была вынуждена самостоятельно начать подготовку к обороне Саратова, так как руководство города во главе с комендантом Бошняком проявило полное безразличие и халатную бездеятельность. Иначе как оценить заявление генерала-поручика князя М. М. Щербатова 25 июля, что угрозы Саратову со стороны мятежников никакой нет⁴. И это было сказано в то время, когда Пугачев со своей армией находился всего в трехстах километрах от города.

Для организации обороны города М. М. Лодыженский пригласил поручика Державина, а для ведения разведки о движении пугачевцев устанавливались разъезды под командованием капитана Коптеева⁵. Решением Конторы в Саратов отзывались все отряды, находившиеся в колониях. Началась

¹ Шлейхер И. Немецкие колонисты и Пугачев // Волга. 1990. № 9. С. 186—187.

² Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 180. Оп. 7. Д. 28. Л. 2 об.

³ Гrot Я. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и историческим документам. СПб., 1880. Т. 1. С. 130.

⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 5.

⁵ Там же. Лл. 4,4 об.

заготовка патронов. Были приведены в боевую готовность находившиеся в распоряжении Конторы четыре пушки.

Все эти мероприятия встречали в лучшем случае непонимание, а иногда и откровенное противодействие со стороны городских властей. Огромными усилиями М. М. Лодыженскому удалось убедить часть саратовского купечества в необходимости их участия в подготовке города к обороне. 25 июля начались оборонительные работы силами 500 жителей (до этого на оборонительных работах было занято небольшое количество женщин и детей). Но уже 28 июля распоряжением Бошняка работы внутри города были прерваны¹.

На следующий день Лодыженский и Державин приехали к коменданту. Они стремились убедить его, доказать необходимость оборонительных работ на берегу Волги. Доводы были основательны: создать мощное укрепление вокруг города, учитывая пересеченную местность, в короткие сроки невозможно. Создав же, не откладывая, укрепления на волжском берегу, по их мнению, позволило бы продержаться до прихода правительственные войск и защитить от разграбления зерновые склады и магазины Конторы опекунства иностранных, соляные склады, собор женского монастыря и другие важные объекты.

Перелом в настроении саратовских властей, правда очень непродолжительный, произошел после 31 июля, когда капитан Коптеев сообщил о захвате Пугачевым Пензы. 1 и 2 августа на работах по созданию оборонительных сооружений вблизи складов на берегу Волги было занято около тысячи жителей Саратова. Но уже 3 августа по распоряжению коменданта работы вновь прекратились.

Объяснить действия Бошняка очень сложно. Здесь имели место и личные амбиции коменданта, и некомпетентность в военных вопросах, и страх перед возможным захватом города.

После сообщения 4 августа о занятии Пугачевым Петровска и переходом на его сторону жителей и казаков, Контора опекунства начала подготовку к эвакуации казны и документов в Царицын водным путем.

Тем временем из Захваченного Петровска по дороге на Саратов Пугачев прибыл в первую на своем пути немецкую колонию — Ягодную Поляну. Население встретило восставших сдержано, с определенной долей боязни за собственную жизнь. Но переход на сторону пугачевцев трех колонистов

¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 4 об.

(имена их пока неизвестны) обеспечил благополучное завершение этого визита¹.

В это же время один из пугачевских отрядов зашел в соседнюю колонию Побочную. Здесь произошло то, что можно было наблюдать впоследствии в других колониях. Там, где не было самого Емельяна Пугачева, там творились грабежи и разбой по отношению ко всему населению. Вооруженный пищалями отряд из 10 человек разграбил личное имущество колонистов и увел с собой табун лошадей². С учетом того, что эта колония была организована за два года до нашествия и только началось становление хозяйственной жизни, грабежи восставших крестьян привели в смятение жителей.

К вечеру 5 августа Пугачев подошел к Саратову и разместил свой штаб в трех километрах от города в землянке немецкого колониста Пиля (Пилисова)³.

В этот же день в Саратове очень сложно шла эвакуация имущества Конторы опекунства иностранных. Приходилось полагаться только на собственные силы. Обращение к коменданту с просьбой выделить судно и извозчиков осталось без ответа⁴. Положение спас ротмистр Огарев. На судно под его командованием, с еще невыгруженной мукой, служащие Конторы разместили 15 тысяч рублей золотом и серебром, а также часть документов.

Для отправки денег и документов необходимо было еще одно судно. Таковое нашел к вечеру 5 августа казначай Стихеус. При помощи караульных и находившихся в Саратове колонистов удалось загрузить оставшиеся документы⁵. Значительную часть медной монеты погрузить так и не удалось.

Однако достичь Царицына судам не удалось. В 70 км от Саратова вниз по Волге крестьяне села Синенькие во главе

¹ Р. Шнейман и Клифорд Трафцер приводят сведения о казни Пугачевым трех колонистов Ягодной Поляны (R. Scheuerman, C. Trefzer. The Volga Germans: pioneers of the Northwest. Indiano. 1985. S. 51).,, в то время как архивные материалы свидетельствуют, что три колониста ушли с Пугачевым. Впоследствии были пойманы и наказаны (Диц Я. Пугачев в немецких колониях // Саратовский листок. 1914. № 137; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 209.).

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

³ Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. III. С. 208. Это утверждение довольно спорно, так как среди колонистов человека с такой фамилией не было. Скорее всего имелся в виду комиссар колоний секундант-майор Пиль, впоследствии ставший советником Саратовской уголовной палаты.

⁴ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 8.

⁵ Дубровин Н. Указ. соч. С. 209.

со старостой Емельяном Щербаковым захватили корабль Огарева, разграбили казну и утопили все документы. Второе судно было остановлено крестьянами села Рождественского и тоже разграблено¹.

6 августа, без особых усилий, армия Пугачева вошла в Саратов при полной поддержке со стороны горожан. Восставшие сожгли здание Конторы, разграбили хлебные склады и, возможно, была разорена немецкая слобода².

После захвата Саратова Емельяном Пугачевым были казнены три служащих Конторы опекунства иностранных: поручик Ермолаев, протоколист Образцов и регистратор Викш, а также аптекарь, обеспечивавший лекарствами колонии Амаде³. А по дороге в Саратов были убиты проводившие межевание земель для колоний и находившиеся на службе в Конторе подпоручик Федор Спижарский, прапорщик Петр Скуратов, корнет Петр Калмыков, а также смотритель колоний, коллежский асессор Борис Паткуль⁴. Речь идет о том самом Б. Паткуле, который сопровождал из Петербурга в Саратов первые группы немецких колонистов в 1764 году.

На следующий день после взятия Саратова Пугачев направил один из своих отрядов на левый берег Волги. Возникает вопрос: «Зачем?» Какова была цель подобного решения, в то время как войска Михельсона шли по пятам?

Для большинства историков, и особенно советского периода, ответ предельно просто: вербовка иностранных колонистов в свою армию. На наш взгляд причина была в ином. По данным разведки Пугачеву было известно, что сотни украинцев Покровской слободы ожидают его прихода. Мало кто из исследователей обратил внимание на факты, приведенные Я. Громом: «Толпа Пугачева усилилась: к нему из Покровской слободы присоединились до 700 малороссиян, а также некоторые колонисты»⁵.

Такое количество новобранцев следовало обеспечить лошадьми и продовольствием. И самым надежным источником пополнения была собственность Конторы опекунства иностранных

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 48, 180; Дубровин Н. Указ. соч. С. 210. Эти события привели к полной потере документов первых лет проживания немецких колонистов в Поволжье, что делает практически невозможным исследование данного периода истории.

² Beratz G. Ibid. S. 203.

³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, 209:

⁴ Диц Г. Указ. соч.

⁵ Гром Я. Указ. соч. Т. II. С. 58—59.

ранных не только в Саратове, но и склады с продовольствием в крупных колониях. Здесь трудно согласиться с Г. Берацом, который предполагал, что о немецких колониях в этих районах Пугачев узнал только в Саратове и что немецкие колонисты, жившие в Саратове, указали ему путь на Екатеринштадт.

Руководитель крестьянского восстания был достаточно полно информирован об иностранных поселенцах. Еще до начала восстания он бывал на реке Иргиз у раскольника игумена Филарета, который познакомил его с колонистами устья Иргиза¹. Ему были хорошо известны места складирования продовольствия и фураж, экономическое и правовое положение немецких колонистов, их настроения по отношению к центральным и местным властям.

Располагая такой информацией, Емельян Пугачев, по всей видимости, приказал направленному на левый берег Волги отряду обеспечить перешедших на его сторону жителей Покровской слободы и ее окраин за счет складов с продовольствием и фуражем, находившихся в Екатеринштадте.

Прибыв 7 августа в Покровскую слободу, пугачевцы уже на следующий день стремительно двинулись к Екатеринштадту, не обращая сколько-нибудь серьезного внимания на немецкие поселения, лежавшие на их пути. По имеющимся у нас сведениям, кроме Екатеринштадта в этом районе они несколько задержались только в колонии Борегарде². Остальные колонии северной группы левобережья не были затронуты. За Екатеринштадт они просто не пошли³.

У пугачевского отряда явно не хватало времени для длительного рейда на север от Екатеринштадта. С другой стороны, Пугачеву наверняка было известно, что с началом восстания Контора направила в 1773 г. в самую северную колонию — Шаффгаузен 200 солдат с двумя пушками под командованием капитана артиллерии Елгина⁴. Любые же столкновения небольшого пугачевского отряда с регулярными правительственными войсками были в той ситуации не желательны. Они не

¹ Гrot Я. Указ. соч. Т. I. С. 108—109.

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 91 об. Из Борегарда были уведены почти все лошади и конфисковано огнестрельное оружие колонистов.

³ Утверждение М. Бабинцева, что мятежники дошли до колонии Панинской (Schünchen), не имеет под собой никаких оснований (С. 68).

⁴ Гrot Я. Указ. соч. Т. I. С. 120. Старожилы Шаффгаузена рассказывали, что в пугачевщину на окраине колонии стояли две пушки. От первых же поселенцев шло предание, что на холме в черте Шаффгаузена когда-то стояли войска и там видны остатки укреплений.

знали, что за две недели до захвата Саратова по распоряжению Конторы этот отряд был отзван на оборону города.

Как только было получено известие о переправе пугачевцев на левобережье, руководители Екатеринштадской волости приняли решение раздать часть хлеба наиболее надежным колонистам на хранение¹. Так же поступили и в колониях Красноярской волости. Таким образом, часть хлеба удалось спасти.

8 августа в составе небольшого отряда в Екатеринштадт прибыли 100 новобранцев из Покровской слободы, которых Г. Диц ошибочно назвал колонистами². Они-то и проявили особое усердие в грабежах. Из пасущихся у колонии табунов были отобраны лучшие лошади для себя и оставшихся в Покровской слободе сторонников. У жителей колонии были отобраны ружья, порох, пила, седла. Из магазинов забрали сто семьдесят четвертей, или тысяча семьсот пудов ржаной муки.

Пугачевцы предприняли попытки привлечь в свои ряды и колонистов. Вместе с ними в Екатеринштадт прибыл колонист Антон Канинштейн (или Лайкинштейн) с агитационной целью³. Он распространял переведенный на немецкий язык пугачевский манифест. Насколько его миссия была «успешна», свидетельствовало то, что кроме насильтвенной мобилизации колонистов с подводами для транспортировки награбленного, добровольцев не нашлось. Да и те, доставив груз до Покровской слободы, вернулись назад.

Если бы привлечение колонистов в свое войско было бы основной целью продвижения пугачевцев по Заволжью, им

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

² Диц Г. Указ. соч. Ошибочность утверждения Г. Дица очевидна. Пугачевцам просто негде было навербовать 100 колонистов с учетом того, что они прошли только через 2 колонии. Из Ягодной Поляны и Побочкой, а это нам точно известно, с ними ушли только три человека. А из Покровской слободы, не заходя ни в одну немецкую колонию, восставшие прошли в Екатеринштадт.

Г. Берац высказал предположение, что возможно это 100 колонистов, проживавших в Саратове (Idit. S. 204). Но в отчетах Конторы опекунства иностранных после разгрома Пугачева нет никаких сведений об участии немцев Саратова в восстании. К тому же, разорение немецкой слободы города (большинство живших в Саратове колонистов были ремесленники) не способствовало установлению взаимопонимания с пугачевцами.

Г. Берац привел также воспоминания одного из первых колонистов, который утверждал, что прибывший в Екатеринштадт отряд пугачевцев навербовал здесь в свои ряды 100 колонистов. Это практически все взрослое мужское население колонии. В то же время в материалах следственной комиссии участие екатеринштадтских колонистов даже не упоминается.

³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об.

следовало бы, будучи хорошо информированными, пройти через колонии по реке Караман от Старицы (Reinwald) до Отроговки (Zouis). Здесь из-за неурожая и постоянных набегов кочевников сложилась критическая ситуация, и население было готово бежать из этих мест куда угодно.

Но этого они не сделали. Разграбив Екатеринштадт и Борегард, мятежники вернулись в Покровскую слободу, а оттуда пополненный отряд восставших двинулся на юг. Пугачевцы прошли через все колонии южной группы левобережья от Казицкой (Brabander), через Березовку (Deller), Зауморье (Bangert), Степную (Stahe), Вольскую (Kukkus), Яблоновку (Laube), Поповкина (Jost), Тарлык (Jaub), Тарлыковку (Dinkel), Скотовку (Straul), Привальную (Warenburg), Краснополье (Preuss), Кочетную (Hölrel) до Ровное (Seelmann).

Шедший через эти колонии пугачевский отряд отличался жестокостью по отношению к колонистам. Не случайно в отчетах опекунской Конторы отмечалось, что «в поселениях луговой стороны после нашествия злодея немало колонистов побито, в плен угнано и немало пограблено»¹.

Установить точное число погибших от рук пугачевцев очень сложно. Данные противоречивы. В четырнадцати выше приведенных колониях убийства были совершены в двух: Привальной и Степной. В Степной, по воспоминаниям колониста Иоганна Готтфрида Обендорфа, из-за отказа показать, где спрятан табун лошадей, был повешен форштегер Нильсен. Этот пример приводится практически во всех исследованиях по данной проблеме².

О зверствах в колонии Привальной упоминают тоже многие. Г. Берац писал, что были повешены 7 человек³, у Я. Дица — 6⁴, а в отчете общества колонии в Контору было сообщено о том, что повесили форштегера Ильнера и колониста Симона (его жена умерла несколько позже от побоев)⁵. Данными о казнях в других колониях мы не располагаем.

А вот грабежам подвергались все колонии. Были разграблены все склады с продовольствием и фуражем. Можно привести только несколько таких примеров. В первой на их пути колонии Казицкая помимо грабежей насильно были уведены малолетние дети-сироты⁶, а из Тарлыка и близлежащих

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

² Диц Я. Указ. соч.; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 410.

³ Beratz. Ibit. S. 206.

⁴ Диц Я. Указ. соч.

⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

⁶ Там же. Л. 136.

колоний пугачевцы захватили 300 лошадей, в последствии брошенных уже на правом берегу Волги¹, а из Ровной для транспортировки награбленного были мобилизованы 15 молодых колонистов².

Основные же силы восставших крестьян и казаков во главе с Пугачевым, отдохнув и основательно разграбив Саратов, 9 августа покинули город и двинулись на юг, в направлении Дмитриевска (Камышина) и Царицына. Продвижение осуществлялось не по почтовому Астраханскому тракту, а по находящимся рядом проселочным дорогам от одного населенного пункта до другого. Главная причина в том, что они опасались возможных засад. Они так же держались в отдалении от Волги, где их могли догнать на судах правительственные войска.

В этот же день пугачевцы прибыли в первую на их пути немецкую колонию — Таловку (Beidek). О ее прохождении наглядно свидетельствовал П. С. Рунич, проезжавший по колониям буквально по следам Пугачева. За пять часов до подхода основных сил, прибыли пять казаков и приказали не покидать колонию до прохождения через эти места Пугачева. Колонисты выполнили все указания, и хозяйства жителей не подверглись разорению³. Среди советских историков, а также ряда дореволюционных бытовало мнение, что Пугачев стремился не причинять обид иностранным колонистам, так как опасался международных осложнений⁴. Но причина столь доброго отношения к колонистам отдельных колоний была в другом. Как свидетельствовала комиссия Конторы, проводившая выборочное обследование колоний после пугачевского нашествия, там, где по первому требованию восставших выделялись подводы для транспортировки грузов, находились желающие их сопровождать, грабежей не было⁵. Так из Таловки было мобилизовано шесть колонистов⁶.

В следующей колонии на пути Пугачева в Норке, тоже забрали лошадей и телеги. Надо учесть, что продвижение шло по плохим проселочным дорогам и требовалась частая смена

¹ Там же. Л. 119.

² Там же. Л. 243.

³ Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте.
// Русская старина. 1870. Т. II. С. 109.

⁴ Диц Я. Указ. соч.; Мавродин В. В. Указ. соч. и др.

⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 11, 12 об.

⁶ Как выяснило следствие, эти колонисты действительно были мобилизованы насильственно и все помилованы (ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 158).

подвод. Из Норки тоже были мобилизованы несколько человек, в том числе и Вильгельм Штеркель, оставивший свои воспоминания о приключениях в составе пугачевского отряда. Эти воспоминания приведены практически во всех работах по истории поволжских немцев.

Проследить точный маршрут движения отрядов Пугачева не представляется возможным. Помимо колоний, расположенных рядом с Астраханским почтовым трактом, отдельные отряды восставших крестьян заходили и в отдаленные колонии. Так в одной из самых западных колоний Гречишной Луке (Walter) мятежниками до основания были сожжены четыре дома¹.

По данным Я. Дица основные силы Пугачева в дальнейшем пошли по маршруту Славнуха (Huck), Гололобовка (Dönnhot), Топовка, Карамышевка (Bauer), Макаровка (Megkel), Починная (Kratzke), Грязноватка (Schuck), Каменка, Поповка (Brehning), Усть-Грязнуха (Göbel), Верхняя Добринка (Dreispitz) и Добринка². Но есть сведения, что пугачевцы побывали еще в Елшанке (Husagel), Россоси (Franzosen), Олешны (Dittel), Лесном Карамыше (Grimm) и некоторых других колониях правобережья.

Серьезным разрушениям подверглись несколько колоний, в том числе Елшанка и Починная³. А Гололобовку Пугачев вообще распорядился сжечь. В этой колонии форштегером был граф Денгоф. На требования восставших о его выдаче для казни колонисты ответили отказом. Не найдя его в колонии, рассерженный Пугачев принял это решение, стремясь тем самым наказать жителей за непослушание. Но колонисты смогли подкупить оставшихся для выполнения приказа мятежников и спасли свою колонию. В то же время в некоторых других колониях пугачевцы забирали только оружие, оставляя нетронутым хозяйство иностранных поселенцев⁴.

Неожиданным можно считать поворот пугачевских отрядов от Астраханского тракта к Волге в направлении Нижней Добринки. В этой колонии по заданию императрицы для географического описания Саратовской губернии в это время находился немецкий астроном Ловиц, которого, по преданиям колонистов, Пугачев распорядился посадить на кол, «чтобы лучше видел звезды». Видимо, восставших не очень привлекали

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.

² Диц Я. Указ. соч.

³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 3 об.

еще не заселенные глубинные территории от существовавших немецких колоний до Камышина, куда он направлялся дальше.

Наибольший ущерб и разорения понесла самая южная и самая богатая колония Поволжья — Сарепта. Первые известия о движении отрядов Пугачева вниз по правобережью Волги были получены жителями колонии еще 23 июля¹. А с 8 августа через Сарепту на Астрахань двинулись первые группы беженцев из Саратова. Измученные в дороге люди рассказывали, во многом со значительным преувеличением, о невероятных зверствах и разорениях, творимых пугачевцами.

Сообщения, нередко на уровне слухов, получаемых от проезжавших каждый день беженцев, производили на колонистов гнетущее впечатление и заставили руководство колонии начать подготовку к эвакуации в Астрахань имущества и жителей, в основном женщин и детей. Однако настойчивые поиски в Царицыне и его окрестностях достаточного числа судов для отправки водным путем людей и ценного ремесленного инструмента закончились безрезультатно.

17 августа в Сарепту прибыл посыльный с наказом царицынского коменданта начать эвакуацию в связи с приближением войск Пугачева. В тот же день, на закупленных с большим трудом 10 рыбакских лодках, были отправлены вниз по Волге 110 женщин и детей². Путешествие на лодках оказалось делом тяжелым. От недостатка съестных припасов и холода многие дети болели. 27 августа эта группа жителей Сарепты прибыла в Астрахань, а после радушной встречи их разместили по квартирам³. Многие семьи, не имея возможности достать лодки, ушли в Астрахань пешком.

В Сарепте осталось 65 мужчин под руководством Генриха (по другим источникам Даниеля) Фика. Они разделились на две группы: одна — прятала имущество, а другая — защищала колонию от разграбления. В первую очередь отогнали в степь оставшийся скот, а в самой колонии день и ночь складывали в погреба и специально вырытые ямы мебель, товары, ремесленные инструменты, заваливая входы камнями. Увидев все эти приготовления, русские работники и гарнизон солдат, отказавшись повиноваться, покинули Сарепту.

¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2132. Л. 17 об.

² Дубровин Н. Указ. соч. С. 249.

³ Государственный архив Саратовской области. Филиал в г. Энгельсе (ГАСО ФЭ). Ф. 1348. Оп. 2. Д. 121. Л. 65.

Другая группа мужчин приступила к укреплению колонии. Они расставили по оборонительному валу девять маленьких железных пушек, принадлежавших обществу. Защищать имущество колонии приходилось и от российских вольных людей, которые на четырех судах стояли у пристани рядом с Сарептой, ожидая отъезда жителей.

Но главная опасность до прихода Пугачева исходила от калмыков, бродивших толпами в несколько сот человек, проявляя откровенную агрессивность. Несколько раз они приближались, стреляя из ружей и попытались даже взять Сарепту приступом. Всего один выстрел из пушки и посланные навстречу кочевникам вооруженные всадники обратили их в бегство¹. Еще одно нападение на Сарепту произошло утром 21 августа, которое было отбито при помощи подошедшего к колонии отряда казаков из ближайшей станицы².

После обеда, 21 августа, посланный на разведку колонист Гиссен сообщил, что мятежники подошли к Царицыну, а один отряд уже обошел город и вышел на дорогу по направлению к Сарепте. Не теряя ни минуты, оставшиеся «братья», произнеся благодарственную молитву Господу Богу, в восьмом часу вечера все до одного человека покинули колонию. Здесь остались несколько казаков и верный сарептянам старый русский гусар Фома Разболовский³. «Сколь чувствителен сей выезд всем братьям не был, — писал Г. Фик, — однако все были в том одного мнения, что лучше все свое движимое и недвижимое имущество оставить, нежели данную Ее Величеству присягу верности нарушить и подвергнуть такому злодею»⁴.

Беглецы двинулись по дороге на Астрахань, покидая свой дом, который тяжелым трудом превратили в цветущий островок среди необозримой голой степи, и которому через несколько часов предстояло превратиться в груды дымящихся развалин.

Шли колонисты медленно, не более трех верст в час. Собранные второпях подводы не были предназначены для длительных переходов и, в большинстве своем, запряжены волами. Приостановившись в густых сумерках на возвышенности

¹ ГАСО. Ф. 407. Д. 2132. Л. 18.

² ГАСО ФЭ. Ф. 1348. Оп. 2. Д. 121. Л. 65 об.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Цит. по: Дубровин Н. Указ. соч. С. 250. В этом отношении выглядит более чем странным утверждение В. В. Мавродина об уходе колонистов к Пугачеву целыми селениями и, как один из наиболее характерных примеров, история с Сарептой (Мавродин В. В. Указ. соч. С. 411).

недалеко от Сарепты, они увидели в окнах своих домов блеск огней, что без сомнения означало начало разграбления.

Но разорение Сарепты начали не пугачевцы, а калмыки¹. Прибывший на следующее утро Пугачев застал пустую и основательно разграбленную колонию. Это вызвало у главаря крестьянской войны негодование и ярость. В догонку за уходящими на юг колонистами был послан отряд с приказом догнать и казнить беглецов².

К вечеру того же дня, преодолев 42 версты, колонисты получили от проезжавшего мимо казака сообщение о том, что пугачевская армия грабит Сарепту, а посланный вдогонку отряд скоро будет здесь.

Полученное от казака известие заставило колонистов двигаться без всякого отдыха. Но в вечерних сумерках они сбились с большой дороги и продвигались по проселочной. А тем временем посланный Пугачевым отряд безуспешно искал их на главной дороге, в то время как преследуемые продвигались в нескольких верстах, параллельно от своих преследователей, не подозревая об этом.

По дороге на Енотаевку их догнала радостная весть: пугачевские войска потерпели сокрушительное поражение. Придя в Астрахань, они немного отдохнули и, вместе с прибывшими раньше, отправились в обратный путь. 14 сентября жители Сарепты вернулись на пепелище своей колонии³.

Они застали свое поселение неузнаваемым. Страшно свирепствовали грабители и вандалы: раздробленная на мелкие части мебель, взломанные ящики. Ни одно окно, ни одна дверь не остались целыми. Печи в домах были разрушены, полы взломаны, погреба под домами, куда перед уходом прятались товары и вещи, были повсюду разломаны, а товары раскрадены. Все то, что похитители не могли унести с собой, ими было уничтожено. От аптеки с обширным запасом лекарств, магазинов, наполненных разными товарами, фабрик и заводов, прочих домов и церкви не осталось ничего, кроме голых стен и обломков разломанных вещей⁴.

Общие убытки Сарепты от бесчинств пугачевских и кал-

¹ Впоследствии удалось установить имена 15 калмыков, наиболее активно участвовавших в грабежах в Сарепте (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1335. ЛЛ. 96—97).

² ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2132. Л. 29 об.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2132. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21.

мыцких отрядов, по разным источникам, от 67,5 тыс.¹ до 70² и 80 тыс. рублей серебром³.

После разгрома основных сил Пугачева под Черным Яром правительство предприняло ряд мер по охране немецких колонистов от набегов кочевников и остатков крестьянской армии⁴. Армейские отряды размещались в ряде колоний лево- и правобережья. Только для охраны северной группы колоний луговой части в Панинскую (Schönchen) было направлено 105 казаков⁵.

В соответствии с распоряжением правительства находившиеся в колониях войска брались на полное продовольственное довольствие жителями близлежащих населенных пунктов. С учетом разграбленных пугачевцами складов с продовольствием и неурожая 1774 г. это стало тяжелым бременем для иностранных поселенцев. Об этом регулярно сообщали в Контору опекунства иностранные старости. Так, форштегер колонии Елшанка (Husaren) Лебрехт сообщал, что кормить пришедшие войска просто нечем⁶. Со своей стороны Контора обращалась в Петербург за срочной продовольственной помощью. Из 50 тыс. рублей, запрошенных из Саратова для колонистов на приобретение продовольствия, было выделено только 30 тыс., да и те поступили с большим опозданием⁷.

Нарекания со стороны колонистов вызывали нерасторопность командования этими частями во главе с генералом Марковым. Иногда солдаты прибывали в колонию через несколько дней после нападения кочевников. Через Контору колонисты требовали более активных действий по борьбе с грабителями⁸. Наличие войск в колониях остудили многие горячие головы любителей легкой наживы.

И все же, насколько активно участвовали колонисты в пугачевском восстании? В известной «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкин утверждал о том, что иностранные поселенцы в большом количестве присоединились к восставшим крестьянам и казакам. Великий русский поэт утверждал, что

¹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 250.

² Бабинцев М. Указ. соч. С. 65.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2132. Л. 21 об.

⁴ Утверждение Бабинцева (Указ. соч. С. 66) и Мавродина (Указ. соч. С. 412) о направлении карательных отрядов на подавление восстаний в колониях не соответствуют историческим фактам.

⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 7. Д. 28. Л. 9.

⁶ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об.

⁷ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1360. Л. 42 об.

⁸ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.

«иностранные, поселенные по течение Волги, все к нему присоединились и Пугачев составил из них гусарский полк»¹. Трудно сказать, на основе каких документов был сделан подобный вывод, но в таком случае в восстании должны были участвовать почти все мужчины немецких колоний.

С утверждением Пушкина не согласилось большинство авторов, писавших по истории поволжских немцев в XIX — начале XX веков, использовавших в своих работах в основном воспоминания современников происходивших событий. По их мнению, участников восстания из колонистов было немного. Так, пастор Берац сообщает о 102 колонистах, не все из которых присоединились к Пугачеву добровольно².

Советские историки, в стремлении показать глубоко классовое единство устремлений восставших и колонистов, стали подбирать исторические факты под заранее определенную схему. Они взяли за основу степени участия колонистов в восстании сообщение Конторы опекунства иностранных, приведенную Гротом, о захвате при разгроме Пугачева и отправке в саратовские колонии 432 человек мужского и женского пола³. Не анализируя глубоко этот документ, большинство указанных авторов поспешили объявить эти 432 человека участниками восстания. Тогда получалось, что Пугачев свою армию формировал не только мужчинами, но и женщинами. Конечно же, это не так. Однако что это за колонисты, оказавшиеся вдалеко от мест постоянного проживания? Ответ на этот вопрос дает сам Грот: «Постоянные нападения киргизов привели к тому, что многие колонисты стремились уехать на Кавказ»⁴. И многие в этих целях использовали прохождение пугачевских войск. Наиболее активны были жители колоний Кустарево (*Zeitsinger*) и Краснорыновки (*Keller*). О том, что они не участвовали в восстании, свидетельствует то, что после задержания более четырехсот колонистов и колонисток былиозвращены на прежние места проживания, без применения каких-либо мер наказания.

Те колонисты, которые насильственно включались в крестьянскую армию, также не несли наказаний после выяснения всех обстоятельств дел. Так, Мартин Камловский из колонии Елшанки (*Husaren*) находился в пугачевском войске до его

¹ Пушкин А. С. История Пугачевского бунта. Полн. собр. соч. М., 1938. Т. 9. Ч. 1. С. 64.

² Beratz. Idit. S. 206.

³ Грот Я. Указ. соч. Т. II. С. 181.

⁴ Грот Я. Указ. соч. С. 180.

разгрома. После возвращения нашел свое хозяйство полностью разграбленным. Контора опекунства иностранных поручила форштегеру Лебрехту вернуть все, что ранее принадлежало Камловскому¹.

Нельзя оставить без внимания Манифест генерала армии Павла Дмитриевича Мансурова к немецким колонистам, подготовленный 13 августа 1774 г. (кстати, после ухода пугачевских отрядов из колоний). Этот документ рассматривался, например, Д. Шмидтом, как наиболее важный материал, подтверждавший участие колонистов в восстании. Его полный текст был помещен на русском и немецком языках в исследованиях Грота и Шмидта. Внимательно читая этот документ, приходишь к выводу, что он был обращен, в первую очередь, к тем, кто самовольно покинули места своего проживания, тем самым нарушив принесенную императрице клятву.

И все же полностью отрицать участие колонистов в восстании нельзя. К сожалению, пока трудно восстановить имена всех активных участников. Но некоторых можно назвать. Из Голлобовки (Dönnhot) Эрих Гаазе и Иоганн Штраух, на которых был проведен денежный начет и телесные наказания². В колонии Олешни (Dictel) общество взяло на поруки Генриха Верта — участника восстания³. Из колонии Козицкой наказаниям подверглись колонисты Герр, Шмидт, Руш⁴. Еще несколько фамилий приводятся в сборнике документов «Пугачевщина». Это — Лоренц Крауз, Иоганн Кивит, Фердинанд Кранефельд, Августин Шамлов, Леонгард Дебедист, Иоган Якоб Венрих⁵.

По данным майора Семанжа, переданным в Контору опекунства иностранных, говорится об аресте сорока колонистов — участников восстания⁶, которые в последствии понесли различные наказания. И если сравнить эти цифры с 25 тысячами немцев-колонистов, проживавших тогда в Поволжье, то можно сделать вывод о крайне незначительном участии иностранных поселенцев в восстании.

Каковы же были людские потери в колониях в период пугачевского нашествия? Если обратиться к работам по истории поволжских немцев XIX — начала XX веков, то невольно соз-

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 об.

³ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 220 об.

⁴ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 205 об.

⁵ Пугачевщина. Сб. документов. М.-Л., 1926. Т. 3. С. 204.

⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1330. Л. 16.

дается впечатление, что пугачевские отряды совершили мас-совые убийства. Наиболее яркими примерами могут служить описания зверств у Бауера и Бераца. Они основывались на воспоминаниях, которые с отдалением описываемых событий приобретали все более легендарную окраску. Архивные материалы не подтверждают многие из приведенных в их работах примеры. По нашим подсчетам, от рук пугачевцев, исключая казненных служащих Конторы, о которых писалось выше, погибло около десяти колонистов. За семьями погибших устанавливалось государственное опекунство. Правительство по мере сил помогало отдельным, наиболее пострадавшим семьям. Так, колонисту Рейфшнейдеру, у которого было уничтожено все хозяйство, было выделено сто рублей¹. Но такие примеры были редки на фоне страшной хозяйственной разрухи.

Пугачевские отряды преследовали и казнили в основном людей дворянского звания и представителей царской администрации. Зная об этом, руководство Конторы обратилось к генералу Панину, еще до прихода Пугачева, сделать все возможное для перевода всех колонистов, имевших дворянские звания, в безопасное место².

Пугачев и его армия нанесли значительный материальный ущерб немецким колониям на Волге. Практически не поддаются учету потери отдельных семей. У Конторы опекунства иностранных было похищено золотых и серебряных монет на 15 тыс. рублей и на 25.789 руб. $\frac{3}{4}$ коп. медных. Кроме того, у находившихся в колониях офицеров захватили еще 215 рублей казенных денег³. Только денежные потери Конторы, с учетом того, что незначительную часть денег удалось вернуть, составили около 38 тыс. рублей.

Из саратовских продовольственных складов и магазинов Конторы было разворовано ржаной муки и овса на 43255 руб. $33\frac{3}{4}$ коп⁴. В четырех магазинах правобережья, где концентрировался колонистский хлеб, было похищено муки и другого продовольствия на 21901 руб. 90 коп.⁵ и практически столько же в магазинах левобережья⁶.

Установить точное число похищенного невозможно, так как

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 131.

² Там же. Л. 5.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1360. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 14 об.

⁵ Там же.

⁶ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1, Л. 209.

все регистрационные книги были уничтожены. Ясно одно, что с огромным трудом с 1773 г. создаваемый продовольственный запас был практически полностью разграблен. Солдатам удалось обнаружить часть разграбленного, но до колонистов оно не дошло, так как было использовано на содержание армии.

Таким образом, только что становившиеся на ноги хозяйства колонистов были подвергнуты серьезным испытаниям. Это касалось не только тех колоний, где непосредственно прошли пугачевцы, но косвенно затронуло и остальные. Не случайно, недельный тайфун, пронесшийся над немецкими поселениями, оставил в народной памяти не романтику вольных людей, а ужасы разорения. Колонисты в своем подавляющем большинстве отнеслись к восстанию с неприязнью.

Священник КОНСТАНТИН ПРОСКУРИН

САРАТОВСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В 1917—18 ГГ.

1917 год Россия не забудет никогда: Отчизна надолго потеряла тогда самое себя и лишь только сейчас возвращается на круги своя. Находясь в Ставке (Могилев), Государь Император Николай II получил известие о волнениях в столице 25 февраля по телеграфу от командующего войсками Петроградского военного округа генерала С. Хабалова, председателя Государственной Думы М. Родзянко и председателя Совета Министров Н. Голицына. Утром 25 февраля царский поезд направился в Петроград. Трагедия началась. Есть минуты бытия, о которых сам Христос сказал: «Продай одежду свою и купи меч». (Евангелие от Луки, глава 22, стих 36).

Но мечом завладели не те люди и в этом грехопадении февраля—октября 1917 г. пострадали решительно все, но сильнее других — Православная церковь. Однако этот пласт русской истории мало разработан, а история, например, Саратовской епархии вовсе почти неизвестна ученым-историкам. Данная небольшая работа призвана лишь для первичного освещения истории саратовского духовенства в трудное революционное время.

Давно уже шла мировая война, но внешне январь 1917 г. был спокойным, вот только почти каждый номер Саратовских епархиальных ведомостей публиковал списки десятков (!)

свободных мест священнических, диаконских, псаломщических. Псаломщики призывались в действующую армию, а духовенство нередко меняло род занятий, уходя за штат. Тем не менее подписька на военный заем среди клириков шла успешно. Это тем более удивительно на фоне общего обнищания населения, когда особенно страдало сельское и даже городское духовенство и их семьи. Рабочие и служащие получили к жалованью 40% надбавку, но ничего не получили священники — надежные и важные работники. Приходская реформа так и не осуществилась, жизнь же требовала новых расходов, новых усилий в борьбе с военными трудностями. Именно духовенство открыло при саратовском Крестовоздвиженском женском монастыре первый лазарет на 100 қоек. Открывались приюты и попечительства для детей-сирот и вдов воинов. 16 декабря 1916 г. решили строить храм-памятник воинам, погибшим на германском фронте, также на епархиальные деньги. Где их взять? На хуторе Летовском Царицынского уезда, по окончании богослужения, диакон Малахов с амвона обратился к прихожанам со следующей речью: «Господа! Вы раньше за молебен платили 10 коп., платите теперь 15 коп. Все стало дорого: раньше масло постное было 15 коп., теперь — 60 коп. Куры были раньше по 40 коп., теперь стали по 1 руб. 20 коп. Чем мы будем кормиться?» И так было почти повсеместно. Епархиальная жизнь не умирала, однако. Епископ Палладий обезжал с ревизией приходы, читались с амвонов проповеди, исполнялись трбы, награждались усердные служаки.

Тяжело было жить, нелегко было и хоронить умерших. Епархиальный съезд был вынужден открыть даже «Епархиальное похоронное бюро», ставился вопрос об оптовой заготовке дров и продовольствия для нужд епархии и ее служащих. Безверие, очерстение душ было обычным делом. Например, 1 февраля 1917 г. умер финансовый и биржевой деятель, 50-летний В. А. Красулин, одинокий человек, состояние которого оценивалось в 15 млн. руб., но на нужды Церкви или бедных он никогда не жертвовал. Не похожи ли эти контрасты на нынешние?! Из окопов прaporщик А. И. Решов (из Петровска) писал, обращаясь к духовенству: «...Отцы духовные! Не жалейте своих сил в деле нравственной подготовки воина. Дайте ему «воду живую» в изобилии и грозный враг будет разгромлен». Как видно, верующие воины надеялись на свою родину — на Святую Церковь.

Россия еще не получила того страшного удара, который ждал ее в марте: 2 числа Царь Николай II, Помазанник Б

жий, подписал манифест, в котором он счел «за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя власть...». 8 марта в 13 часов в Кафедральном (Александро-Невском — К. П.) соборе был отслужен молебен после оглашения Манифеста. Всем, или многим, казалось, что во всем виноват царизм, доведший Россию до банкротства, а новая власть (Временное правительство — К. П.) спасает ее. Епископ Палладий, консистория, духовно-учебные заведения послали телеграммы на имя председателя Государственной Думы М. В. Родзянко с выражением поддержки новой власти. Но и Совдепы не дремали. Понимая силу Церкви, пытаясь ослабить ее, председатель Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов Васильев 20 марта 1917 г. на общем собрании духовенства Саратова прямо заявил: «..Многим из вас, господа, придется... переродиться, совлечь с себя старого человека. ...Чем вы избавите нас от необходимости прибегать к нежелательным мерам воздействия. А мы от этих мер в необходимых случаях не откажемся»¹. Нарождающаяся большевистская власть уже начала показывать свой сатанинский лик.

Неразбериха в стране больно ударила по духовенству и в общественно-политическом положении: любой вооруженный негодяй мог остановить священника, оскорбить его, отобрать деньги, одежду и т. д. Центральная церковная власть — Священный Синод уже был не в состоянии влиять на епархиальную жизнь, епископская власть в епархиях стала ослабевать, все большее значение имели епархиальные съезды. Их влияние было велико: удалялись скомпрометировавшие себя люди (например, священник Симеон Буров, личный секретарь епископа Палладия), осуществлялось руководство финансами, свечным заводом, ограничивался произвол некоторых despoticеских архиереев и т. п. Тогда же был в Саратовской епархии учрежден суд чести для духовенства. Духовенство стали называть теперь «гражданами в рясах».

Развал в стране повлек за собой епархиальный раскол: викарный епископ Леонтий не ладил с правящим епископом Палладием, подозревая последнего в том, что он — ставленник Распутина, как и предыдущий епископ Алексий. Епархиальный съезд потребовал от военных властей Саратова подвергнуть аресту (!) епископа Палладия, совершив тем самым грубое нарушение канонов, потому что судить епископа могут только епископы. Атмосфера в епархии накалилась и

¹ Саратовские епархиальные ведомости. 1917. № 10, 11. С. 364.

лишь ко второй половине мая несколько нормализовалась, когда правящим архиереем был избран (!) викарный епископ Досифей Вольский, ставший Саратовским и Царицинским 28.08.1917 г. В июле 1917 г. был опубликован Устав Саратовского пастырского союза, новой общественной организации духовенства. Шли выборы представителей в Учредительное собрание, предполагавшееся быть 30 сентября 1917 г. Перед духовными был трудный выбор — за кого голосовать? Ведь ни одна партия ясно не выразила своего отношения к Церкви, кроме левых (нетерпимость к Церкви), но не за них же голосовать! Было от чего задуматься горько и глубоко.

Остро встал вопрос о земле. Церковная земля принадлежала церковной общине, а духовенство лишь бесплатно арендовало ее. На 1 члена причта полагалось 11 десятин земли (=12 га); исключая землю, идущую под постройки, оставалось по 8—10 десятин на 1 человека причта. Разве это излишки? Но и эта земля отбиралась у причетников. Так понемногу, исподволь, шло разграбление духовного ведомства. Плевелы безбожия всходили повсеместно: например, разнуданность жителей села Березовки Аткарского уезда зашла так далеко, что многие безнаказанно писали на воротах своих домов: «Священникам вход воспрещается». Духовенство чувствовало себя очень неуютно, его удельный вес в жизни общества в 1917 г. сильно понизился. Нельзя сказать, что духовенство бездействовало. Священник Михаил Павлович Платонов из Серафимовской церкви прямо обращался к пастве с заявлением о том, что новое правительство разрушает церковь, отнимает у нее школы и передает их земству, объявляет церковное имущество государственным. Было немало и других подобных голосов, но они неслись в единую волну церковного голоса. Не хватит большой книги, чтобы описать факты произвола прихожан (более всего на селе) по отношению к своему духовенству. Причина этому — безнаказанность в условиях анархии и двоевластия. Не в меру ретивые миряне уже начали забирать бразды правления на приходах в свои руки. Возникла необходимость самозащиты и потому решили поскорее образовать профсоюз духовенства.

Неумолимое время шло к своему новому рубежному сроку — октябрю 1917 г. Саратовская епархия трудно, но жила: отправлялись богослужения и требы, учились семинаристы, награждались к Святой Пасхе и другим праздникам священнослужители, выходили епархиальные ведомости. В воздухе же «пахло грозой». Саратовская печать, в том числе и

епархиальная, чутко реагировала на события в мире, России и в самом городе. Описать эти горячие эмоциональные статьи, заметки, письма в редакцию совершенно невозможно в рамках небольшого рассказа. Придется ограничиться краткими словесными схемами. Чем ближе подходил срок, названный впоследствии октябрьским переворотом, тем более тревожно становилось в городе из-за высокого уровня преступности, безвластия. В августе 1917 г. ограбили Ильинскую и Никольскую церковь. Всюду: на улицах, на вокзалах, в вагонах раздавалась бесстыдная проповедь безбожия и сектантства.

В ночь с 25 на 26 октября (со среды на четверг) в Петербурге большевики узурпировали власть. «...Так в октябре мечта сбылась рабочих и крестьян». Более недели Саратов был отрезан от всего мира и только в первых числах ноября связь была восстановлена, а уже 5 ноября в Саратовских епархиальных ведомостях появилась гневная редакционная статья А. И. Казанского, правильно оценившего суть переворота. Можно представить, какова была в дальнейшем судьба этого православного человека. Никогда со времен монгольского ига Россия не встречала Рождества Христова 1918 года в таких печальных обстоятельствах. Уже два месяца безумцы губили Россию, плач и стон слышался над православной землей. Отделенная от государства, Церковь разве перестала быть Христовой? Разве мало доброго сделала она своим чадам? Все забыто. Особенно яростно нападала на православие «революционная» интеллигенция, вселяя в умы и души людей политиканство вместо духовности. Не все в Саратове (и других епархиях) выдерживали это внешнее давление, но указ о конфискации церковного имущества особенно вызвал отток духовенства из своей среды в частные конторы, в мирские учебные заведения, за штат. Семинаристы волновались о своем будущем не меньше взрослых: крест нищества и безмерные моральные страдания были не всем по силам.

В новогодних поздравлениях пастве, написанных викарным епископом Дамианом, народ призывался бороться со злом неверия, разграбления, попрания прав, святынь русского народа. Священник М. Сошественский из Сергиевской церкви каждое воскресение говорил обличительные проповеди, которые приходил слушать чуть ли не весь Саратов. 7 января 1918 г. арестовали священника Сергея Перепелова из Михаило-Архангельской (Петропавловской) церкви, чьи проповеди показались большевикам опасными. Можно быть уверенными, — смелым пастырям новые власти ничего не прощали.

Судьбы их были предрешены. Беда не приходит одна: на Украине зашевелились автокефалисты, униаты, усиливалась баптистская пропаганда.

17 января 1918 г. на квартире ректора семинарии архимандрита Бориса (Соколова) собралось духовенство на заседание, посвященное памяти святителя Питирима Тамбовского чудотворца. Присутствовали также епископ Дамиан и архимандрит Феофил. Кто-то донес о собрании и пришедшие солдаты хотели увести с собой в военную секцию (в Крытом рынке — К. П.) епископа и обоих архимандритов. Но остальные присутствующие энергично воспрепятствовали этому и в итоге большевики ограничились обыском в квартирах ректора и инспектора, в библиотеке и кладовой. Разумеется, никаких документов на арест и обыск не было предъявлено. 25 января 1918 г. исполнилось 100 лет со дня основания Саратовского духовного училища. Грустный был юбилей: духовно-учебные заведения Саратова были на грани закрытия из-за недостатка средств и беспорядков (стрельбы) на улицах города. 1 марта 1918 г. прекратили всякую выдачу денег из казны на церковные нужды (приказ наркома по государственному признанию Коллонтай). Началось неприкрытое и бесстыдное преследование священников. Первыми жертвами красного террора стали сельские священник Николай Лебединский (умер от побоев) и Владимир Пиксанов (избит плетьми и расстрелян). А 4 июня 1918 г. правящий епископ Досифей был вынужден срочно выехать в Аткарск спасать от ареста и гибели священника, псаломщика и двух мирян. Их отпустили. Но мог ли архиерей успеть спасти всех гонимых?! Еще в апреле 1917 г. Архиепископ Сергий Финляндский, глава Синода (не путать с обер-прокурором! — К. П.), обратился с воззванием к архиастырям, духовенству и мирянам о созыве Поместного собора, на котором 6 ноября 1917 г. новым Патриархом всея Руси стал митрополит Московский Тихон. Его постановлением № 65 15(28) февраля 1918 г. было санкционировано создание союзов (коллективов) из прихожан для защиты святынь и церковного достояния от посягательств. Воззвание в связи с выходом декрета о свободе совести под названием «Мужайся же, Русь святая! Иди на свою Голгофу», прямо говорит, что люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христианской, а некоторые из них и всякой веры, издали декрет о свободе совести, а на самом деле устроили полное насилие над совестью верующих. Лучше не скажешь.

Церковь, в частности саратовское духовенство, искали пути сохранения жизнеспособности приходов, церковных школ, стремились сберечь профессиональную преемственность. Для этого в Саратовской епархии вместо отнятых духовно-учебных заведений, обращаемых в мирские школы, решили открыть «вероучительные классы» с сокращенной программой. При мужском Спасо-Преображенском монастыре предполагали с 1 сентября 1918 г. открыть курсы псаломщиков. Люди надеялись на лучшее, но не многие помнили недавнее пророчество о. Иоанна Кронштадского: «...И если не будет покаяния у русского народа, — конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами...» Как полно подтвердила это наша история!

А. В. КОДЫЛЕВ

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (20-е годы)

Волна социальных реформ и преобразований, захлестнувшая Россию с приходом в 1917 г. к власти большевиков, коснулась и религиозных вопросов.

Государственно-церковная политика Советской власти была направлена на отделение церкви от государства, отторжение ее от участия в общественной жизни. Роль церкви определялась исключительно с классовой позиции. И поэтому вся политика Советского государства в отношении к церкви, религии приняла антирелигиозный характер.

По праву первым антирелигиозным политическим актом Советской власти в Саратовской губернии явился декрет, изданный в 4 ч. 20 мин. утра 9 ноября 1917 г. на заседании исполнительного комитета Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов. Он гласил о передаче всех помещичьих, церковных и прочих земель крестьянству¹.

¹ Декрет о передаче всех помещичьих, церковных и прочих земель крестьянству. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 199. Оп. 1. Д. 262. Л. 23, 24.

Основная часть законодательной деятельности местной Советской власти, наиболее принципиальная в отношении государства и церкви, приходится на 1918 год.

Так, в феврале 1918 г. в Саратове начал функционировать Отдел записей браков, рождений и смерти¹. В марте заседание губернского Совета народного образования постановило прекратить преподавание Закона Божьего в учебных заведениях². Появляются первые распоряжения властей об изъятии и передаче для иных целей церковных земель и зданий.

Решительные действия властей привели к конфликтам с церковью. Прошли массовые обыски у местного духовенства, были осуждены члены Епархиального Совета, приговаривались к расстрелу священнослужители, на периферии отмечались выступления с участием духовенства.

Социально-экономические особенности губернии предопределили и историческую специфику реализации антирелигиозной политики. Во-первых, основная масса населения губернии была крестьянской (более 80%)³, а труд крестьянина уже сам по себе обязывал к жизни, связанной с исконными традициями и обрядами. Во-вторых, пестрота национального состава населения давала значительное разнообразие в конфессиональном отношении. Религиозные течения были представлены самыми различными направлениями. Основное положение занимала Русская Православная Церковь, немалую роль играло старообрядчество различного толка.

Присутствовали и другие вероисповедания — ислам, иудаизм. Переселенцы из Западной Европы привнесли католицизм и протестантизм.

Имелось много сект различного направления — хлысты, духоборы, молокане, меннониты, штундисты, адвентисты 7 дня, субботники, толстовцы, баптисты, организовавшиеся здесь в 1920—21 гг., и др.

Необходимо также учесть, что не всегда население, особенно в деревне, поддерживало политику большевиков. Волной крестьянских вооруженных выступлений была охвачена губерния в начале 20-х годов. Выборная кампания в сельсоветах в 1923 г. показала, что процент коммунистов составил

¹ Отдел записей браков, рождений и смерти. ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 246. Л. 7.

² Заседание губернского Совета народного образования. ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 246. Л. 54.

³ Население губернии. ЦДНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

8,8¹. А в 1925 г. в некоторых селах коммунисты были выбраны в сельские Советы впервые². Имелись факты призыва духовенством в проповедях «защиты прав церкви от хулиганов-большевиков». В Елани одно время регулярно выходила стенная монархическая газета, расклеивались прокламации даже на здании уездного исполкома³.

В сложных условиях военного времени, борьбы за политическую власть проходило формирование большевистской партии, выраставшей в мощную общественную структуру.

Партия ставила под строгий контроль как внутрипартийные отношения, так и всю общественную жизнь: печать, образование, общественные организации, церковь.

Циркулярным письмом ЦК РКП(б) от 9 марта 1920 года всем членам партии предписывалось быть осведомителями Особых отделов и всячески оказывать содействие в их работе⁴. С лета 1921 г. уездные комитеты партии были обязаны собирать со всех партийцев двухнедельные информационные сводки, в которых отчитывались обо всех политических шагах духовенства, деятельности церкви, «религиозном настрое масс»⁵. Имелся специальный штат осведомителей по духовенству, по губернии и по Саратову.

Много характерного в антирелигиозной политике Советской власти открылось в период 1921—22 гг., во время событий, связанных с голодом, охватившим 16 Поволжских губерний, и изъятием церковных ценностей. Как официально указывалось, для борьбы с голодом у «князей церкви» и «глухого к предсмертным стонам умирающих духовенства» необходимо было изъять церковные ценности⁶. Для изъятия ценностей наряду с официальной, была образована секретная комиссия, работавшая самостоятельно.

Несмотря на добровольную сдачу ценностей, телеграммы и циркуляры ЦК партии заставляли зачастую проводить дополнительные изъятия, предлагали, в случае надобности, «ор-

¹ Выборы в сельские Советы, 1923 г. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 23. Л. 186.

² Выборы в сельские Советы, 1923 г. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 927. Л. 225.

³ Стенная монархическая газета. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 924. Л. 2.

⁴ Циркуляр ЦК РКП(б) от 9 марта 1920 г. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 635. Л. 81.

⁵ Схема двухнедельной информационной сводки. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 290.

⁶ Воззвание Хвалынского укома Помгола. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1377. Л. 1.

ганизовывать манифестации с участием гарнизона при оружии с пулеметами...», рекомендовали коммунистам быть «на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше ЧОН, должен быть по мобилизации»¹. По завершении кампании изъятий ценностей под строгим домашним арестом оказался епископ Саратовский Досифей, привлекаемый к суду ревтрибуналом.

Показательна позиция Советской власти и в связи с расколом Русской Православной Церкви, появлением движения обновленчества. Саратовский губком несколько раз получал телеграммы от ЦК РКП(б), в которых беспокоились, «выделен ли ответственный работник по руководству работой, связанной с вопросами церкви и расколом внутри духовенства», и кто именно².

Властями широко использовалась практика «расторжения договоров с коллективами верующих по причине ненадлежащего использования имущества», для передачи церквей коллективам обновленцев³. В Аткарском и Сердобском уездах имелись случаи, когда обновленческое духовенство являлось к ответственным секретарям волков с просьбой на предстоящую в церкви проповедь командовать представителя волкома «в помощь»⁴. В Хвалынске уездным комитетом «осторожным подходом к одному из служителей культа было создано организационное ядро обновленчества»⁵. Но даже при такой «поддержке» властей к рубежу 1923—24 гг. обновленческое движение в губернии пошло на убыль.

К середине 20-х годов антирелигиозная работа начала набирать обороты, расширились, стали более систематическими агитация и пропаганда атеизма. В губернии начали появляться разнообразные организации, ячейки Общества друзей газеты «Безбожник», кружки антирелигиозные и с естественно-научным уклоном. Количество кружков не учитывалось, программы были самые разнообразные. Еще с конца 1922 г. начали проводиться кампании «комсомольской пасхи», «комсомольского рождества» и другие, направленные против ре-

¹ Телеграмма секретаря ЦК РКП(б) Молотова. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 70.

² Телеграммы ЦК РКП(б). ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 832. Л. 78. 91.

³ Расторжение договоров с коллективами верующих. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 540. Л. 121.

⁴ Письмо ответственного секретаря Аткарского укома о политическом состоянии уезда. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 817. Л. 15, 16.

⁵ Сводка президиума укомов. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 145. Л. 69, 70.

лигиозных праздников и обрядов. Основным организатором была молодежь, комсомол. Устраивались шумные демонстрации, публичные сожжения «богов», разыгрывались спектакли. Подобные мероприятия вызывали у верующих протест, оскорбляли религиозные чувства. «Богов», например, представляли пьяницами и развратниками, а Деву Марию — проституткой¹. Но уже в 1925—26 гг. подобные действия не практиковались. В 1926 г. на комсомольской губернской конференции отмечалось, что «заметно уменьшилось попоедство и хулиганство в антирелигиозной пропаганде»². О комсомоле в партии хотя порой и отзывались, как о «ломающем все вредные привычки», но поручали вести атеистическую работу среди молодежи, пионеров, разоблачать в сектах «пацифистские надклассовые проповеди мира (в связи с опасностью войны)»³.

Антирелигиозная работа разворачивается буквально везде — в общественных организациях, учебных заведениях, армии, на предприятиях, культурных учреждениях, ведется с допризывниками, национальными меньшинствами, даже с домашними хозяйствами. Распространение атеизма под государственной протекцией проникло во все сферы общественной жизни. Антирелигиозная политика вмешивалась в самую глубь народных традиций и обрядов, пренебрегала укладом жизни, складывавшимся сотнями лет.

После состоявшегося решения о реорганизации в Саратове общества друзей газеты «Безбожник» началась организация отделения союза безбожников. В феврале 1926 г. организационным собранием безбожников города был организован Союз безбожников. Определен район деятельности — Саратовская губерния, центром являлся Саратов (горпарклуб). Первое время работа велась Союзом преимущественно в городе, где за год, к 1927 г. число ячеек Союза выросло до 25. Все рабочие и служащие учреждений и предприятий этой организации приравнивались к государственным рабочим и служащим. Союз имел также (по Уставу) все права юридического лица, чего не имела церковь⁴.

¹ Болдырев Н. Против бога, но поменьше о боге // Коммунистический путь. 1925. № 27. С. 164.

² Отчет Саратовского губкома РЛКСМ 11-й конференции. ЦДНИСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 246 а. Л. 26.

³ Циркуляр ЦК ВЛКСМ об антирождественской кампании. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 303. Л. 262.

⁴ Устав Союза безбожников СССР. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 337. Л. 39.

Работа Союза шла с основной установкой: «Религия как тормоз социалистического строительства»¹. В работе использовались радио, кино, антирелигиозные мультипликации. По указаниям Аткарского окружкома на заводах, фабриках, учреждениях отчислялись средства на создание тракторной колонны, самолета под названием «Безбожник»².

Переломный период сворачивания нэпа напрямую отразился и на антирелигиозной политике. Из положения об «обострении классовой борьбы» был сделан вывод, что «кулачество пускает в ход все методы, чтобы подорвать колхозное движение... под знаменем религии и церкви»³.

Вопрос «кто кого» стал стержнем идеологии того периода. И, видимо, поэтому натиск на антирелигиозном фронте усиливается с 1929 года, ставшего символическим и в закрытии церквей.

В Аткарском округе в 1929 году «на почве изъятия пришедших в негодность «колоколов» произошло «массовое волнение граждан» и избиение рабочих Рудметаллторга, производивших эту работу⁴. В том же 1929 году представители Рудметаллторга с помощью местных партичек самовольно закрывали церкви в нескольких населенных пунктах Екатериновского района⁵.

Повсеместно нарушался закон о свободе совести — проводились неосновательные расторжения договоров на пользование церковными зданиями, запрещалось исполнение религиозных обрядов, взималась плата за разрешение религиозных собраний. По проверке губпрокуратуры в губернии «несколько десятков тысяч человек были незаконно лишены избирательных прав»⁶.

¹ Пленум окружного Совета Саратовского Союза Безбожников. ЦДНИСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

² Заседание исполнительного бюро Союза безбожников. ЦДНИСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 83. Л. 8; Протокол совещания при АППО Аткарского окружкома ВКП(б) от 13 ноября 1929 года. ЦДНИСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 77. Л. 71.

³ Письмо обкома ВКП(б) АССР НП о постановке антирелигиозной пропаганды. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 21.

⁴ Схема двухнедельной информационной сводки. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

⁵ Докладная записка начальника Аткарского окружного административного отдела. ЦДНИСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 80. Л. 46, 47.

⁶ Отчет Саратовского губпрокурора за 1-е полугодие 1925 года. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 926. Л. 36.

В феврале 1929 года запретили звон колоколов во всех церквях Саратова¹.

Несомненно, основные руководящие документы, по которым осуществлялась антирелигиозная политика, исходили из Москвы, но здесь нельзя не учитывать и роли местных организаций (партийных и общественных), вплоть до личностей, внесших свою лепту в борьбу с религией.

Стремление «закрыть все церкви и выбросить мракобесов (попов)... пока их совершенно не сметут с лица земли, как негодных паразитов» и вера в то, «что недалеко то время, когда безболезненно» можно будет это сделать, двигали основной частью представителей власти. С другой стороны, были нередки случаи исключения из партии и комсомола, в том числе за исполнение религиозных обрядов.

В противовес коммунистическому детскому движению в Аткарском уезде появилась организация духовных пионеров², в губернии организовался христомол, «христовые зернышки». В ответ на светский характер образования звучали неоднократные требования преподавания Закона Божьего в школе, открытия религиозных школ среди мусульманского населения. Церковь лишили земли, но почти не было отказов в деревне на просьбы священнослужителей о предоставлении им земельного участка. Наряду с закрытием храмов во всех уголках губернии открывались новые. Таким образом, всегда антирелигиозные действия вызывали в социальной среде определенные противодействия.

Верующие по-прежнему составляли высокий процент среди населения. В 1928 г. по краю антирелигиозниками насчитывалось до трех тысяч «религиозных очагов различных толков»³. В Саратове «свыше 50 очагов религиозной эксплуатации» (официально зарегистрированных)⁴. В Немецкой республике сектантство охватывало 85% населения⁵.

Антирелигиозная политика привела к массовым крестьянским выступлениям в 1929 году. Из 102 зафиксированных крестьянских выступлений с 25850 участниками (по Нижне-Волж-

¹ Постановление Саратовского городского Совета. ЦДНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 248. Л. 3.

² Отчет об антирелигиозной пропаганде Аткарского уезда. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 337. Л. 49.

³ Болдырев Н. Против поповщины // Коммунистический путь. 1928. № 2. С. 105.

⁴ Он же. За плановость антирелигиозной пропаганды // Коммунистический путь. 1928. № 11—12. С. 57.

⁵ Сводка президиума укомов. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 145. Л. 101.

скому краю) 47 выступлений с 13180 участниками было на религиозной почве¹.

Как отмечалось сотрудниками НКВД, все чаще стали поступать заявления со стороны граждан о выезде из пределов СССР. Такие заявления подавали меннониты, проживающие на территории АССР НП, готовились к отъезду также молокане Турковского района².

Усилились различные слухи мистического характера, направленные против посещения школ, ликвидации неграмотности, против колхозников, пионеров и т. д.

Преодолеть «религиозные пережитки» и покончить с «мракобесием», как это намечалось, в первое десятилетие Советской власти не удалось.

Забегая вперед, можно отметить, что в 1937 г., по пятипроцентной выборочной разработке переписи населения в Саратовской области имелось заявившими себя верующими 59,1%³.

И тот факт, что антирелигиозная политика проводилась методами насилия и давления, естественно не делает чести властям, тем более, что они следовали лишь идее, не исходя из реалий.

А. А. ВИЛКОВ

ЗЕМЛЯ И ПОЛИТИКА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПЕРЕДЕЛЫ 20-Х ГОДОВ И ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

С момента своего возникновения, опираясь на марксистскую теорию, партия большевиков выдвинула и последовательно отстаивала в теории и на практике положение о том, что решение национального вопроса подчинено интересам классовой борьбы и революционному преобразованию мира. «Рабочие не имеют отечества» — это изречение Манифеста Коммунистической партии стало определяющим. Национальный аспект учитывался главным образом для того, чтобы

¹ Расторжение договоров с коллективами верующих. ЦДНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 540. Л. 34—38.

² Выезд из пределов СССР. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1587. Л. 85; Ф. 55. Оп. 1. Д. 180. Л. 84.

³ Сектантство в Немецкой Республике. ЦДНИСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 290. Л. 82.

привлечь к идее социализма «зараженных» буржуазным национализмом массы рабочих и крестьян. С этой целью национальная программа большевиков включала пункт о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Однако сам Ленин, отстаивая этот пункт в полемике с Р. Люксембург, подчеркивал, что пролетариат, признавая равноправие и равное право на национальное государство, «выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение»¹. Ленин выделял, что вопрос этот подчинен интересам развития рабочего движения и не носит самостоятельного характера, поэтому «пролетариат ограничивается отрицательным, так сказать, требованием признания права на самоопределение, не гарантируя ни одной нации, не обязуясь дать ничего насчет другой нации»².

Интересы конкретных народов при этом никак не учитывались, т. к. априорно утверждалось, что переход власти в руки пролетариата есть высшее выражение интересов всех наций и народностей. Поэтому разногласия Ленина с Р. Люксембург носили тактический, а не стратегический характер. Социализм виделся им обществом, цель которого не только сближение, но и слияние наций. Считалось, что слияние произойдет посредством выравнивания социально-экономического и культурного развития за счет помощи более развитых народов. В этой связи Ленин особо выделял историческую ответственность русского пролетариата за великодержавную политику царизма и доказывал необходимость значительных уступок ранее угнетенным народам. После прихода большевиков к власти данное положение стало определяющим в национальной политике. Декларированное восстановление исторической справедливости имело целью удержание народов под своей властью в рамках единого пролетарского государства. Более того, его создание должно было стать революционизирующим образцом для разрешения национального вопроса в мировом масштабе. Предполагалось, что по мере распространения социалистической революции к Советской России будут присоединяться новые союзные советские республики. После установления диктатуры пролетариата во всем мире можно будет

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 274—275.

² Там же. С. 273—274.

приступить к окончательному разрешению вопроса о слиянии наций.

Исходя из данной теоретической посылки, уверенные в своей конечной победе, большевики смотрели на национально-государственное строительство и территориальные переделы России как на тактическое временное средство, носящее исторически преходящий характер.

Создание многонационального социалистического государства с самого начала предполагало иерархическую градацию по статусам: союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ, национальный район. Объяснялось это тем, что народы России находились на разных уровнях развития и не все из них представляли нацию, которая могла бы иметь статус союзной республики. В соответствии с данной градацией утверждались и представления о национальной структуре общества, состоящее кроме наций из народностей, племен, этнографических групп, национальных групп, национальных меньшинств. Перспективы национальной политики заключались в согласованности развития национальной и национально-государственной структур: переход того или иного народа на более высокую ступень национальной иерархии должен был сопровождаться повышением их государственного статуса. Можно согласиться с точкой зрения А. И. Вдовина, что количество наций и народов в 20—30-е годы фактически подгонялось под количество национально-государственных образований, чтобы не противоречить утверждению, что в СССР каждый народ в той или иной форме имеет свою государственность¹.

Открыто ее был лишен лишь один русский народ. Обосновывалось это тем, как уже отмечалось, что Ленин и его сторонники возлагали на него обязанность возместить бывшим угнетенным народам исторически сложившееся неравенство. Бухарин на XII съезде РКП(б) прямо заявлял: «...только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы можем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»². Исходя из этого, при образовании СССР русские фактически исключались из числа народов, которым было позволено создать свою национальную государственность,

¹ Вдовин А. А. Национальная политика 30-х годов / Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР // Вестник Моск. ун-та. 1992. № 4. С. 20—21.

² XII съезд РКП(б). Стенограф. отчет.

свои органы власти, которые могли бы выражать и ограждать национальные интересы народа от всесильного союзного руководства, выступать равноправным партнером в отношениях с руководством национально-государственных образований других народов¹. Подобное отношение привело к тому, что территория России, населенная многими народами, рассматривалась интернационалистами настроенным руководством как бездонный источник для удовлетворения тех или иных запросов искусственно созданных национальных государственных образований.

Так, Сталин в записке членам Политбюро в 1923 году стремится доказать, что появление русской республики вынудит выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, «причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и во всяком случае вынуждены будут серьезно перекроить свои территории, что еще более усилит организационную перестройку»². То есть интересы русского населения фактически игнорировались.

Одним из примеров тому служит создание государственности для эмигрировавших в Россию в конце XVIII—в XIX веке немцев Поволжья. Создана она была в форме Трудовой коммуны Немцев Поволжья (ТКНП) декретом СНК от 19 октября 1918 года под давлением ряда политических обстоятельств разного рода (расчет поднять авторитет большевистской революции среди рабочего класса Германии, возможность усиления пропагандистской работы среди австро-немецких военнопленных, деятельность немецкого комисариата Поволжья, созданного по Брест-Литовскому договору и ряд других). Целый ряд изученных нами документов свидетельствует, что образование такого не вполне четкого государственного образования соответствовало изначальным аргументам представителей немецких колоний о необходимости автономии на уровне общин для культурного и хозяйственного развития населения. Никаких внутренних социально-экономических и политических предпосылок для государственности в это время в ТКНП не было. Так, в апреле 1919 года зам. председателя исполнкома ТКНП т. Мор и секретарь Зандберг сообщали об отсутствии «официального прокламирования новой области

¹ Вдовин А. И. Указ, соч. С. 24.

² Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. В 2-х т. Т. 2. М., 1991. С. 154—155.

как территориальной единицы... Исполком вырос как бы из ничего; в области не было ни одного города, ни одного старого административного аппарата, ни уездного, ни губернского, не было казначейств, банков, казенных палат, ни крупных фабрик и заводов и вообще никаких государственных учреждений¹. Однако в условиях полнейшего пренебрежения к интересам русско-украинского населения, несмотря на решительные протесты местных властей, ТКНП была преобразована сначала в автономную область, а затем и в республику и получила территориальное «округление» за счет соседних уездов со смешанным населением. Обоснование данного «округления» исходило уже из социально-экономических интересов немецкой государственности и как всегда аргументировалось необходимостью уступок в качестве расплаты за угнетение в самодержавной России. Но со стороны руководства ТКНП подобная политика была особенно безнравственной. Именно немецким колонистам в дореволюционное время были представлены социально-экономические и культурные условия, значительно превышающие уровень коренного «имперского» населения (экономическая помощь при обустройстве, льготное наделение землей, предоставление культурной автономии, отсутствие до 80-х годов XIX века службы в армии и т. д.). Однако и этот «угнетенный» народ требовал свое, апеллируя к интернационалистскому центру и постоянно находя там полную поддержку. Не было в области железных дорог и какой-либо промышленности — было обосновано «округление» не только значительной части Камышинского и Дергачевского уездов, но и всего Покровского уезда с землями, пожалованными украинским чумакам еще в XVIII веке². В ответ на данное обоснование Административная комиссия при Президиуме ВЦИК от 7 мая 1922 года признает «целесообразным и неотложно необходимым округление границ области Немцев Поволжья. Обязать Саратовский губисполком представить материалы по данному вопросу в трехдневный срок»³. То есть речь шла о том, чтобы вырвать как можно более жирный кусок у «расплачивающихся» за счет России большевиков в ущерб интересам других народов и даже без учета социально-экономических интересов региона Поволжья. Об этом свидетельствует

¹ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

² ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 200. Л. 24.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 36. Л. 199.

протест председателя Госплана Кржижановского, который после обсуждения этого вопроса 6 июня 1922 года доказывал, что «предлагаемый Немкоммуной проект округления при современных условиях организации управления хозяйственной жизнью не может быть признан рациональным. При непроработанности вопроса в целом и при отсутствии представителя Саратовской организации, на базе одного только проекта Немкоммуны решение вопроса сейчас же, по мнению Госплана, не является возможным»¹. Однако большинство большевиков придерживалось точки зрения, как считал, например, Бухарин, что «...мы должны очень часто поступаться хозяйственной целесообразностью для того, чтобы подвести под себя прочный фундамент для нашей власти, объединив национальности в союз»². Поэтому центр пошел на уступки ранее «угнетенному» народу и округление в 1922 году стало реальностью, а Покровск (Энгельс) — столицей АРНП. Впоследствии округление, хотя и не в таких масштабах, повторялось в 20-е годы не однажды.

Подобное пренебрежение интересами русского народа имело под собой «прочную» теоретическую базу. М. И. Калинин, например, подчеркивал: «...когда мы создаем условия для политического развития национальных меньшинств, то они вытекают не из отвлеченного математического равенства, а из равенства, вытекающего из конкретных условий данного существования»³. Такая «математика» привела, например, к тому, что в 1920 году была образована Автономная Крымская Советская Социалистическая Республика. По данным 1924 года, ее население составляло 579379 чел. и было представлено 59 национальностями. В том числе: русские — 51,5%, татары — 26,2%, евреи — 6,8%, немцы — 5,9% и проч.⁴. То есть, несмотря на то, что русские представляли большинство, центром им отводилась роль национального меньшинства. Фактически почти всегда выделение того или иного национально-государственного образования захватывало значительную часть русского населения. Так, Татарская Социалистическая Советская Республика была образована в мае 1920 года из частей Казанской, Уфимской, Самарской, Вятской и Симбир-

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 36. Л. 195.

² XII съезд РКП(б). Стенограф. отчет. С. 613—614.

³ Совещание уполномоченных по работе среди нац. меньшинств при ЦИКАх автоном. респ-к, обл-х, краевых и губ. исп. ком-х. Стенограф. отчет. М., 1928. С. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 200. Л. 3.

ской губерний. В результате татары составили 51,1% населения, русские 40,9%, чуваши 4,7% и проч.¹.

Дело не всегда ограничивалось простым административным включением русских в состав новой государственности. За годы перестройки появилось много работ о репрессиях сталинщины в отношении целых народов и их депортации. И лишь в последнее время стали появляться материалы, что эти меры в 20-е годы впервые применялись по отношению к казачеству и русскому населению.

Н. Ф. Бугай в своей статье доказывает, что для привлечения к себе ингушей и чеченцев большевики пошли на расширение их территорий, не останавливаясь перед выселением казачьих станиц и отправления их жителей на принудительные работы. Только в 1920 году под руководством комиссара участка Кимена было выселено 9000 казачьих семей, а переселившиеся горцы получили в свое распоряжение 98 тыс. десятин земли. Более трех лет в руках новых хозяев она фактически не использовалась. Видя такое отношение со стороны центра, значительно усилились бандитские набеги на оставшиеся казачьи станицы, в результате чего некоторые из них, потеряв весь скот, вынуждены были выселиться². Административно-территориальные единицы с русским населением ликвидировались. Уже в первой половине 20-х годов на Северном Кавказе началась ликвидация Сунженского казачьего округа, а в дальнейшем та же судьба постигнет и Казачий округ (функционировал по решению правительства Кабардино-Балкарской АО), Зеленчукский казачий округ (провозглашен в 1925 г.), Ардонский казачий округ (на правах района функционировал до 1934 г.). Земли, принадлежавшие русскому населению, отводились создаваемым новым автономиям³.

Выселение русских в 20-е годы проводилось и в других республиках и автономных образованиях, например, в Туркестане⁴. Провозглашенная большевиками политика ответственности русского народа перед малыми нациями фактически узаконивала неравноправное положение русских и порождала соответствующее к ним отношение со стороны руководства национально-государственных образований. Об этом свидетельствует, например, судьба крестьян поселков Ивановка, Михай-

¹ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 200. Л. 12—14.

² Бугай Н. Ф. 20—40-е годы: депортация населения с территорий европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37—39.

³ Там же. С. 40.

⁴ ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 1. Л. 8; Ф. 1235. Оп. 58. Д. 13—14.

ловское, Подгорное, Люблинское, Дмитриевское, Архангельское и ряда других Андижанского уезда Ферганской области. Возникли эти поселки в конце XIX века на неосвоенных землях. Как писали в своих жалобах сами крестьяне, они «...своими мозолистыми руками провели оросительные каналы, в течение 25 лет превратили долину в цветущий сад...»¹. В 1921 году, под видом раскулачивания, у крестьян отобрали землю, скот, инвентарь и дома, а самих выселили в Голодную степь. Более трех лет обращались они во все инстанции в поисках защиты и справедливости: «Мы крестьяне обобраны от жилья до столовой ложки, все это делалось без суда и следствия как над какими-то тяжкими преступниками. Мы крестьяне труженики, земледельцы осмеливаемся думать, что издеваясь над нами отдельные представители савецкой власти фанатически настроенного мусульманства, стремящегося... выселения всех русских из Туркестана в первую очередь крестьян-земледельцев...»². Была создана комиссия ВЦИК, которая рассматривала эти жалобы, после чего принято решение о приостановке высылки и о частичном возвращении крестьян. По мнению Рудзутака, «выселение было принудительным, носило некрасивый характер насилия и хищения»³. Однако в ответ на данное решение Уполномоченная комиссия по выселению 24 апреля 1922 года издает приказ о выселении «самовольцев» села Подгорное в течение 24 часов. При этом подчеркивается, что «распоряжения ВЦИК комиссией ТурЦИК во внимание не принимаются. Прежние постановления о выселении захватчиков остаются в силе, а потому: всякие сопротивления и уклонения от исполнения настоящего указа и подстрекательства отдельных граждан села Подгорное будут караться включительно до расстрела и уничтожения целых строений граждан»⁴.

Подобное отношение было и во многих других национальных образованиях. В 20-е годы было выслано немало русских, занятых в аппарате управления, где они сразу же стали рассматриваться как «тормоз развития народов», как помеха в «возможности вовлечения в управление представителей местных национальностей»⁵. В большинстве районов со смешанным населением это была не просто борьба за власть, а борь-

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 58. Д. 13. Л. 23.

² Там же. Л. 23. (Здесь и далее сохранена орфография документа).

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 58. Д. 14. Л. 65, 82.

⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 58. Д. 14. Л. 17.

⁵ Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 40—41.

ба за выселение русских крестьян с земли. Как это осуществлялось, видно, например, из сводок губотделов ОГПУ 1925 года об Адыгейской (Черкесской) автономной области: «В Хакуринском районе, в особенности в аулах Мамхег, Хакуринохабле и Хатажукай, перевыборы прошли под лозунгом провести своих, чтобы прекратить посягательства на земли со стороны иногородних и временно проживающих в аулах русских. На собраниях речи не переводились на русский язык и они не допускались к голосованию и после собраний было несколько случаев, когда русские выселялись из квартир черкесами с предложением убраться из аула»¹. В автономии немцев Поволжья в начале 20-х годов официально были признаны три языка: немецкий, русский и украинский, но уже в 30-е годы в качестве такового остался один лишь немецкий. Что это означало для русско-украинского населения — думается, не требует комментариев.

Сегодняшняя ситуация в национальном вопросе во многом повторяет хаос и беззаконие послереволюционного периода. Своими корнями она уходит в ту самую национальную программу о праве наций на самоопределение, реализация которой для самих большевиков была лишь средством для достижения целей мировой революции. Русский народ при этом был первой жертвой и говорить сегодня о развале последней «империи» значит потакать силам, разжигающим гражданскую войну и не понимающим уникальности формирования и развития многонациональной России. Можно лишь согласиться с И. Ильиным, который еще в 50-е годы, будучи эмигрантом, разоблачал стремление Запада национально разъединить СССР и предупреждал, что «самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую»². Многие сегодняшние границы между республиками были установлены большевиками весьма произвольно в угоду своим конъюнктурным революционным соображениям. Фактическое признание последствий большевистской программы создания каждому народу России своей государственности, помноженное на «демократические» лозунги типа «Берите свободы столько, сколько сможете проглотить!», есть не что иное, как предсказываемый И. Ильиным один из возможных вариантов превращения России в «непредставимый хаос передвижений, возвращений, отм-

¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 1880. Л. 31.

² Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России / Русский рубеж по страницам «Литературной России». М., 1991. с. 9.

щений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия»¹.

Где же выход? Выход в равноправии всех наций и народностей, когда право каждого гражданина на сохранение и развитие своей самобытности, своего языка и культуры осуществляется в рамках культурно - национальной автономии, независимо от места проживания в единой и неделимой России. К этому нас подводит сама жизнь.

А. ГЕРМАН

ИЗ ИСТОРИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ С ГЕРМАНИЕЙ И США В 20-е ГОДЫ

Взаимоотношения и сотрудничество поволжских немцев с Германией и США, осуществлявшиеся в 20-х годах, возникли не на голом месте, а имели определенные традиции. Довольно тесными они были до начала первой мировой войны. Их поддержанию на сравнительно высоком уровне способствовала поволжско-немецкая эмиграция в Германию, а также в США и другие страны Америки. Вполне естественно, что в годы войны эти отношения были прерваны, но после заключения Брестского мирного договора Германия и немецкие колонии Поволжья вновь получили возможность наладить взаимосвязь. Однако в этот период на связи Германии с немцами Поволжья решающее влияние стал оказывать установившийся в России большевистский режим. Насильственная большевизация и советизация немецких колоний вызывала естественное недовольство Германии, бравшей под свою защиту жертвы большевистских преследований и организовавшей прием многочисленных реэмигрантов из Поволжья.

В самом начале 20-х годов, когда немецкая автономия на Волге переживала один из самых трагических моментов в своей непродолжительной истории — ужасный голод 1921—22 гг., государственные органы и общественность Германии и США, поволжско-немецкая эмиграция в этих странах протянули руку помощи бедствовавшему населению поволжских колоний.

¹ Там же. С. 13.

Советское правительство и областное большевистское руководство, не имея возможности самостоятельно справиться с ситуацией, которую они сами же создали своей преступной политикой «продразверстки», вынуждены были не препятствовать иностранной благотворительной помощи. Эта помощь сыграла решающую роль в спасении подавляющей части населения немецкой автономии от голодной смерти. Самый большой вклад в спасение немцев Поволжья от голода внесли организации «Американская Администрация Помощи» (APA) и «Международный Союз Помощи Детям» (МСПД), возглавляемой Ф. Нансеном, существенной была и поддержка германских организаций.

С января 1922 г. к оказанию помощи голодающим в Поволжье подключился германский Красный Крест. В течение 1922 г. им было направлено и распределено по кантонам свыше 20 тыс. пудов продовольствия. Кроме того, области была оказана большая помощь медикаментами, а ряд германских врачей приняли участие в ликвидации на территории немецкой автономии эпидемии, в частности, малярии.

С лета 1922 г. начала свою работу в немецкой области благотворительная организация «Хильфсверк дер Волгадойчен», созданная поволжско-немецкой эмиграцией Германии и США. Ее работа продолжалась практически в течение всего 1923 г., когда APA и МСПД уже прекратили регулярную помощь. Только за сентябрь 1922 г. «Хильфсверк» распределила по области 20 тыс. пудов продовольствия. В дальнейшем помощь от этой организации поступала примерно в таких же масштабах¹. Кроме общих пожертвований, поволжско-немецкие эмигранты посыпали целевые посылки, предназначавшиеся как определенным семьям (главным образом, родственникам), так и отдельным селам, откуда они в свое время эмигрировали. Наряду с продуктами, эмигранты присыпали в область промышленные товары первой необходимости: одежду, обувь, спички и т. п.

Опасаясь укрепления авторитета «Хильфсверк» в колониях, областное руководство наложило на ее деятельность жесткие ограничения и установило тайный надзор органов ГПУ за всеми ее представителями². В то же время областные власти считали необходимым активно использовать «Хильфсверк» в

¹ Саратовский областной центр документации новейшей истории (СОЦДНИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 185. Л. 80.

² См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 57, 61, 72, 80.

деле восстановления области. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует следующее решение Облисполкома от 27 февраля 1923 г.: «Оставаясь при прежней оценке самого «Хильфсверк», считать однако необходимым и целесообразным (принимая во внимание ее связи среди широких масс выселенцев из области немцев Поволжья в Северной и Южной Америке) использовать эту организацию в полной мере при предстоящем распространении облигаций заема нашего общества сельскохозяйственного кредита... среди вышеназванных выселенцев»¹.

Наряду с «Хильфсверк», примерно в то же время создается русско-германское общество «Виртшафтсштедле дер Волгадойчен». Создавшие его предприниматели — поволжско-немецкие эмигранты — поставили перед собой цель с помощью взаимовыгодных торговых операций с автономной областью немцев Поволжья оказать содействие в подъеме ее экономики. В соответствии с заключенным договором область должна была отправлять в Германию сельскохозяйственное сырье (кожи, щетину, шерсть, табак и т. п.), получая взамен сельскохозяйственную технику, инвентарь и другие материальные средства, необходимые для восстановления разоренного хозяйства. В Берлине организовалось представительство автономной области, которое возглавлял А. Шнейдер. Он же одновременно по взаимному согласию обеих сторон был назначен управляющим «Виртшафтсштедле» и представителем РСФСР в этой организации².

Успешное проведение первых торговых операций с Герmaniей позволило получить определенные валютные средства, которые стали первоначальным основным капиталом созданного в ноябре 1922 г. Немецко-Волжского банка сельскохозяйственного кредита (Немволбанка). В дальнейшем банк увеличивал свой капитал на счет государственных средств, местных вкладов, а также привлечением средств из-за границы. С этой целью он создал свои филиалы в Берлине и Чикаго и пытался реализовывать среди поволжско-немецкой эмиграции свой заем. В качестве уполномоченных Немволбанка в Германию, США и другие страны выезжали в 1923 г. А. Шнейдер, Д. Боргер, А. Рейхерт и др.³.

По заграничному заему предполагалось получить 1 млн.

¹ Там же. Л. 60 об.

² См.: Там же. Д. 108. Л. 36; Д. 211. Л. 51; Д. 165. Л. 107.

³ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192. Л. 64.

долларов или 2 млн. золотых рублей сроком на 15 лет. В обеспечении этого заема Немвобанк получил от Советского правительства в концессию 100 тыс. десятин государственных земель на территории немецкой автономии. Их Немвобанк намеревался сдавать в субконцессию иностранным предпринимателям и фирмам, чтобы доходами от последней погашать проценты по заему. Однако сдать в субконцессию удалось лишь 25 тыс. десятин Германско-Русскому Аграрному Товариществу (ДРУАГ), возглавляемому германским предпринимателем фон Рейнбабеном. На сданных в субконцессию землях было организовано зерно-животноводческое хозяйство, в котором работали местные крестьяне¹.

Остальные 75 тыс. десятин остались невостребованными, и уже в мае 1924 г. правительство АССР НП вынуждено было обратиться в Главный концессионный комитет страны с ходатайством о разрешении сдачи в аренду этих земель местным крестьянам. Такое разрешение было получено².

Неудачей закончилась и попытка реализовать в Германии и США облигации Немвобанка. В мае 1926 г. Совнарком АССР НП вынужден был принять решение о консервации заема Немвобанка за границей на неопределенное время.

В обоих случаях причина неудач была одной и той же. Предприниматели Германии, США, других стран и прежде всего проживавшие там эмигранты с берегов Волги не хотели рисковать и вкладывать свои средства в сомнительные мероприятия большевистской власти, тем более, что она — эта власть — уже однажды показала всему миру, что международные соглашения и нормы поведения для нее — пустой звук. Как отмечалось в решении Совнаркома АССР НП о консервации заграничного заема, главными причинами неудач стали отсутствие дипломатических отношений с США, рядом других стран и «общее недоверие к советской власти, вытекавшее из аннулирования заграничных долгов царского правительства... и займов Временного правительства...»³.

Однако, все же, несмотря на неудачи с заемом и концессией, Немвобанку удалось в существенной мере решить проблему поступления и накапливания в Немецкой Республике валютных средств. Одним из основных источников поступления валюты стали денежные переводы эмигрантов своим родст-

¹ См.: Там же. Д. 185. Л. 68.

² См.: Там же. Д. 681. Л. 31.

³ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 891. Л. 122 об.

венникам, проживавшим в Поволжье. Осуществляя посредническую деятельность, Немвобанк смог обеспечить быструю по тем временам технику перевода средств (переводы по телеграфу из Америки, например, осуществлялись в течение 10 дней), чем заработал определенное доверие и даже популярность у эмигрантов. Так, только из США с момента образования Чикагского агентства Немвобанка и до 1 марта 1927 г. в Немреспублику было сделано 17502 денежных перевода на общую сумму около 810 тыс. долларов. Наибольшее число переводов и самая высокая общая их сумма (около 400 тыс. долларов) поволжскими немцами были получены в 1924-25 гг. в тот период, когда вследствие неурожая вновь обострился голод. Успехи в деятельности Чикагского агентства Немвобанка позволили преобразовать его в августе 1925 г. в акционерное общество с капиталом в 25 тыс. долларов. Кроме самого агентства акционерами стали несколько предпринимателей¹. Эта мера дала возможность получить дополнительные валютные средства в бюджет Немреспублики. Валюта использовалась для безлицензионных импортных операций. Завозилась в немецкую автономию прежде всего первоклассная американская сельхозтехника.

Первые положительные результаты в налаживании связей с заграницей послужили основанием для партийного и советского руководства Немреспублики обратиться в Политбюро ЦК ВКП(б) с ходатайством о предоставлении ряда льгот в осуществлении внешнеэкономической деятельности. После изучения данного вопроса специальной комиссией, 27 августа 1925 г. Политбюро, рассмотрев предложения Немреспублики, в основном утвердило их. В специальном закрытом постановлении немецкой автономии предоставлялось право иметь своего представителя в Торгпредстве СССР в Берлине, осуществлять все экспортно-импортные операции непосредственно своими представителями. Немвобанку предоставлялась определенная свобода действий за рубежом, прежде всего в Германии, доходы от концессии АССР НП передавались непосредственно в ее бюджет.

В условиях осуществлявшейся тогда в СССР жесткой монополии государства на внешнеэкономическую деятельность, предоставление Немреспублике права выглядели существенной уступкой Центра. Продиктованы они были не только соображениями быстрейшего восстановления экономики немец-

¹ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 303 об.

кой автономии. Не последнюю роль в принятом решении сыграли политические мотивы, о чем также недвусмысленно говорилось в решении Политбюро. В частности, учитывалось «политическое значение Немецкой Республики, особенно при посещении ее делегациями заграничных рабочих». В этих целях Политбюро признало необходимым «ускорить оформление Конституции Немецкой Республики», в кратчайший срок провести амнистию для поволжско-немецкой эмиграции, усилить Немецкую Республику кадрами немецкой национальности, поручить обкому ВКП(б) АССР НП «обслуживание» немецкого населения всего СССР. Подчеркивалась необходимость усиления культурных связей Немецкой Республики с Германией и разрешался «выезд ответственных работников Немецкой Республики в Германию для ознакомления с ее жизнью и достижениями». Постановление Политбюро раскрывает нам еще один политический аспект, связанный с экспортом революции. В частности, делегациями ВКП(б), Коминтерна и Крестинтерна предписывалось более широко привлекать «немецких товарищей» из Поволжья «к революционной деятельности в Германии»¹.

Даже столь ограниченные по нынешним меркам элементы самостоятельности Немецкой Республики во внешнеэкономической, политической и культурной деятельности за рубежом на практике реализовывались крайне непоследовательно и противоречиво, встречая сопротивление монополистов: Наркомата торговли, Госбанка, Наркомата иностранных дел, не желавших терпеть у себя под боком каких бы то ни было конкурентов. Положение усугублялось тем, что, получив некоторую независимость от указанных выше монополистов, руководство АССР НП тем не менее не могло сделать практически ни одного самостоятельного шага по любым заграничным акциям, не получив предварительного разрешения на это в ЦК ВКП(б). Нет необходимости объяснять, насколько это парализовало работу всех органов Немецкой Республики, осуществлявших зарубежные связи, тем более, что каждое такое «высочайшее» разрешение приходилось, как правило, ждать подолгу. Бюрократизм в деятельности ЦК ВКП(б) был уже тогда явно заметен.

Камнем преткновения, в частности, стали поездки представителей немецкой автономии в Германию и США. Такие поездки были необходимы для согласования и координации деятельности всех зарубежных органов, для укрепления сотруд-

¹ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 973. Л. 61—64.

ничества и налаживания новых связей. Однако каждую такую поездку приходилось «выбивать» с величайшим трудом. ЦК ВКП(б) крайне неохотно соглашалось на такие поездки. За все 20-е годы можно по пальцам пересчитать все поездки за рубеж представителей АССР НП.

В марте, апреле, мае 1925 г. в Германии побывал с неофициальным визитом (как глава Немволбанка) председатель Совнаркома Немресурсублики В. Курц. Встречен он был хорошо. Его даже принял президент Германии. В. Курц провел переговоры с председателем германского правительства, промышленных кругов и руководителями организаций поволжско-немецкой эмиграции по вопросам расширения экономических и культурных связей с Германией, возвращения эмигрантов. По итогам поездки В. Курца руководство АССР НП сформулировало и направило в ЦК ВКП(б) ряд интересных предложений, направленных на укрепление всесторонних связей Германии и АССР НП¹. Однако лишь некоторая их часть была учтена в уже упоминавшемся постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 августа 1925 г.

В марте 1926 г. кратковременный визит в Германию совершила делегация АССР НП в составе председателя ВЦИК республики И. Шваба и председателя Немволбанка Е. Иванова. Основная цель поездки — укрепление экономических и культурных связей². Тогда же в марте 1926 г. в Германии гостила делегация учителей Немресурсублики во главе с Наркомом просвещения И. Шенфельдом³.

В 1923-25 гг. за рубежом в Германии и США находился А. Шнейдер, один из руководителей Немресурсублики, член правления Немволбанка. Именно он провел основную работу по открытию и налаживанию работы представительства Немволбанка в Берлине и Чикаго⁴.

Не менее сложной, чем выезд за рубеж, была и организация въезда в СССР представителей зарубежных кругов, сотрудничавших с Немресурсубликой. По сути дела за все 20-е годы не удалось добиться разрешения на въезд ни одному предпринимателю. Даже руководство компании «ДРУАГ» — субконцессионера Немволбанка — ограничивалось в возможностях посещения Немресурсублики. Конечно же, все это не спо-

¹ СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 115—134.

² См.: Там же. Д. 891. Л. 141.

³ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1138. Л. 226.

⁴ См.: Там же. Д. 919. Л. 303 об.

собствовало развитию связей немецкой автономии с зарубежьем.

В 1925 г. АССР НП посетило несколько рабочих делегаций. Интересно отметить, что даже сам обком ВКП(б) Немецкой Республики вынужден был по итогам этих визитов сделать вывод, что эти посещения оставили у зарубежных рабочих «в целом хорошее впечатление, но не у всех»¹.

Одной из болезненных проблем для республики немцев Поволжья в 20-е годы была проблема эмигрантов. Еще до первой мировой войны и революции эмиграция поволжских немцев за рубежи России, главным образом в Соединенные Штаты Америки и другие страны американского континента приняла довольно внушительные размеры. Главной ее причиной было малоземелье. Постепенно к переселению присоединился своеобразный отход на заработки: отдельные члены оставшихся в поволжских колониях семей стали уезжать в Америку с тем, чтобы, заработав там определенную сумму денег, вернуться назад и на приобретенные средства обзавестись хозяйством или улучшить имеющееся. Всего к 1914 г. в Америке находилось около 400 тыс. немецких переселенцев из Поволжья, как осевших навсегда, так и выехавших на заработки².

Война прервала связь между Россией и Америкой. Для многих семей поволжских немцев она создала крайне тяжелое положение, когда часть их членов (молодежь, а то и отцы семейств) оказались отрезанными от своих близких. За войной последовала революция и гражданская война, которые не способствовали восстановлению связей и, кроме того, дали толчок новой волне эмиграции немцев из Поволжья, приобретшей особенно массовый характер в голодные 1921-22 гг.

С началом восстановительного периода и стабилизации обстановки в области немцев Поволжья многие эмигранты желали вернуться на Волгу, однако препятствием к этому была боязнь репрессий со стороны большевистской власти, вызванная общим враждебным отношением Советского руководства к эмиграции.

5 апреля 1924 г. ЦИК и Совнарком АССР НП после согласования в центральных партийных и советских органах издали совместное постановление «Об амнистии в связи с образованием АССР НП», в котором все эмигранты, за исключе-

¹ См.: Там же. Д. 882. Л. 9, 10.

² См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 302.

чением «активных врагов советской власти», освобождались от какого-либо наказания и им разрешалось возвращение домой на берега Волги¹.

Несмотря на то, что постановление об амнистии в Немреспублике не было опубликовано ни в германских, ни в американских газетах, оно во множестве экземпляров, размноженное на гектографе, ходило по рукам эмигрантов. Началась бурная и необдуманная продажа имущества и подготовка к возвращению на Родину. Однако на пути эмигрантов непреодолимой стеной встало советское полпредство в Германии. Оно, ссылаясь на «отсутствие инструкций», фактически отказалось решать вопросы возвращения поволжских немцев домой. Сегодня трудно понять подлинную причину этого явления: была ли это неумная инициатива полпредства и Наркоминдела, либо здесь сработали тайные пружины дипломатии большевистского руководства страны (второе выглядит более реалистично). Как бы там ни было, позиция советского представительства поставила в тяжелейшее материальное положение тысячи эмигрантов, бumerангом ударила по морально-му престижу большевистского режима Советской России за рубежом². В дальнейшем вопрос о возвращении эмигрантов очень долго и сложно «согласовывался» руководством АССР НП с Центром, все же удалось начать решение этой проблемы, однако из-за многочисленных бюрократических препон оно осуществлялось крайне медленно и непоследовательно.

Более того, активная позиция руководства Немреспублики в вопросе возвращения эмигрантов, как и попытка самостоятельно решать свои внешнеполитические и внешнеэкономические вопросы, вызывала недовольство определенных кругов в центральном аппарате Советской республики. В конце концов это нараставшее недовольство вылилось в открытую и резкую критику внешней политики АССР НП на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 29 мая 1927 г. Непосредственным поводом к этому послужило ходатайство Немреспублики о командировке в Чикаго двух своих представителей для оказания помощи филиалу Немволбанка.

На заседание секретариата был приглашен председатель Совнаркома АССР В. Курц и именно ему пришлось выслушивать все претензии центральных ведомств. Вся зарубежная деятельность Немреспублики была названа «сомнительной».

¹ См.: Там же. Д. 771. Л. 25.

² См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 128, 129.

Секретариат постановил осуществить расследование финансовых операций филиала Немвобанка в Чикаго, после чего принять решение о целесообразности или нецелесообразности его закрытия. Провести расследование поручили «Амторгу» — отделу Наркомторга, осуществлявшему торговые операции в Америке, т. е. основному конкуренту и недоброжелателю Чикагского филиала Немвобанка. Вполне понятно, каких выводов можно было ожидать, и они — эти выводы — последовали.

Там же, на заседании секретариата В. Курцу недвусмысленно дали понять, что настойчивые ходатайства правительства АССР НП о возвращении эмигрантов идут «вразрез с общей политкой, осуществляющей НКИД по поручению ЦК»¹.

В условиях такого жесткого прессинга Центра руководство Немспублики вынуждено было начать постепенное свертывание своей заграничной работы, в том числе и процесса возвращения эмигрантов. В ноябре 1927 г. бюро обкома ВКП(б) приняло решение о закрытии Чикагского отделения Немвобанка «за его убыточность». Это решение было выполнено в 1928 г. В 1928—29 гг. существенно сократились экономические связи с Германией, в 1929—30 гг. была ликвидирована деятельность единственной в немецкой автономии иностранной компании «ДРУАГ».

Что касается возвращения немецких эмигрантов в Поволжье, то этот процесс прекратился сам собой в 1928—29 гг. в связи с началом реализации курса большевистского руководства СССР на «социалистическое преобразование деревни». Более того, с 1929 г. эмиграция изменила свое направление: началось бегство крестьян из Немспублики за границу. Это вопрос отдельный, требующий тщательного изучения, однако есть основания полагать, что здесь историками может быть вписана еще одна, пока почти неизвестная страница в черную книгу преступлений сталинского режима.

1 февраля 1929 г. бюро областного комитета ВКП(б) АССР немцев Поволжья рассмотрело вопрос «О заграничной работе»². Обсуждение превратилось в своеобразное подведение итогов всей деятельности АССР НП за рубежом в 20-е годы. Интересно отметить, что несмотря на общую отрицательную оценку этой деятельности центральным партийным и советским руководством, бюро обкома нашло в себе определенное

¹ См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 299—301.

² См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1556. Л. 285—287.

мужество дать собственную, отличную от мнения Центра, точку зрения на свою заграничную работу:

«Признать, что заграничная работа АССР НП как в Германии, так и в Америке, несмотря на целый ряд крупных дефектов, дала в общем и целом положительные результаты:

а) правильное (в желательном нам смысле) освещение жизни Немецкой Республики в заграничной прессе;

б) хозяйственная помощь АССР НП, благодаря ввозу заграничной валюты (переводные операции НВБ) и безлицензионному импорту, осуществлявшемуся благодаря заграничной валюте;

в) выезды рабочих, крестьян, специалистов и ответработников за границу для усиления своей квалификации...¹.

В ряду отрицательных факторов заграничной работы Немецкой Республики отмечались и те, которые искусственно создавались Центром. В заключение бюро обкома делало вывод, что оно «Считает и политически, и экономически целесообразным продолжать осуществление нашей связи как с Америкой, так и с Германией», но уже в «новых формах». Даже беглое ознакомление с предлагавшимися «новыми формами» позволяет сделать заключение об их слабости и даже несостоинственности по сравнению с теми, что применялись в годы НЭПа («работать» в Америке через Красный Крест, «расширить информационный бюллетень в Германии» и т. п.)². Большая часть из этих «новых форм» так и не была реализована. Немецкая Республика, как впрочем и вся страна, отгораживались от внешнего мира сталинским «железным занавесом».

О. ВИНС

**СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АОНП
ОТ ГОЛОДА
В 1921—1922 гг.**

Голод для немецких колоний не был новым явлением, продолжительные голодовки свойственны для агрессивных государств с преобладающим сельским населением. Немцам в Поволжье известен голод с циклом повторения через 10—12

¹ См.: Там же. Л. 285.

² См.: СОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1556. Л. 286 об.

лет, из-за непредвиденных изменений в погоде¹. Голод начался в конце зимы — ранней весной и продолжался до начала лета, когда появлялась первая растительность и собирался урожай озимых хлебов. Таким образом, голод проявлялся как недостаток продуктов питания до нового урожая и ограничивался несколькими месяцами. На этот случай каждая колония имела страховой фонд зерна и колонисты очень быстро приспосабливались к колебаниям урожайности². В 1920—23 гг. в немецком Поволжье разразился голод, которому по продолжительности и глубине разрушения не было равных в дореволюционной России.

Постоянные реквизиции продовольствия в 1919—21 гг. привели к сокращению посевов. Сухое лето, уничтожившее все посевы, и продналог, собранный в 1921 г., когда появились случаи смерти от голода, превратил АОНП в центр голодного бедствия: массовое вымирание населения, эмиграция, разрушение процветающего хозяйства. На примере голоды 1921—22 гг. следует разобраться в его конкретном проявлении и влиянии на население немецких колоний. Изучение голода в АОНП началось уже в 20-х годах. Работы С. Серебрякова и Э. Гросса содержат много фактического материала, статистики, но причины голода рассматриваются поверхностно, преувеличен вклад местных советских и партийных органов в дело помощи голодающим.

В исследовании Зюрюкина дан подробный анализ хозяйства и быта одного из наиболее развитых районов АОНП. К середине 20-х годов изучение голода было запрещено, об этом периоде истории старались не писать, а если упоминали о голоде, то главными причинами назывались «засуха и неурожай». Известны зарубежные исследования о голоде: Бурре, Хагена, Айсфельда, Лонга, Мюллера.

Менее всего изучен вопрос о смертности населения от голод. Во всех работах приводятся общие цифры сокращения населения и не анализируются внутренняя структура смертности и ее изменения в 1921—22 гг.

Началом голода в Автономной Области Немцев Поволжья следует считать осень 1920 г., когда население стало испыты-

¹ Mattern A. Geshichte der Hungersnöte // Unsere Wirtschaft. 1922. N 6. S. 145—155; Schreider S. In Redaktion «Unsere Wirtschaft» // Unsere Wirtschaft. 1922. № 11. S. 326—329.

² Long J. From privilege Dispossessed. The Volga Germans 1860—1917. Nebraska, 1989. P. 30.

вать острую нужду в продовольствии. Первые случаи голодной смерти были зарегистрированы во всех 3 уездах АОНП: Марксштадтском, Ровненском, Голо-Карамышском, в первых числах января 1921 г.¹.

Главная причина смертности населения в 1921 г. — I половине 1922 г. — отсутствие продуктов питания. Хлеба уже не было в начале 1921 г. и население питалось суррогатами². В степных районах была съедена почти вся трава, коренья, которые сушили, перемалывали и пекли хлеб. Одним из лучших блюд считались суслики и воробы... люди ёли... падаль... кости животных³. После сбора урожая осенью 1921 г. и выполнения нарядом Центра продовольственного налога на 1 жителя АОНП пришлось всего 8 фунтов⁴, что даже по голодной норме обеспечивало потребление только на 1 неделю.

Для выживания населения необходимо было ввезти в колонии 7,5 млн пудов продовольствия⁵. Такого количества продовольствия не было ни у Правительства РСФСР, ни у местных властей, поэтому осенью 1921 г. в крайней степени истощения оказалось 84% населения, 1 января 1922 г. — 91%, зимой 1922 — 99%⁶. В 1920—22 гг. не голодали небольшие группы населения, составляющие около 1% населения АОНП:

1) работники Революционных комитетов, Сельских комитетов, Советов всех уровней, служащие заготовительных контор, продовольственных органов и члены их семей, которым выделялись продовольственные пайки;

2) работники русских и иностранных столовых: повара, хлебопеки, инспекторы, которые получали за работу питание;

3) служащие в учреждениях, находящихся на государственном снабжении: детские дома, ясли, интернаты, больницы. Все поступающее продовольствие в первую очередь выделялось для этих учреждений.

На основании данных о смертности населения возможно восстановить динамику ее изменения, выявить наиболее тяжелые месяцы для голодающего населения, начиная с января 1921 г. и по май 1922 г., когда смертность на почве голо-

¹ Государственный архив Саратовской области. Филиал в г. Энгельсе (ГАСО ФЭ). Фонд 38. Опись I о/д. Дело 2. Лист 2.

² Там же. Д. 9. Л. 1.

³ Там же. Д. 4. Л. 487.

⁴ Там же. Оп. 2 о/д. Д. 51. Л. 60.

⁵ Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926. С. 24.

⁶ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. I, о/д. Д. 6. 118, 166, 144.

да прекратилась. В мае 1922 г. Областной комиссией по обследованию голодающих было зарегистрировано 4129 случаев смертности от голода¹.

Следовательно, в среднем за 5 месяцев ежедневно в немецких колониях умирало 22 человека от голода. В сравнении с последующим периодом эта цифра незначительная. Из статистических сводок на 1 января 1922 г. известны уже 47,7 тыс. человек, умерших от недостатка продовольствия². Следовательно, за 7 месяцев, июнь—декабрь 1922 г., ежедневное сокращение населения составит 227 человек. Самыми сложными были осенние месяцы: сентябрь, октябрь и ноябрь, когда своего продовольствия уже не осталось, наступили холода и исчезла последняя растительность, которой голодающие питались все лето. Помощь иностранных гуманитарных организаций в это время не была налажена, а местная власть не имела в своем распоряжении продовольствия для оказания помощи голодающим.

Точных сведений о количестве голодных смертей с января 1922 г. по сентябрь 1922 г. нет, регистрировать всех умерших от голода не было возможности. Общие цифры сокращения населения с 338 тыс. человек, зарегистрированных на 1 января 1921 г., до 312 тыс. в сентябре 1922 г.³. Сокращение населения составило 26 тыс. человек. Соотношение эмигрировавших и умерших в общей цифре сокращения населения с июня по декабрь 1922 г. было на уровне 16,8—10,8 на 100 душ населения⁴. Пропорция, установленная за 7 месяцев в 1921 г., отражала устойчивую тенденцию. Источники фиксируют эмиграцию из АОНП до весны 1922 г., смертность от голода — до мая 1922 г. Таким образом, все сокращение населения 26 тыс. приходится на 5 месяцев до мая 1922 г. Исходя из соотношения умерли от голода 10593 человека, эмигрировали 15407 человек. Ежедневно в колониях умирало 76 человек. Сокращение смертности за эти месяцы, по сравнению с осенью—зимой 1921 г., связано с организацией иностранной помощи населению, а также с изменением полово-возрастной структуры населения. За предыдущие месяцы пострадала наиболее слабая часть населения: дети и старики. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что

¹ ГАСО. ФЭ. 38. Оп. I. б/д. Д. 2. Л. 2.

² Kappes S. Zum Lage unserer Gebietsam 1 Januar 1922 // Unsere Wirtschaft. 1922. № 6. С. 162—165.

³ ГАСО. Ф. 790. Оп. I. Д. 39. Л. 1—5.

⁴ Kappes S. Указ. соч. С. 162—163.

около половины выехавших из АОНП немцев-колонистов умерло от голода.

Житель одной из колоний К. Франк вспоминает, что половина беженцев, бежавших из немецких колоний, умерла в пути. Переселенцы из Нижней Добринки, эмигрировавшие в США, свидетельствуют о половине эмигрантов, умерших в пути от голода¹. По сообщениям врачей, работавших в бараках, где зимовали эмигранты, смертность за 1 месяц от голода, болезней составляла от 40 до 60 человек на 1 тыс.². Значит, за холодные месяцы с января по апрель 1922 г. их умирало от 160 до 240 человек на 1 тыс., т. е. 16—24%.

Беженцы, которым удалось возвратиться назад, в апреле 1922 г. умирали в своих селах от голода, поскольку помочь голодающим выделялась по утвержденному плану и не рассчитывалась на увеличение населения.

Итак, из 74 тыс. эмигрировавших до 1 января 1992 г. и 15407 человек с января по май 1922 г. умершими следует считать еще около 45 тыс. человек.

Общее количество умерших от голода собственно на территории АОНП и умерших за пределами колоний составит 107,5 тыс. человек, что составит 27% от 447 тыс. человек, проживавших в области до начала голода.

Смертность населения АОНП от голода в различных колониях не была одинаковой. Так, например, общий % сокращения населения по районам на 1 января 1922 г. составил: Тонкошуринский — 37,9%, Панинский — 32,3, Красный Яр — 31,1, Зеельманский — 30,8, Каменский — 30,7, Лангенфельский 26,9, Вольский — 23,1, Гнаденфлюрский — 20,3, Нижняя Добринка — 18,5, Палласовский — 16,1, Бальцер — 13,9, Медведецкий — 4,1³.

Колонистам предстояло пережить январь—май 1922 г., когда смертность и эмиграция продолжались. Наименее пострадали колонии, лежащие около границ АОНП. Голод в соседних русских селах был значительно меньшим и немцы получали продукты в обмен на вещи, скот, инвентарь. Относительно благополучными были колонии, находящиеся рядом со станциями железной дороги, так как выменивали продовольствие у проезжающих и сами отправлялись в другие

¹ Muller Glenn. Emigration of 1921—1922 // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia. T. 13. № 2. 1990. P. 29—33.

² ГАСО Ф. 38. Оп. о/д. Д. 3. Л. 121.

³ Kappes S. Указ. соч. С. 162—163.

местности с целью добыть продовольствие и колонии, расположенные у Волги, потому что имели возможность питаться рыбой и перемещаться по реке в поисках пропитания для себя и своих семей. Иностранный и внутренний помощь поступала в первую очередь в крупные населенные пункты: Марксштадт, Бальцер, Зеельман, жители которых пострадали меньше, чем другие колонии. Более всего разрушение затронуло колонии, лежащие в глубине территории АОНП, вдали от железной дороги, Волги и крупных населенных пунктов, колонии левого берега, Ровненского уезда из-за своей удаленности и отсутствия дорог и транспорта. Осенне-весенняя распутица не позволила вовремя подвозить продовольствие для голодающих этих колоний.

Различную степень смертности от голода отражают и сведения о соотношении смертности и рождаемости. До начала I Мировой войны в немецких колониях каждые 25 лет происходило удвоение населения, что означает многократное повышение рождаемости над смертностью¹. Со времени начала голода и по 1 января 1922 г., когда еще была возможность собрать сведения по отдельным колониям, смертность превысила рождаемость: в Зеельман — в 2,15 раза, Гринн — в 4,1, Мессер — в 6,8, Мор — в 4,4, Краснополье — в 4,3, Цуг — в 4,7, Деннихоф — в 3,1, Семеновка — в 4,2, Нидермонт — в 3,8, Хуссенбах — в 1,7; по сравнению с 1909 г. смертность возросла в Кинд — в 11,7 раза, Шонхен — в 7,2, Бваро — в 6, Варенбург — в 5,8, Орловское — в 5,5, Красный Яр — в 5,4, Мариенталь — в 4,7, Бальцер — в 4,8, Розенхайм — в 4,2². По второй половине 1922 г. собрать сведения было невозможно из-за того, что ни рождения, ни смерти в большинстве колоний не регистрировались. Следовательно, многократная возросшая по сравнению с 1909 г. смертность также отражает бедственное положение, в котором оказались жители немецких колоний в 1921—22 гг.

В общем числе умерших от голода около 12% умерли от эпидемии: тифа, холеры и т. д.³. Известны случаи эпидемии тифа во всех колониях АОНП, особенно в крупных населенных пунктах. Например, в Марксштадте заболеваемость тифом за осень 21 года увеличилась в 10 раз, в больницах города находилась 1 тыс. человек больных⁴. В большинстве слу-

¹ Long J. Указ. соч. С. 21.

² Kappes S. Указ. соч. С. 164—165.

³ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 5 о/д. Д. 31. Л. 28.

⁴ Там же. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 20.

чаев больные остались без помощи и около половины их погибло. Столь широкое распространение тифа оказалось возможным из-за крайней степени истощения населения. Следовательно, и возросшая смертность от эпидемии была вызвана голодом.

Голод разрушил каждую колонию, каждую семью немцев. Например, средняя численность семьи в колониях меннонитов сократилась с 8 человек в 1920 г. до 5 человек в 1922 г.¹. Сокращение произошло за счет смертности старшего поколения и самых малолетних членов семьи.

Ежедневная смерть стала спутником всех немецких колоний. Поздней осенью — зимой 1921 г. ежедневно в каждом населенном пункте от голода умирало по 6—7 человек. По сообщению местных властей «...население вымирает массами... до 7 человек в день... не удается тут же схоронить, а остаются на кладбищах до приготовления братских могил, во время хранения в покойницах обнаруживаются пропажи их, которые употребляются в еду, есть случаи, когда от умершего были отрезаны куски, изжарены и съедены»². Франк Каролина Яковлевна, пережившая голод 1921—22 гг., вспоминает: «...в 1921 году много умирало. Люди валялись на улице мертвые... и везде на дорогах, ходили грязные... искали кости и грызли их... В Грине почти все поумирали, они хлеб не сеяли... там жили одни ремесленники. Умерло приблизительно 30—40%. Люди умирали подряд, распухали и отекали от голода. На мертвых внимания не обращали... идет человек, упал и умер. Кругом смерть». Слепуха Иван Матвеевич: «Яму выкопают, умерших без гроба, без всего закапают. Когда яма полная становилась — снова выкапывают, людей побрасают и зарывают... В месяц умирало по 30—40 человек. Мы ходили через трупы. Иду мимо дома, на скамеечке мертвый мальчик лежит, говорю: «Сынок ваш помер», — а мать его: «Я и сама скоро помру».

Подобные воспоминания остались в памяти людей и в официальных документах, которые показывают трагедию и боль людей, переживших ужасы голода 1921—1922 гг.

Обезумевшие от голода колонисты искали спасение в людоедстве и каннибализме, о чем остались свидетельства в архивных документах и воспоминаниях очевидцев.

¹ Зюрюкин В. Е. Меннониты Кеппентальского района АОНП в бытовом и хозяйственном отношении. Покровск, 1926, С. 28.

² ГАСО Ф. 38. Оп. 1. о/д. Д. 62. Л. 4.

Итак, с осени 1920 г. немецкие колонии начинают испытывать недостаток продуктов питания. С января 1921 г. появляются первые случаи смерти от голода, которых до мая 1921 г. насчитывалось более 4 тыс. Осенью 1921 г. население остается совсем без продовольствия, вследствие чего начинает возрастать смертность от недостатков продуктов питания. К осени 1921 — зиме 1922 гг. голодает все население АОНП. С начала января 1921 г. смертность несколько сокращается и прекращается в мае 1922 г. благодаря налаживанию иностранной помощи.

Общая сумма умерших на территории АОНП и за ее территорией составляет 107,5 тыс. человек, или 27% всего населения на август 1920 г. К проявлениям голода, как недостатка или полного отсутствия питания населения, следует отнести: сокращение населения, вызванное высокой смертностью и эмиграцией; высокая смертность от истощения и эпидемий; многократное превышение смертности над рождаемостью; изменение возрастной структуры населения; сокращение средней численности семьи.

О. ВИНС

ПОМОЩЬ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОЛОДАЮЩИМ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1921—22 гг.

Голод 1920—23 гг. — наиболее трагичный период в истории немецких колоний на Волге. Реквизиция продовольствия в 1919—21 гг. и сухое знойное лето превратили процветающие колонии в центр голодного бедствия. Вымирание населения, разрушение хозяйства, сокращение посевов и эмиграция оставили печать разрушения на долгие годы.

После официального признания Правительством РСФСР бедственного положения части территорий об ужасающем размахе голода в Автономной Области Немцев Поволжья (АОНП) стало известно мировой общественности. Помощь голодающим приходила из разных стран от правительственные и гуманитарных организаций. Помощь двух организаций была постоянной и имела для АОНП наибольшее значение: Американской Администрации Помощи (American Relief Administration — АРА) и Международного Союза Помощи Де-

там (МСПД). АРА — не официальная, добровольная, благотворительная организация во главе с Гербертом Гувером и МСПД — союз помощи детям всего мира, которую представлял знаменитый полярный исследователь и будущий Нобелевский лауреат — Фритьоф Нансен.

20 августа 1921 г. в Риге было подписано соглашение АРА и Совета Народных Комиссаров (СНК) о совместной деятельности по оказанию помощи голодающим, скрепленное подписями Брауна — директора АРА в Европе и Литвинова — заместителя народного комиссара по иностранным делам¹.

По соглашению помочь АРА предназначалась только для детей и больных, все продукты считались собственностью этой организации до момента их употребления и никто не должен был лишиться пайков, выдаваемых остальному населению, а СНК РСФСР гарантировал помещения для кухонь, топливо и оборудование для варки пищи, медицинскую помощь и бесплатное пользование железной дорогой². К 28 августа 1921 г. в АОНП была сформирована Областная Комиссия по оказанию помощи голодающим (Обкомпомгол), где и проходила основная работа по организации помощи голодающим, в которую были включены все подразделения Областного Исполнительного Комитета (Облисполкома), в том числе и Немецкий Областной Продовольственный Комисариат. На Немоблпрдком была возложена вся техническая работа по организации и проведению питания голодающих продуктами иностранных организаций: составление планов распределения продовольствия, транспортировка, погрузка, выгрузка, хранение и отпуск продуктов, руководство распределением продовольственных грузов, организация карточной системы для иностранного питания³. Включились в работу все заготовительные конторы и подсобные пункты Немоблпрдкома, расширены транзитные пункты для приема продовольствия в Саратове и Покровске и вновь созданы на станциях Медведица, Красный Кут, Урбах. Кроме этого, в структуре Обкомпомгола была создана секция общественного питания (СОП) из двух подотделов: подотдел питания русскими продуктами и подотдел питания иностранными продуктами, ведающий распределе-

¹ Государственный архив Саратовской области. Филиал в г. Энгельсе (ГАСО ФЭ). Фонд 38. Опись 1 о/д. Дело 6. Лист 221.

² ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 221.

³ Там же.

нием и транспортировкой продовольствия АРА и МСПД¹. Таким образом, основную работу по реализации иностранной помощи выполнял работоспособный и хорошо организованный аппарат Немоблпродкома, подчиненный на время «голодной кампании» Обкомпомголу и подотдел питания иностранными продуктами. Комиссариат, проводивший реквизиции продовольствия в 1919—1920 и даже летом 1921 гг., когда голод в колониях уже свирепствовал и появились первые случаи смерти от голода, теперь становился помощником для голодающих.

Главная база АРА и МСПД была создана в Саратове, где действовали представительства этих организаций, которая снабжала продуктами Саратовскую губернию, Автономную Область Немцев Поволжья и голодающие губернии Заволжья. Представительства АРА и МСПД были созданы в каждом уезде, получающем иностранную помощь. Для ускорения организации помощи и решения спорных вопросов при иностранных организациях помощи голодающим действовали Уполномоченные Представительства РСФСР. Уполномоченный Представительства при всех заграничных организациях — Бирмингем, по АОНП — Сиятков и Уполномоченные в каждом уезде АОНП, на которых были возложены все организационные и контрольные функции: быстрое налаживание детского питания, учет голодающих детей, предоставление помещений для столовых, снабжение помещений, развозка продуктов, установление связи с властями, контроль составления меню и выдачу детям, сокращение детских очередей, правил выпечки хлеба, пресечение хищений продуктов².

Кроме этого, сотрудники Представительства РСФСР в каждом кантоне АОНП использовались для сбора компрометирующей информации в работе иностранных гуманитарных организаций. По мере того, как голод начал отступать, с лета 1922 г., подозрительность и преграды со стороны официальных властей стали увеличиваться. Например, секретный приказ гласил: «вы должны подчинить агентов нашему авторитету и заставить их распределять продукты... вместе с нами... связать их деятельность в области шпионажа. Пора бросить разыгрывать из себя оскорбленную невинность в присутствии агентов буржуазии... с церковными советами и разными пасторами меньше церемониться... собираите материал об эво-

¹ ГАСО ФЭ. 38. Оп. 1 о/д. Д. 3. Л. 413.

² ГАСО. Ф. 790. Оп. 7. Д. 7. Л. 45.

люции шпионажа АРА... старайтесь собрать документы, компрометирующие их... установите слежку за инспекторами АРА...»¹. Сохранились секретные документы и донесения агентов Государственного Политического Управления (ГПУ) с подробными характеристиками всех комитетов АРА и представителей АРА, МСПД и документы о вербовке себе агентов из служащих комитетов². Позднее АРА была обвинена в шпионаже и насаждении американализма.

Приказ Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета гласил: «Всем Наркоматам... Реввоенсовет республики и Губсполкомам... 22 сентября 1921 г.... требования АРА... должны рассматриваться в 48 часов... свести до минимума формальности, неисполнение... будут караться по всей строгости революционных законов. Председатель ВЦИК — Калинин. Секретарь — Енукидзе»³. Центральная власть, осознав всю глубину надвигающегося на Россию голода, предпринимала усилия для скорейшего получения иностранной помощи. С этой целью местные власти были продублированы Уполномоченными, действовавшими от имени РСФСР. Питание голодающих детей МСПД проводил через центральный карточный стол-склад, созданный решением Исполнительного Комитета этой организации, обязанностью которого было изготовление и рассылка продовольственных карточек по всем карточным бюро⁴. Карточные столы создавались в каждом уезде с помощью уездных комитетов помощи голодающим (укомпомгол), через которые Союз распределял и контролировал продовольственную помощь⁵.

Американская Администрация Помощи создавала в каждом селе, где действовала столовая, сельские комитеты, в который входили председатель исполкома, представитель Обкомпомгола, учитель, фельдшер или доктор, уполномоченный по транспорту и лица от населения⁶.

Комитеты завозили продовольствие со складов АРА в Марксштадте и Покровске, вели отчетность, организовывали столовые, выбирали нуждающихся детей, отчитывались о питаемых ежедневно детях, осматривали и контролировали сто-

¹ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 57. Л. 12, 55.

² Там же. Д. 25. Л. 24, 25, 60, 65.

³ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 315.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 1.

⁵ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 15. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 64. Л. 116.

ловые.¹. Только лица, записанные в столовые — кормящие матери, матери в ожидании и дети моложе 15 лет могли рассчитывать на помощь². Каждый получающий питание должен был показать свою карточку, от которой заведующий столовой отрезал или зачеркивал число, соответствующее определенному дню³. Весь штат детских столовых АРА считался состоящим на службе у этой организации⁴. Таким образом, при проведении своей помощи голодающим немецким колониям АРА обладала автономией в своей работе и опиралась на местное население и «старых интеллигентов», заслужила этим репутацию нелояльного и сложного партнера у официальных властей.

Из-за разрухи на железнодорожном транспорте, непрерывного скопления грузов, нехватки паровозов и вагонов, продовольствие АРА начало прибывать в Саратов с первых чисел октября 1921 г.⁵. Продовольствие МСПД — с 15 октября 1921 г.⁶. Более трудной задачей было подвезти продукты до голодающих Области. Для этого было необходимо переадресовать грузы на станции Покровск, Урбах, Плесс, Красный Кут (для Луговой стороны), но «...беда в том, что... железная дорога почти не имела паровозов... в результате — задержка грузов»⁷. Поэтому продовольствие Международного Союза прибыло в Область только в ноябре 1921 г.⁸. По 20-е ноября было открыто 27 кухонь для 12 тысяч детей в Марксштадтском уезде⁹. АРА по взаимному согласию с МСПД развернула работу в Ровенском и Голо-Карамышском уездах АОНП, где она начала работу помощи голодающим в первых числах ноября 1921 г. В ноябре столовые были развернуты в 24 селах¹⁰. Первоначально МСПД предполагал взяться только за питание 24 тысяч детей, но после прибытия доктора Нансена в Марксштадт планы изменились в сторону увеличения¹¹.

Для ознакомления со степенью голода в АОНП Нансен хо-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 46. Л. 52, 105.

⁵ ГАСО Ф. 790. Оп. 1. Д. 40. Л. 77.

⁶ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 40. Л. 48.

⁷ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 49. Л. 46.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 3.

⁹ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 40. Л. 48.

¹⁰ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 64. Л. 116.

¹¹ Schluß A. H. Kampf mit dem Hunger im unserem Gebiet in der zweitem Hälfte 1922 // Unsere Wirtschaft. 1922. № 2. S. 55.

дил по домам голодающих жителей Марксштадта, произвел киносъемку и заявил: «...все картины ужасающего голода превышают то, что мне приходилось видеть в Индии при моей работе там по борьбе с голодом»¹. Точных сведений о количествах открытых АРА и МСПД столовых в ноябре—декабре нет. Работа проходила в большой спешке, так как население немецких колоний дошло до последней стадии истощения и нуждалось в немедленной помощи, столовые открывались, но отчетность была налажена не сразу. Кроме того, часть документов вывезена из России, другие сгорели в Государственном архиве Саратовской области.

Исследователи помощи иностранных гуманитарных организаций голодающим немецких колоний на Волге приводят в своих работах различные сведения. С. Ф. Серебряков пишет о 139 питательных пунктах, кормивших 65 тысяч детей из 161 тысячи в конце 1921 г., а в январе 1922 г. о 52 тысячах порций ежедневно от АРА и МСПД². По данным Э. Гросса, в январе 1922 г. АРА и МСПД выдавалось более 100 тысяч детских пайков, в столовых кормились 66 тысяч детей, в детдомах, коллекторах, школьных коммунах — 3 тысячи детей³.

Другие сведения приводит Бурре: за зиму 1921—22 гг. АРА накормила более 375 тысяч человек, из которых половина — дети⁴. Различные цифры взяты, наверное, из разных источников и отражают динамику роста помощи иностранных организаций голодающим в конце 1921 г.

По архивным документам, к началу января 1922 г. АРА было открыто в Ровенском уезде АОНП 39 действующих столовых для 30 тысяч детей, в Голо-Карамышском — 25 столовых для 30 тысяч детей и МСПД в Марксштадтском уезде открыто 96 столовых для 48 тысяч детей⁵. Следовательно, 160 действующих столовых для 108 тысяч детей из 161 тысячи, зарегистрированных по переписи на 1 января 1922 г., что составляет 67% всего детского населения АОНП.

Зимой 1921—22 гг. эти организации не оказывали помощи

¹ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 4. Л. 62.

² Серебряков С. Ф. Немецкая коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М., 1922. С. 26—28.

³ Гросс Э. Автономная Социалистическая Республика Немцев Поволжья. Покровск, 1926. С. 26—27.

⁴ Bouffet J. — F. Les Allemands de la Volga: histoire, culturelle d'une minorité' 1763—1941. Lyon, 1988. С. 42.

⁵ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 221; ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 11. Л. 73; Оп. 1 о/д. Д. 49. Л. 46.

взрослому населению (обеспечивались продовольствием только лица, находящиеся на службе АРА и персонал детских кухонь МСПД, которых было всего по 5—7 человек в каждом населенном пункте, получающем помощь), так как все усилия были направлены на спасение от голодной смерти в первую очередь детей.

Очевидцы, пережившие ужасы голода 1921—22 гг., вспоминают об иностранной помощи: Слепуха И. М.: «с начала 1922 г. стала помогать АРА. Нас, ребятишек, одевали и вели зимой в сельсовет. Там мы питались осень—зиму»¹. Франк К. Я.: «открыли в селе столовую АРА. Кормили тех, кто уже не ходил. Баланду варили»².

Сведения о помощи АРА и МСПД в феврале—апреле 1922 г. отражены в табл. 1³.

В феврале 1922 г. помощь МСПД сократилась на 6 тысяч пайков, закрылись 25 столовых. Помощь АРА увеличивалась на 9 тысяч пайков и открылось 93 столовых, из них 58 в наиболее пострадавших от голода Ровенском уезде и 35 в Голо-Карамышском.

За март 1922 г. помощь МСПД увеличилась на 3 тысячи пайков, помощь АРА осталась без изменения.

После 1 февраля 1922 г. новых столовых АРА и МСПД не открывали и всю помощь проводили через уже открытые 228 столовых.

Таблица 1

Уезды АОНП	Число столовых с 1.02.1922 г. по апрель включительно		Число голодающих детей на апрель 1922 г.	Число питающихся в них детей			
	АРА	МСПД		февраль	март	апрель	
Марксштадтский	—	71	48 329	42 000	45 000	42 500	
Ровненский (Зеельман)	97	—	38 600	30 000	30 000	30 000	
Голо-Карамышский (Бальцер)	60	—	59 762	39 000	39 950	39 950	
ВСЕГО	157	71	146 661	111 000	115 000	112 450	

¹ Воспоминания Слепухи Ивана Матвеевича.

² Воспоминания Франк Каролины Яковлевны.

³ Таблица составлена на основании: ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1. о/д. Д. 6. Л. 144, 145, 167; Д. 7. Л. 37; Д. 3. Л. 335; Д. 67. Л. 123.

Из 269¹ населенных пунктов столовые были расположены в 228 (по одной столовой на село), т. е. в 84%.

Из 146 тысяч голодающих детей в феврале на иностранном питании находилось 111 тысяч детей, или 75%; в марте 115 тысяч — 78%; в апреле 112 тысяч — 76%.

Следовательно, в феврале—апреле 1922 г. на питании иностранных организаций находилось более трех четвертей всего детского населения Автономной Области Немцев Поволжья. Это позволило Обкомпомголу направить свои скучные средства на помощь голодающим взрослым.

Число 670 тысяч детей, получающих питание АРА, выведено из количества пайков, отпускаемых со складов г. Покровска и Марксштадта. Помощь поступала нерегулярно из-за разрухи на железнодорожном транспорте, почти полного отсутствия гужевого транспорта и распутицы в марте—апреле 1922 г. На складах АРА не удалось создать запаса продуктов и обеспечить постоянное снабжение, что следует из динамики поступления грузов в Саратов для всего голодающего Поволжья: октябрь 1921 г. — 10,8 тысячи пудов продовольствия, ноябрь — 8,4, декабрь — 42,9; январь 1922 г. — 7,1, февраль — 61,7, март — 169,6². Например в Ровенском уезде в первых числах января 1922 г. произошел перебой в работе столовых, который длился в отдельных селах до трех недель³. В Лангенфельском кантоне «кухни детпитания АРА были закрыты на три недели ввиду временной задержки грузов»⁴.

Доклад о санитарном состоянии Области тоже свидетельствует о перебоях в снабжении продовольствием: «...в начале 1922 г. смертность от голода возросла по причине закрытия общественного питания»⁵. В случаях, когда местная власть не могла обеспечить столовые топливом, продукты выдавали в сыром виде⁶. Срыва в работе детских столовых МСПД не было, что объясняется меньшей удаленностью (по сравнению с Ровенским и Голо-Карамышским) Марксштадтского уезда, созданием запасов на складах и завозом продуктов на несколько месяцев вперед перед распутней⁷.

Начиная с апреля 1922 г., АРА приступила к питанию го-

¹ Гросс Э. Указ. соч. С. 28.

² ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 40. Л. 77.

³ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 7. Л. 10.

⁴ Там же. Д. 55. Л. 8.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 487.

⁶ Schlub A. H. Указ. соч. С. 78.

⁷ Там же.

лодающего взрослого населения немецких колоний, которого на это время насчитывалось 183 тыс. человек¹. Для получения продуктов необходимо было создать сельские комитеты для организации питания взрослых, которые состояли из председателя комитета помощи голодающим, доктора и учителя².

Комитеты составляли списки голодающих и выдавали им месячный паек в 30 фунтов кукурузной муки. Пайки выдавались из складов в городе Покровске и Марксштадте с 1 апреля 1922 г.³. Начало навигации на Волге в середине апреля ускорило доставку кукурузных пайков для взрослых, теперь 80% грузов отправилось водным путем⁴.

К 9 мая 1922 г. большинство колоний получили продовольственную помощь для взрослых⁵.

Питание взрослых голодающих продуктами АРА в апреле-июне 1922 г. отражено в табл. 2⁶.

Таблица 2

Уезды АОНП	Кол-во голодающих взрослых	Кол-во выданных пайков	%
Марксштадтский	81 000	57 000	70
Ровненский	50 000	50 000	100
Голо-Карамышский	64 000	63 000	98,4

С 1-го июня МСПД также приступает к распределению пайков для голодающих взрослых из 24 фунтов зерновых хлебов — пшеницы, ржи, ячменя и 6 фунтов мяса или селедок на месяц⁷. С этого времени в Марксштадтском уезде распределено 55 тысяч пайков⁸.

ARA и МСПД предоставили значительную часть помощи населению немецких колоний, пайки получили 100% взрослых голодающих, что позволило подкормить трудоспособное население перед полевыми работами и успешно провести посевную. Только после того, как иностранной помощью

¹ ГАСО ФЭ. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 166.

² Там же. Д. 3. Л. 247.

³ ГАСО ФЭ. 38. Оп. 1. о/д. Д. 66. Л. 24—26.

⁴ ГАСО ФЭ. Ф. 38. ОП. 2 о/д. Д. 51. Л. 54.

⁵ Там же. Д. 25. Л. 16.

⁶ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁷ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 20. Л. 311—316.

⁸ Там же. Д. 51. Л. 54—55.

в апреле-мае 1922 г. было охвачено все население Области, смертность от голода прекратилась.

Питание иностранными продуктами взрослых и детей продолжалось и летом 1922 г., что следует из представленной табл. 3¹.

Детское питание в июле осталось на прежнем уровне, хотя и были закрыты 14 столовых. К 170 тысячам пайков АРА для взрослых во всех уездах прибавилось 55 тысяч пайков для взрослых МСПД в Марксштадтском уезде.

Таблица 3

Уезды АОНП	Сведения о кормящихся на 10 июля 1922 г.		Кол-во иностр. столовых	Нормы иностр. питания
	взрослых	детей		
Марксштадтский	57 000 55 000	41 000	71	30 фунтов в месяц
Голо-Карамышский	63 000	39 950	59	
Ровненский	59 000	30 000	93	

На время окончания «голодной компании» — конец августа 1922 г. ежедневное иностранное питание получали 132 тысячи детей из 146 тысяч, зарегистрированных на апрель 1922 г. С учетом смертности и эмиграции с апреля по август — около 100% всех детей области. В Марксштадтском кантоне в столовых МСПД ежедневно питались 22 тысячи детей, в Красноярском — МСПД — 7 тысяч, Тонкошуринском — МСПД, АРА — 12,5 тысячи, Гиаденфлюрском — АРА — 3,7 тысячи, Александрфельском — МСПД — 1 тысяча, Ровненском — АРА — 14,3 тысячи, Палассовском — АРА — 8,4 тысячи, Лангенфельском — АРА — 8,6 тысячи, Вольском — АРА — 7,6 тысячи, Медведецком — АРА — 14 тысяч, Голо-Карамышском — АРА — 14 тысяч, Каменском — АРА — 21 тысяча².

Итак, летом 1922 г. ежедневное питание иностранных организаций получали все дети АОНП и все взрослые получили кукурузные пайки АРА и зерновые пайки МСПД.

Кроме того, АРА практиковала пересылку продуктовых посылок из США в Автономную Область Немцев Поволжья

¹ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 336.

² ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 39. Л. 1—1.

знакомым и родственникам. Немцы посыпали 10 долларов в управление АРА в Нью-Йорк и далее продукты передавались по назначению¹. По имеющимся документам невозможно определить, сколько таких посылок было доставлено, но, очевидно, помощь поступала от многочисленных эмигрантов с берегов Волги. Питание взрослых и детей продуктами АРА продолжалось до 1 сентября 1922 г.². МСПД тоже сократило с 1 сентября все питание до 5 тысяч пайков для детских учреждений³. Необходимость в помощи продовольствием осенью исчезла, потому что весной 1922 г. были сделаны посевы и ожидался урожай. Работа организаций продолжалась до лета 1923 г., но теперь помощь поступала для беженцев, детских учреждений, больниц, к продовольственной присоединилась помощь медикаментами, одеждой, оборудованием для больниц⁴.

Работа Германского Красного Креста была направлена в основном на медико-санитарную помощь беженцам, хотя и предпринимал единичные акции по распределению продовольствия по селам АОНП⁵.

Красный Крест раздал 20 тысяч⁶ пудов продовольствия, из них в апреле 1922 г. продуктов для 7 тысяч человек⁷.

Помощь «Международного Союза Рабочей Помощи» при III Коммунистическом Интернационале началась в Поволжье с 1 января 1922 г. Позднее деятельность этой организации по идеологическим мотивам была сильно преувеличена и оценена как «имевшая большое значение»⁸. Задача, поставленная организацией, — «оказание большой помощи по восстановлению расстроенного хозяйства»⁹ осталась невыполненной. Помощь от этой организации поступала не регулярно, большого значения для голодающих не имела и в целом оказалась не совсем удачной¹⁰.

Организация «Дело помощи немцам Поволжья» была со-

¹ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 24. Л. 21.

² ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 20. Л. 311—316.

³ Там же.

⁴ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 57. Л. 131.

⁵ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 64. Л. 6.

⁶ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 20. Л. 311—316.

⁷ ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁸ Wegner W. Die Internationale Arbeitschi im unserem Gebiet // Unsere Wiatschaft. 1922. № 7. S. 194—195.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 20. Л. 311—316.

здана 24 июля 1921 г.¹ из эмигрантов и оказывала помощь только немцам Поволжья. В 1921—22 гг. эта организация распределила до 20 тысяч пудов продовольствия для голодающих колонистов².

Часть помощи голодающим проходила через «Комитет помощи немецким колонистам» под руководством пастора Шединга, состоявшая из эмигрировавших в США немцев-колонистов³. В документах имеются сведения, что такой-то американский пастор раздает пожертвования пасторам из Саратова, те их привозят и через сельские Церковные Советы распределяют⁴.

В Саратове 16 июля 1921 г. по инициативе лютеранского пастора Э. Зейба был создан «Немецкий комитет помощи голодающим беженцам — немцам колонистам». Работа этой организации ограничена городом и помощью прибывающим туда беженцам из колоний. В столовых кормилось от 500 до 1 тысячи человек, был организован приют на ул. Московской, дом 6 для более чем тысячи человек и детский приют на 100 человек на углу улиц Малосергиевской и Александровской⁵. С 18 мая по 1 сентября 1921 г. получили обедов 170 тысяч голодающих и устроено в приют 100 детей⁶. Комитет использовал иностранное продовольствие, полученное по линии лютеранской церкви и собранное через пожертвования в России.

В конце августа 1921 г. от Губернского комитета помощи голодающим было получено разъяснение, по которому работа комитета могла быть признана желательной только при условии сбора пожертвований, материалов, продовольствия, одежды, то есть последовало предупреждение от официальных властей и указание на невозможность дальнейшей работы.

Таким образом, комитет выполнил свою задачу — обратил внимание официальных властей на бедственное положение беженцев из немецких колоний, организовал их питание, предоставил помещение. Дальнейшее разрастание помощи натолкнулось на противодействие официальных лиц из Саргубкомпомгола, боявшихся, что комитет перехватит у них ини-

¹ Bourret J.-F. Указ. соч. С. 40.

² ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 2 о/д. Д. 20. Л. 311—316.

³ Bourret J.-F. Указ. соч. С. 41.

⁴ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. I. о/д. Д. 53. Л. 9.

⁵ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 270.

⁶ Там же.

циативу, и работа этой организации будет менее заметна на фоне работы комитета Условия, названное Губкомпомголом, оказались невыполнимыми для комитета и 1 сентября 1921 г. он был самораспущен.

Другие международные организации — активисты 13 и квакеры прислали до 80 тысяч пудов продовольствия¹. Деятельность «Международного Союза Рабочей Помощи», «Дела помощи немцам-Поволжья», «Комитета помощи немецким колонистам» и религиозных организаций ограничивалась сбором, пересылкой и распределением помощи для голодающих.

Итак, летом-осенью 1921 г., после непрекращавшихся реквизиций продовольствия в 1919—21 гг., и засухи, население немецких колоний осталось без продовольствия. Оставшиеся небольшие запасы были вывезены, как продовольственный налог по нарядам центра, уже в конце лета 1921 г.

Единичные случаи голодной смерти были зарегистрированы в январе 1921 г., к осени они превратились в массовый мор населения, бегство от голодной смерти.

Население Области сократилось с 447 тысяч в августе 1920 г. до 312 тысяч в сентябре 1922 г., смертность превысила рождаемость в разных колониях от 1,7 до 6,8 раз².

Средняя численность семьи, например меннонитов, сократилась с 8 человек до 5 человек³. В августе 1921 г. голодало 90% населения, в январе — 95%, а к марта 1922 г. — 98% населения⁴.

Иностраные организации начинают оказывать помощь голодящему населению АОНП. В октябре-ноябре 1921 г. питание стала получать большая часть детей немецких колоний, почти в каждом населенном пункте работали детские столовые АРА и МСПД.

Весной-летом 1922 г., не прекращая питание детей, организации проводят раздачу пайков взрослому населению, благодаря чему смертность в мае 1922 г. прекратилась. Ни у правительства РСФСР, ни у местных властей не было продовольствия для организации помощи, средств для закупки, а также возможности организовать помочь своими силами.

¹ ГАСО ФЭ. 38. Оп. 2. о/д. Д. 20. Л. 311—316.

² Kappes S. Zum Lage unsere Gebietam I Januarg 1922 // Unsere Wirtschaft. 1922. № 6. S. 162.

³ Зюрюкин В. Е. Меннониты Кеппентальского района АОНП в бытовом и хозяйственном отношении. Покровск, 1923. С. 28.

⁴ ГАСО ФЭ. Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 118, 144, 166.

За все время работы Обкомпомгола было распределено только 10% от необходимого продовольствия для выживания голодающих. С ноября 1921 г. по март 1922 г. голодающие получили в среднем от Помгола по 22,4 фунта продуктов, в то время как только за 1 месяц по «голодной норме» необходимо по 15 фунтов продовольствия¹. Средний паек АРА и МСПД на 1 месяц составлял 30 фунтов. Самая высокая смертность от голода 21 зимой 22 года объясняется недостатком питания, получаемого от Помгола. Прекращение смертности от голода в мае 1922 г. связано с раздачей в это время пайков для взрослого населения, особенно АРА и МСПД.

Следовательно, благодаря помощи иностранных гуманитарных организаций населению немецких колоний на Волге удалось избежать полного вымирания в 1921—22 гг.

С. И. САВЕЛЬЕВ

ГОД «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» В РЕСПУБЛИКЕ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

На протяжении нескольких десятилетий из отечественной истории было изъято само упоминание о существовавшей на Волге автономной республики Немцев Поволжья. Исследователи, используя данные по республике, были вынуждены их различными способами вуалировать, например, в обобщенных показателях по Нижне-Волжскому краю. Между тем, по официальным данным, в начале 30-х годов население республики составляло 592 тыс. человек (края — 5 706,0), в том числе сельское — 503,8 тыс. (по краю — 4 364,8 тыс.). Посевные площади АССР НП составляли 1 287,8 тыс. га, было 118 молочно-товарных, 14 молочно-мясных, 112 овцеводческих и 156 свиноводческих ферм². Таким образом, удельный вес автономии в товарном сельскохозяйственном производстве Нижне-Волжского края был весьма существенен. Все это еще ждет своего исследования. Цель же данной публикации ввести в научный оборот малоизвестные факты о раскулачивании на основе материалов Областной Особой Комиссии

¹ ГАСО Ф. 38. Оп. 1 о/д. Д. 6. Л. 206.

² Статистический справочник Нижней Волги. 1929—1933. Сталинград, 1934. С. 383, 134, 135, 140, 141.

АССР НП по ликвидации кулачества (далее — ООК) и ряда ранее недоступных исследователям документов, в фондах Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) и обкома ВКП(б) АССР НП Центра документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО).

На основе решений ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. о мерах по ликвидации кулачества как класса бюро Нижне-Волжского крайкома приняло развернутый план этой кампании, дав на места практические указания. Директива крайкома предусматривала подвергнуть раскулачиванию по немецкой автономии 7010 крестьянских хозяйств, из них по 1-й категории — 560, по 2-й — 1270, по 3-й — 280 и 4-й — 4900. При этом в контрольные цифры не включались арестованные ГПУ кулаки по 1 февраля 1930 года¹.

В соответствии с этими директивами при немобкоме создается особая комиссия, которая 4-го февраля принимает разверстку по кантонам. Кантонным особым комиссиям было предложено включить в данные ранее частично раскулаченных по ст. 61 УК РСФСР, высланных органами ОГПУ, а также не допускать расширенного толкования директив, дабы в списки не попали середняки².

7 февраля ООК, рассмотрев телеграмму Шеболдаева о порядке выполнения контрольных цифр по АССР НП, уточняет свои указания в отношении высланных по ст. 61 кулаков «на предмет полного раскулачивания такого рода кулацких хозяйств». Было отмечено, что ввиду значительного распространения бегства кулаков из сел имущество таковых конфисковывать, подвергая главу семьи аресту, а членов семьи возвращать на местожительство³.

8 февраля принимается подробный план конфискации кулацких хозяйств. Одновременно вводится строгая цензура печати. Редакторам под их личную ответственность было предложено «...согласовывать помещение... материалов по ликвидации кулачества с членами особой комиссии»⁴.

9 февраля ООК предложил всем кантонам непосредственно после конфискации переселять бедняков и батраков в жилище кулаков, которых в свою очередь селить в жилища бедняков и батраков⁵.

¹ ЦДНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 153. Л. 23.

² ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 3, 5.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 13—14.

⁵ Там же. Л. 15.

10 февраля дается распоряжение о том, что все граждане, укрывшие кулацкое имущество, обязаны в пятидневный срок сдать его по описи в сельсовет, в противном случае они будут караться в уголовном порядке.

11 февраля на места направляется инструкция о порядке проведения конфискации. В соответствии с ней подлежало изъятию все движимое и недвижимое имущество, кроме строго определенного минимума, куда, например, включались: продовольствие в расчете на 3 месяца, самое ограниченное количество чайной и столовой посуды, одежды, белья, а также элементарные орудия производства, необходимые для работы на новом месте (топор, пила и пр.). Это для выселяемых за пределы края. Для третьей категории, расселяемых в пределах края, оставлялась одна лошадь с упряжью на 80—100 человек. Кулакам четвертой категории, оставлявшимся на новых участках неколхозных полей не более 20 хозяйств в одном месте, оставлялось на 50 едоков одна лошадь, одна корова и сельхозинвентарь. Все остальное по нормам, что и для первых категорий»¹.

12 февраля дополнительно к ранее принятым директивам по конфискации было разрешено кулацкую мебель использовать для организации детских яслей, детсадов и т. д. при колхозах. Из изъятого мяса, муки 25% оставлять на снабжение колхозной бедноты и батрачества, а 75% передавать по твердым ценам заготовителям для местного снабжения. Этим же решением предписывалось произвести полную проверку лицевых счетов вкладчиков на предмет выявления наличности вкладов подлежащих раскулачиванию хозяйств. Деньги, монеты, иностранная валюта и облигации госзаймов подлежали сдаче в местные учреждения Госбанка, изделия из драгметаллов пересылке через органы ГПУ в Правление Госбанка в Москве. Изымались также паи, вклады кулаков в кооперативных товариществах с передачей их в фонд коллективизации батрачества и бедноты. Предусмотрительно надлежало до официального о том объявления мотивам отказа о выдаче сумм называть «техническую проверку записей»².

Развернувшаяся кампания заставляла ежедневно принимать все новые и новые решения в соответствии со складывавшимися трагическими реалиями. 19 февраля ООК поручил ГПУ рассматривать каждое ходатайство о выходе замуж до-

¹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 17, 21.

² Там же. Л. 23—24.

членов кулаков в зависимости от гарантий, даваемых будущими мужьями. Не менее иезуитским было и другое решение о том, чтобы в принципе не возражать против оставления в пределах Немецкой Республики той части кулацкой молодежи, «которая публично (через печать) отрекается от своих родителей и имеет поручительство не менее 2-х лиц, зарекомендовавших себя на общественной работе»¹.

4 марта от имени ООК канткомам передается телеграмма о немедленном выделении для кулаков 3-й и 4-й категории земельных участков для весенней пахоты, о необходимости организации постройки жилищ (землянок и т. п.) на летний период и даче твердых заданий по посеву на каждую душу раскулаченных².

Такова лишь краткая хроника беспрецедентного террора в отношении зажиточной части нижневолжского крестьянства на примере Немецкой Республики. На настоящий момент пока не выявлены данные об общих итогах этой кампании. О масштабах конфискаций позволяют судить данные по отдельным кантонам. Например, в Бальцеровском кантоне на 10 марта было конфисковано 804 хозяйства, из них выселено 113, стоимость имущества составила 619 469 руб., передано в колхозы на сумму 1840 руб., сумма изъятых денег и ценностей — 7 788 руб.³.

Что касается масштабов выселения кулачества, то на этот счет нами выявлены некоторые сведения, содержащиеся в докладной записке ГПУ на имя ответственного секретаря Немобкома ВКП(б) «О политическом состоянии АССР НП и итогах ликвидации кулачества как класса» от 1 января 1932 г. Первая волна высылки (февраль—апрель 1930 г.) захватила 929 семей в составе 5 273 человека, из них: 1 523 — мужчины, 1 597 — женщины, 2 465 — дети. С марта по апрель 1931 г. еще 919 семей в количестве 5 273 человека, из них: 1 271 — мужчины, 1 661 — женщины, 2 341 — дети. Сообщалось также, что 10 июня 1931 г. кулаки, трудоспособные мужчины были отправлены в Казахстан, всего 2 211 человек. Вместе с ними был отправлен и различный инвентарь (топоры, ручные пилы, лопаты и т. п.) в количестве 3 050 единиц. В конце июля и начале августа 1931 г. выселяно 2 443 семьи в составе 11 285 человек, из которых мужчин всего 1 519, а остальные женщи-

¹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 27.

² Там же. Л. 29 об.

³ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1825. Л. 37.

ны и дети (соответственно 3 494 и 6 272). В документе констатируется, что за все время 1930—1931 гг. из пределов Немецкой Республики было выселено 4 751 хозяйство, состоявшее из 24 223 человек (мужчины — 6 415, женщины — 6 751, дети — 11 077).¹. Таков трагический «вклад» крестьянства немецкой автономии в грандиозные планы правящего режима по социалистической переделке деревни.

Приведенные в данной публикации факты далеко не являются исчерпывающими, это как бы своеобразная вершина айсберга. Вместе с тем они проливают дополнительный свет на широкий комплекс проблем, связанных с драматической судьбой российского крестьянства на рубеже 20—30-х годов и последующих процессов раскрепощения российской деревни.

Ю. А. КУРБАТОВ

САРАТОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ. 1924—1935 гг.

В марте 1921 г. в Москве образовалось Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Возникновение этой, в своем роде уникальной, общественной организации пришлось на сложный и противоречивый этап в истории страны.

Первая попытка коммунистического эксперимента 1917—1920 гг. привела большевиков в тупик. Они уступили требованиям здравого смысла и вынуждены были перейти к новой экономической политике (в противном случае большевики потеряли бы власть). Переход к НЭПу породил иллюзии дальнейших преобразований со стороны правящей партии не только в экономической, но, прежде всего, в политической сфере. Эти надежды, безусловно, способствовали тому, что противостояние и напряженность во взаимоотношениях между РКП(б) и ее политическими оппонентами — эсерами и меньшевиками — были частично ослаблены.

¹ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 8—11.

Сложившаяся в стране ранней весной 1921 г. благоприятная обстановка способствовала объединению на внепартийной основе представителей различных социалистических партий, прошедших каторгу и ссылку, в единую общественную организацию¹.

В Общество бывших политкаторжан вошли большевики (доминировали количественно), эсеры, левые эсеры, меньшевики, бундовцы, анархисты, а также бывшие участники революционных организаций 60—90-х гг. XIX века («чайковцы», землевольцы, народовольцы, чернoperедельцы, деятели первых марксистских кружков в России т. д.). Принадлежность к Обществу революционеров с большим революционным стажем придавала этой организации особый колорит и давала право ее членам именовать себя представителями «трех поколений революционеров».

Учредители Общества считали, что их объединяет нечто большее, чем амбиции тех или иных партий. Политкаторжане сходились на мысли, что их могут соединить и примирить бесчисленные человеческие жертвы, возложенные на алтарь революции, за почти столетний период русского освободительного движения. Они считали своим долгом воссоздать, собирая по крупицам, по возможности полную картину революционного движения в России и историю политической каторги и ссылки. «Здесь у могилы погибших...» — писали политкаторжане в предисловии к первому сборнику «Каторга и ссылка», специально изданному ко дню открытия Общества, — бывшие политические узники обязаны «отдать, так или иначе, свой долг истории революции, дать свои заметки, дневники, мемуары...»². Это нашло отражение в уставе организации старой революционной гвардии. В нем были определены цели и задачи существования Общества: 1) сбор, хранение, разработка и публикация воспоминаний, документов, материалов «касающихся жизни и быта каторги и ссылки в дни царского режима...»; 2) оказание материальной и моральной под-

¹ Предшествующие попытки 1919—1920 гг., предпринятые бывшими политкаторжанами, создать собственное Общество не увенчались успехом. По признанию одного из его организаторов В. А. Плескова, эти неудачи были обусловлены сложной политической обстановкой в России (в стране бушевала гражданская война) и тем, что учредители не могли столковаться между собой о внепартийном характере данной организации (см.: Историко-революционный бюллетень. 1922. Сб. 1. С. 32).

² Каторга и ссылка. 1921. Сб. 2. С. 3—4.

держки членам Общества и семьям погибших товарищей по каторге и ссылке»¹.

Членами Общества могли стать лица, принимавшие участие в революционном движении и осужденные в связи с этим царским судом по политическому делу к каторжным работам или ссылке на поселение. Кроме того, устав допускал прием лиц, не имевших серьезных политических преследований со стороны правительства, но располагавших значительными заслугами в революционном движении. Для тех же, кто давал откровенные показания во время следствия и на суде или подавал прошение на высочайшее имя о смягчении приговора, доступ в Общество политкаторжан был закрыт².

По мере организационного становления Общества во многих крупных городах России и других республиках стали возникать аналогичные объединения, старой революционной гвардии. Они образовывались при прямом содействии московской организации политкаторжан и рассматривали себя в качестве ее филиалов. Вскоре москвичи сосредоточили «в себе ряд функций всероссийского Общества»³.

К началу 1924 г. уже насчитывалось 13 отделений бывших политузников, включая и московское⁴. Поэтому политкаторжане сочли необходимым объединиться в единое Общество. В марте 1924 г. в Москве состоялся первый съезд политкаторжан, провозгласивший образование Всесоюзной организации.

Всесоюзное общество продолжало оказывать помощь в учреждении новых отделений. Уже к осени того же года образовалось еще несколько филиалов, в том числе и в Саратове.

Историография Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев не так уж велика. Большинство исследователей рассматривает Общество как научно-исследовательскую организацию⁵. В действительности это не совсем так.

¹ Каторга и ссылка. 1921. Сб. 2. С. 98.

² Там же. С. 98—99.

³ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (далее — ЦГАОР СССР). Ф. 533. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁴ Каторга и ссылка. 1924. № 3. С. 309.

⁵ Алексеева Г. Д. Научные общества и музеи // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 251—252; она же. Октябрьская революция и историческая наука России (1917—1923). М., 1968. С. 45—47; она же, Желтова Г. И. Становление и развитие советской системы научно-исследовательских учреждений (20—30-е годы). Ташкент, 1977.

На протяжении долгого времени (чуть ли не с момента зарождения Общества и до его ликвидации в 1935 г.) политкаторжане вели довольно обширную общественно-политическую работу. Данное направление их деятельности нашло слабое отражение в исторической литературе¹. Филиалы же Всесоюзного общества до сих пор остаются вне поля зрения историков².

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть основные направления деятельности Саратовского отделения Общества политкаторжан (1924—1935 гг.). При подготовке публикации возникли определенные трудности: в саратовских архивах, к сожалению, не сохранился самостоятельный фонд Отделения³, а обнаруженные в Саратове и других городах материалы позволяют воссоздать его историю лишь в общих чертах.

С. 65—66; Алаторцева А. И. Журнал «Каторга и ссылка» и его роль в изучении истории революционного движения в России // История СССР. 1982. № 4. С. 100—115; она же. Советская историческая периодика, 1917—середина 1930-х годов. М., 1989. С. 65—75; 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917—1967. С. 21—55; Ушакова Л. А. Журнал «Каторга и ссылка» как исторический источник для изучения революционного народничества в период сибирской ссылки // Научные тр. Новосибир. пед. ин-та. Новосибирск, 1971. Вып. 64. С. 87—120; она же. Изучение сибирской народнической ссылки в 20—30-х годах XX в. (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в исследовании проблемы) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной научн. конф. (13—15 окт. 1981). Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 104—107; Щербаков Н. Н. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и его роль в разработке истории политической ссылки в эпоху империализма // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февр. 1917 г.). Вып. VIII. Иркутск, 1983. С. 26—49 и др.

¹ Например, см.: Ушакова Л. А. Общественно-политическая деятельность Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Изучение Сибири в советскую эпоху. Новосибирск, 1987. С. 58—65 и др.

² Исключение составляет небольшая статья, посвященная Одесскому отделению Общества. См.: Курбатов Ю. А. Общественно-политическая деятельность Одесского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Глазами молодых историков. Материалы научной конференции молодых ученых Саратова. Саратов, 1992. С. 85—89.

³ Значительно лучше сохранились документы о деятельности других отделений Общества. Например, см.; Ф. 506. Ленинградского отделения в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Санкт-Петербургской области, Ф. Р-2181 Днепропетровского отделения в Государственном архиве Днепропетровской области, Ф. Р-2636 Одесского отделения в Государственном архиве Одесской области (далее ГАОО), Ф. Р-986 Уфимской группы в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан и др.

Возникновение Саратовского филиала пришлось на время, когда черты теперь уже Всесоюзного общества в целом определились. Сосредоточить внимание только на изучении революционного движения в России и оказания товарищеской материальной и моральной взаимопомощи ему не удалось. Ведь жить в обществе и быть полностью свободным от него — невозможно.

Общество приняло активное участие в борьбе с разразившимся в нашей стране голодом в 1921—1922 г. Оно стало собирать пожертвования в пользу голодающих¹. Кроме того, политкаторжане, сформировав собственными силами санитарный поезд, занялись эвакуацией «детей из голодающих губерний»². Их самоотверженный труд на этом поприще снискал заслуженную славу³. В 1922 г. Общество политкаторжан вместе с Обществом старых большевиков стало инициатором создания Международной организации помощи борцам революции (сокращенно МОПР)⁴, которая уже с первых шагов выявила свою прокоминтерновскую ориентацию. Годом позднее бывшие политузники развернули кампанию по подготовке празднования столетнего юбилея восстания декабристов, придав приближавшемуся событию широкий общественный характер. В подготовительной работе политкаторжане опирались на помощь государственных и партийных органов. Наконец, они приняли самое деятельное участие в январе 1924 г. в похоронах, а впоследствии в увековечении памяти вождя партии большевиков, главы Советского правительства В. И. Ульянова (Ленина), что, несомненно, было проявлением определенной политической позиции⁵.

Что же побудило Общество выйти за рамки устава, четко определявшего направления его работы, и заняться общественной деятельностью?

¹ Каторга и ссылка, 1921. Сб. 2. С. 96; Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 34; Там же. 1922. № 2/3. С. 67; Историко-революционный вестник. 1922. № 1. С. 78.

² ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

³ Подробнее см.: Историко-революционный бюллетень. 1992. № 2/3. С. 69—76; Закгейм М. Помгол. // Десять лет. 1921—1931. М., 1931. С. 44—48; Зильберблат И. Четыре рейса (Из воспоминаний санитарки) // Там же. С. 49—55.

⁴ Крамаров Г. О/бщест/во политкаторжан и МОИР // Десять лет. С. 56—67.

⁵ См.: Курбатов Ю. А. У великой могилы // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Сборник статей молодых историков Саратова. Саратов, 1991. С. 58—63.

Во-первых, политкаторжане не являлись историками-профессионалами. Круг их интересов был гораздо шире. Старая революционная гвардия имела за своими плечами многолетний стаж политической деятельности и настолько сроднилась с ней, что приверженность к политике стала ее плотью и кровью.

Во-вторых, Общество находилось на дотации у государства. Помимо всего прочего, оно взяло на себя функции оказания материальной поддержки ветеранов революции, а также семей погибших революционеров, и здесь без помощи государственных субсидий просто нельзя было обойтись. Экономическая зависимость политкаторжан от государства объективно подчиняла их политическим интересам последнего.

В-третьих, в рядах Общества была велика прослойка коммунистов, как тех, кто связал свою судьбу с большевиками еще в дооктябрьский период, так и тех, кто по каким-либо соображениям отказался от прежних политических убеждений после прихода коммунистов к власти. Большевики изнутри словом и делом стремились придать Обществу прокоммунистическую ориентацию.

В-четвертых, правящая партия стремилась (по традиции, заложенной Лениным) вовлечь как можно большее число общественных организаций на свою сторону и через комфракции подчинить своему влиянию.

Весьма показательны в этом отношении изменения, которые были внесены политкаторжанами в 1924 г. в устав. Теперь в Общество официально закрывалась дорога тем, кто был осужден «органами Советской власти за всякого рода выступления против нее»¹. Данный запрет был направлен против бывших политкаторжан, сохранивших верность прежним партийным интересам, как, например, М. А. Спиридонова, И. К. Каховская и др. А таких оставалось не так уж мало.

II съезд Всесоюзного общества (1925 г.) стал поворотным в его судьбе. Он провозгласил переход старой революционной гвардии к активному сотрудничеству с властями. В качестве начавшейся переориентации свидетельствует тот факт, что во главе Общества в 1925 г. встал известный партийный функционер Ем. Ярославский.

С каждым годом требования к членам Общества росли. Декабрьский пленум Центрального совета (1929 г.) официально заявил, что политкаторжане являются активными уча-

¹ Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 346.

стниками социалистического строительства. Кроме того, пленум постановил: каждый член Общества обязан иметь общественную нагрузку.

К IV съезду (1931 г.) завершается окончательно внутренний переворот в организации бывших политузников. К этому времени она превратилась в один из мощных пропагандистских инструментов в руках правящей партии по укреплению в СССР тоталитарного режима.

Такую же эволюцию прошло и Саратовское отделение, находясь в жесткой зависимости от центральных учреждений Общества.

Итак, Саратовский филиал образовался 2 августа 1924 г. Из начального количества его учредителей, к сожалению, нами пока не установлено. Но если обратиться к «Положению о местных отделениях», разработанному оргкомиссией Центрального совета Общества, в котором говорится, что при организации отделения инициативная группа должна насчитывать не менее 15 человек¹, то можно предположить — у истоков саратовского объединения стояло, по крайней мере, 15 бывших каторжан и ссыльнопоселенцев или чуть больше.

Численно Отделение росло ежегодно. В 1927 г. в нем насчитывалось уже 39 членов², а по данным на 1 января 1930 г. — 40³. Год спустя их количество выросло до 45⁴, но к началу 1935 г. — сократилось до 38 человек⁵.

В Филиал входили бывшие анархисты, анархисты-коммунисты, эсеры, эсеры-максималисты, социал-демократы (меньшевики и большевики) и беспартийные революционеры. По имеющимся сведениям на 1 января 1931 г., около половины саратовских политкаторжан являлись членами ВКП(б)⁶. Большинство из них пришло в революционное движение накануне или в ходе первой русской революции, за что и были осуждены царским судом на различные сроки каторги и ссылки.

В организацию старой революционной гвардии вступил известный в прошлом народоволец — Генрих Петрович Клинг. На его личности, на наш взгляд, следует остановиться особо.

¹ Каторга и ссылка. 1924. № 4. 310.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции республики Украины (далее ЦГАОР РУ). Ф. 808. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³ Саратовский областной центр документации новейшей истории (далее СОЦДНИ). Ф. 82. Оп. 1. Д. 12. Л. 63.

⁴ Там же.

⁵ Материалы к пятому съезду Всесоюзного об/щест/ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Вып. 1. М., 1935. С. 9.

⁶ СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 12. Л. 63.

Г. П. Клинг, уроженец Самарской губернии, родился в 1861 г. Он принадлежал к потомственным колонистам, предки которого еще в 1764 г. в поисках лучшей доли покинули Германию и поселились недалеко от Саратова. Его дед перебрался в заволжскую степь, где в 1856 г. обосновался в с. Гоффенталь¹.

С революционными идеями Генрих Петрович познакомился в Саратове в 70-е гг., еще будучи учащимся немецкого Александровско-Мариинского училища (преобразованное в годы его учебы в реальное училище). В губернском городе он познакомился с радикально настроенной молодежью, читал нелегальную литературу, но в местные кружки не входил².

В 1882 г. Г. Клинг становится студентом Петровской сельскохозяйственной академии (г. Москва). Здесь он вступает в революционный кружок, вскоре примкнувший к «Народной воле». Год спустя он попадает в поле зрения охранки и за него устанавливается негласный надзор.

В годы учебы в академии (1882—1886) Генрих Петрович активно занимался революционной деятельностью. Близко сошелся с руководителем ярославского народовольческого кружка П. А. Мухановым, а также по партийным делам поддерживал тесные контакты с такими известными народовольцами, как С. А. Иванов, Н. М. Флеров, П. П. Мануйлов и др. В среде радикалов он был известен под кличкой «немец»³.

Весной 1886 г. учеба в академии подошла к концу. Начались выпускные экзамены. Но диплом так и не был получен. 2 апреля, не успев сдать два последних экзамена, Клинг был арестован и привлечен к дознанию по делу ярославского кружка (П. А. Муханова, А. В. Гедеоновского и др.).

Ждать решения своей судьбы ему пришлось довольно долго — один год и 9 месяцев. Генрих Петрович содержался под стражей в Москве в Бутырках, затем был переведен в Санкт-Петербург в Трубецкую башню Петропавловской крепости и, наконец, в Дом предварительного заключения. Лишь в мае 1888 г. Клинга выслали в административном порядке под гласный надзор сроком на 5 лет. Местом ссылки ему было определено с. Нижняя Тунгуска Преображенской волости Иркутской губернии. По ее окончании Клинг, лишенный права прожи-

¹ Саратовский музей краеведения. Ед. хр. НВСП № 7972 (автобиография Г. П. Клинга). Л. 1.

² Каторга и ссылка. 1993. № 10. С. 125.

³ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 88 об; Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 125—126.

вать в течение 4-х лет в столицах, университетских городах, Саратове, Твери, Нижнем Новгороде, поселяется в 1893 г. в Новоузенском уезде Самарской губернии¹.

После освобождения он добился права завершить учебу в Петровской академии.

Летом 1893 г. Генрих Петрович уехал в Орел (по приглашению А. В. Гедеоновского), где в то время проживало много бывших ссыльных и поднадзорных. В Орле он вступил в партию «Народное право» и принял участие в ее организационном становлении. В частности, Клинг руководил доставкой шрифта из-за границы для смоленской подпольной типографии.

Однако в апреле 1894 г. он вновь был арестован, и ему предъявили обвинение в принадлежности к «Народному праву». Но доказательств у жандармов не хватило (как, впрочем, и в предшествующий раз, когда он привлекался по делу ярославского кружка), поэтому уже осенью Клинг был освобожден под залог. Вернувшись в Саратов, Генрих Петрович с 1895 г. начинает работать городским агрономом².

Как человек неуемной энергии он не мог оставаться в стороне от общественной жизни. Дважды, в 1902—1905 и 1908—1911 гг., Клинг являлся членом церковного совета саратовского евангелистско-лютеранского прихода. С 1913 г. входил в состав уездного училищного совета. Кроме того, в разные годы он состоял гласным Саратовской городской думы, Самарского и Новоузенского земств³.

Много было сделано Генрихом Петровичем в становлении печатного слова поволжских немцев. По его инициативе в Саратове выходили две газеты на немецком языке, а третью, ориентированную на немецкое трудовое крестьянство, он издавал лично⁴.

После Февральской революции Клинг был инициатором созыва двух конгрессов немцев Поволжья. В годы Советской власти он — один из видных деятелей республики поволжских немцев⁵.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 88об—89; Соколов С. Д. Саратовцы — писатели и ученые // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. Вып. 32. С. 227.

² ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 88—89.

³ Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 127; Соколов С. Д. Указ. соч. С. 227.

⁴ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 89.

⁵ Каторга и ссылка. 1933. № 10. С. 127; Зиннер П. Выдающиеся деятели из колонии Поволжья // Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год. Саратов, 1925. С. 522.

В 1926 г. Клинга принимают в Общество политкаторжан, и одновременно он становится членом народовольческого кружка при нем¹.

В бывшем архиве Саратовского обкома КПСС, в фонде местного отделения Всесоюзного общества старых большевиков, нами обнаружен список бывших подпольщиков (он был составлен в 1930 г.), входивших в партийную номенклатуру. Список охватывал лишь часть саратовской партийной элиты и насчитывает 63 человека. Из него видно, что двое саратовских политкаторжан принадлежали к «особо ценным партработникам» со всеми вытекающими отсюда льготами и привилегиями (В. Т. Сергеев — староста Отделения, П. П. Фрей — заведующий Истпартом Крайкома ВКП(б))².

В 1926 г. Саратовское отделение, как явствует из его отчета Центральному совету, активно сотрудничало с МОПРом. Еще в декабре 1925 г. староста Общества В. Т. Сергеев обратился через губернские «Известия» от собственного имени и от имени своих товарищей к трудящимся края с обращением оказать посильную помощь МОПРу³. Политкаторжане выступали от имени этой организации с воспоминаниями в различных аудиториях, живописуя в красках о былой революционной деятельности, о быте царской каторги и ссылки, а также с агитационно-пропагандистскими докладами. Тесная связь с МОПРом усиливалась еще и тем обстоятельством, что первое время они не имели собственного помещения, и их приютил губком МОПРа⁴.

Это направление их деятельности в данный период было определяющим.

В том же году старой революционной гвардией были намечены пути сотрудничества с Истпартом. Филиал решил оказать ему посильное содействие в сборе документов и материалов по истории революционного движения в Саратовской губернии⁵.

Помимо этого, политкаторжане разработали ряд мер по охране памятников революционного прошлого. Таких памятников в крае сохранилось немалое количество. Ведь Саратов, начиная с 70-х гг. XIX в., являлся одним из крупнейших центров освободительного движения в России.

¹ ЦГАОР СССР. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1335. Л. 89; ГАОО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

² СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 29. Л. 40—41.

³ Саратовские известия. 1925. 15 декабря. С. 3.

⁴ ГАОО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 11. Л. 158.

⁵ Там же.

К концу 20-х гг. наметилось тесное сотрудничество политкаторжан с Саратовским отделением Всесоюзного общества старых большевиков (оно образовалось также в 1924 г.)¹ Эти две организации имели много общего как в организационном построении, так и в целях и задачах их существования. Кроме того, в провинции, особенно там, где филиалы Обществ были малочисленны, они сами стремились к объединению. Только совместными усилиями политкаторжане и старые большевики могли справиться с возникавшими из года в год новыми задачами, которые выдвигались их Центральными советами. Еще одним объединяющим началом между Обществами было то, что многие революционеры входили одновременно в обе организации. Так, по данным на 1 января 1933 г., все три официально утвержденные Центральным советом члена Саратовского отделения Общества старых большевиков принадлежали и к Обществу политкаторжан (В. Т. Сергеев, П. П. Фрей, Г. А. Шульга)². Чуть позднее численность старых большевиков увеличилась до 8 человек. Половину из них составляли политкаторжане².

Филиалы нередко проводили общие собрания по случаю каких-либо знаменательных дат³, а также различного рода общественные мероприятия⁴. На демонстрациях они шествовали отдельной колонной⁵.

Впоследствии (1931 г.) политкаторжане и старые большевики объединились под одной крышей. Им был выделен дом, в котором и разместились эти две организации (ул. Сакко и Ванцетти, д. 41).

В 1929—1930 гг. общественно-политическая деятельность бывших политузников значительно расширилась. Для упорядочения пропагандистской работы Отделения ими была выделена самостоятельная культурно-пропагандистская комиссия. Политкаторжане теперь выступали не просто с воспоминаниям о былом, а старались чаще в своих выступлениях перед трудящимися и учащейся молодежью пропагандировать внутри и внешнеполитический курс правящей партии.

Коммунисты, направлявшие деятельность Общества политкаторжан, рассчитали психологически очень тонко. На-

¹ СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 5.

² СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³ Там же. Д. 29. Л. 1.

⁴ Например, см.: Там же. Д. 10. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 16; Д. 28. Л. 22; Д. 33. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 19. Л. 136.

чные в стране в те годы мощные преобразования в городе и деревне хронологически совпали с новой волной преследований бывших эсеров и меньшевиков. Поэтому, когда докладчик, в прошлом меньшевик, эсер или анархист, начинал «громить» с трибуны «эсера-меньшевистских вредителей и их пособников, продавшихся мировому империализму», или доказывал «благотворность» влияния коллективизации на деревню, то из его уст это звучало куда убедительней. Выступления «бывших» усиливали эффект большевистской пропаганды, способствовали сохранению иллюзий, особенно среди молодежи, о «непогрешимости» внутриполитического курса ВКП(б).

В том же 1930 г. политкаторжане в течение месяца на агитпункте МОПРа вели разъяснительные беседы среди посетителей¹. Участие бывших политузников в мопровской работе было также выгодно для властей. МОПР своей деятельностью утверждал в сознании советской общественности уверенность, что Октябрьский переворот проложил дорогу новой эпохе — эпохе перехода от капитализма к социализму, как явлению закономерному, неотвратимому и неизбежному, что на Западе ширится и растет революционное движение и не за горами день всемирного освобождения человечества от пут порочного прошлого. Отсюда следует, что жертвы, понесенные страной в годы гражданской войны, а также бесчисленные лишения ее граждан в настоящем, не напрасны, и во имя «светлого будущего» советские люди еще будут нести новые жертвы, как первопроходцы.

Пик активности политкаторжан Саратова, как впрочем и других отделений, обычно приходился на празднование каких-либо знаменательных дат. Так, накануне проведения в Саратове 25-летия начала первой русской революции бывшие политузники выделили своего представителя в краевую юбилейную комиссию для оказания содействия в выработке плана предстоящих торжеств. При Совете Отделения также была образована собственная юбилейная комиссия².

Торжества начались собранием в доме партпросвещения, где после инструктивного доклада (о том, как в свете «текущей политики» следует трактовать данный юбилей) представителя из Москвы, видного члена Всесоюзного общества

¹ СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

² Там же.

старых большевиков С. И. Канатчикова, выступили с воспоминаниями о 1905 г. активные участники тех событий, члены Саратовского отделения политкаторжан В. Т. Сергеев, П. И. Власов, П. П. Фрей, А. С. Жирнов-Жиров.

Затем 29 декабря были организованы два торжественных заседания. Первое состоялось в оперном театре им. Н. Г. Чернышевского (организаторы — горсовет и политкаторжане), второе — в драматическом театре им. К. Маркса, проведением которого всецело руководила старая революционная гвардия.

В те же дни бывшие политузники выступали по предварительным заявкам с докладами на промышленных предприятиях и в учебных заведениях города. В общей сложности около 10.000 человек оказались их слушателями.

Для красноармейцев и бывших красных партизан 20 января 1931 г. в рабочем клубе им. К. Либкнехта политкаторжанами был устроен семейный вечер по случаю годовщины первой русской революции.

Членами Отделения были написаны воспоминания о революционном движении 1905—1907 гг. в Саратовской губернии для журнала «На культурном фронте» и по заданию Истпарта¹.

В местном музее политкаторжане вместе с музеиними работниками оборудовали два уголка: о революции 1905—1907 гг. и по истории каторги и ссылки. Для этой цели они отобрали в саратовских архивах необходимый материал. Старая революционная гвардия сама проводила экскурсии и сумела познакомить с выставками около 10.000 посетителей. В основном это были рабочие и учащиеся Саратова. При музее Отделение открыло книжный ларек с изданиями Всеобщего общества политкаторжан².

В дни празднования 13-й годовщины Октября (1930 г.) политкаторжане, также как и в первом случае, выдвинули представителей в краевую юбилейную комиссию и в распоряжение аналогичной комиссии при 2-м райкоме ВКП (б)³.

Филиал вел работу по сбору материалов по истории революционного движения в Саратове. По его заданию в 1930 г. Г. П. Клинг изучал документы местных архивов по судебным политическим процессам, имевшим место в губернии.

¹ СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 12. Л. 57—58.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 56.

Помогало Отделение, как и прочие филиалы, музею «Каторги и ссылки» при Центральном совете Общества (г. Москва) в укомплектовании фондов. Им были высланы в Москву (1930 г.) «тюремные» экспонаты: кожаная усмирительная рубашка и копия холщевой, а также альбом Рижского охранного отделения¹.

В начале 30-х гг. в деятельности саратовских политкаторжан появляется новое направление — шефская работа. В 1930 г. они стали курировать мопровские ячейки 32-го артиллерийского полка, размещавшегося в те годы в Саратове. Бывшие политузники передали в дар воинской части небольшую библиотечку с изданиями Общества на сумму 40 руб.².

В дальнейшем шефство становится одним из важных направлений общественной деятельности Отделения. По имеющимся в нашем распоряжении документам в начале 1935 г. саратовские политкаторжане имели своим подшефным Саратовский котельный завод. С ним филиал, отдавая дань моде тех лет, заключил договор о социалистическом соревновании³.

На предприятиях политкаторжане часто выступали с докладами и воспоминаниями. Но иногда им приходилось выступать в роли «пробивной силы» для материального обеспечения своего подшефного. Производственные планы росли без реального учета обеспеченности промышленности сырьем и необходимыми мощностями. Фабрики и заводы порой оказывались перед угрозой остановки. А при условии, когда в стране нагнеталась нервозная обстановка и во всех маломальских производственных срывах чудились происки вредителей, нормальное обеспечение работы предприятий нередко спасало инженеров и рабочих от репрессий со стороны государства. Поэтому в данной ситуации помочь политкаторжан приобретала особый смысл.

Так, 12 февраля 1935 г. на совместном совещании ответственных работников котлозавода с шефами заводчане обратились к политкаторжанам с просьбой «принять с своей стороны меры в соответствующих директивных организациях по устранению недоснабжения завода основными видами сырья и в особенности листовым котельным железом и метиза-

¹ СОЦДНИ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

² Там же. Л. 56.

³ Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 206. Л. 8, 14.

ми¹. Спустя три дня член Отделения Смирнов С. Г. срочно выехал по этому делу в Москву в Управление металлопромышленности при Наркомате местной промышленности. Параллельно в Наркоммествпром Крайком партии направил письмо с просьбой помочь заводу необходимыми материалами. Копия же этого письма была отослана в распоряжение Смирнова².

В итоге котельный завод сумел все-таки справиться с плановыми заданиями.

В июне 1935 г. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, согласно решению Президиума ЦИК СССР, было ликвидировано. Естественно, и его Саратовский филиал прекратил существование. Сталинская феодально-бюрократическая система к этому времени укрепилась настолько, что уже не нуждалась в услугах старой революционной гвардии. Система не пощадила тех, кто еще вчера вольно или невольно укреплял ее. Впоследствии большинство членов Общества политкаторжан подверглось репрессиям.

Т. В. ТОКАРЕВА

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА В МЕНТАЛИТЕТЕ ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

Поволжье — один из районов культурного синтеза. Взаимодействие архетипов европейской и азиатской субкультур породило своеобразнейшее сочетание мировоззренческих типов, позволяющее сравнивать местную культурную среду с такими конгломеративными общностями, какие мы видим в эллинистической Александрии или современном Нью-Йорке. Один из ведущих элементов привнесен в эту общность германской эмиграцией. В объеме статьи невозможно проанализировать весь комплекс проблем, связанных с особенностями интерпретации выработанных Германией социокультурных парадигм этнически пестрым населением, в складывании которого принимали участие наряду со славянскими тюркские, а также относящиеся к другим языковым семьям народы Поволжья.

¹ ГАСО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 206. Л. 8об, 14об.

² Там же. Л. 10.

Одна из интереснейших граней проблемы — интеграция германской традиции в складывающуюся, применительно к специфике данного региона, сельскохозяйственную науку. Именно здесь в полной мере проявились механизм и следствия восприятия архетипов, сложившихся в германской культуре.

Саратов — один из городов, неразрывно связанных с судьбой и именем Н. И. Вавилова. Здесь, в университете, им была впервые изложена концепция гомологических рядов. Здесь, в управлении МГБ, он был убит. Здесь, в здании НИИСХ Юго-Востока, в 1987 году ВАСХНИЛ было организовано юбилейное заседание его памяти.

НИИСХ Юго-Востока (до 1955 года — Всесоюзный институт зернового хозяйства, в 1928—1930 годах — Институт засухи) первоначально был организован решением Губернского земства как Саратовская опытная сельскохозяйственная станция в 1911 году. На должность директора станции был приглашен А. И. Стебут, один из основателей саратовской школы селекционеров. Его отчеты «Труды Саратовской сельскохозяйственной опытной станции» (выпуск I—1913 год, выпуск III—1915 год) — не только являются собой начало исторического изучения селекции яровой пшеницы в Поволжье, не только отражают принципы становления местной школы селекции, но и представляют собой характернейший документ, отражающий динамику социокультурных процессов в Поволжье.

«В культурно-историческом отношении было бы очень важно для губернии проследить, когда и какими путями стала проникать в сознание передовой части ее населения идея устройства опытных учреждений... Возникновение самой Станции связано непосредственно с мероприятиями Саратовского Губернского Земства, направленными на оказание помощи экономическим нуждам населения», — писал А. И. Стебут в 1913 году¹. Когда же, какими путями и каково оно было, это сознание? Что определило те процессы духовной конгломерации общества, интеграцию западной и азиатской культур, менталитет этнически пестрого населения, которые еще в середине XIX века позволили современному писать о Поволжье, как о богатейшем крае России? ² Почему столь значительный

¹ Труды Саратовской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. I. Саратов, 1913. С. 1.

² См.: Саратовская область. Саратов, 1952. С. 49.

элемент привнесен был в это сознание германской культурой, традициями немецкой иммиграции?

Обращает на себя внимание тщательность, с которой выбирается вариант проекта сельскохозяйственной станции А. И. Стебутом. «Селекционная лаборатория (архитектор Г. Г. Карпенко) Саратовской станции возведена по типу, выработанному профессором Фрувиртом для такой же станции в Хохенхайме — Вюртемберг (а не по типу Свалефской, как постоянно предполагают посетители ввиду внешнего сходства), — считает необходимым подчеркнуть А. И. Стебут¹.

«Существенным является здесь прежде всего соединение помещений для более тонких лабораторных работ с помещениями для более грубых, «грязных» работ над первыми размножениями. Необходимость этой связи вытекает из того, что и эти работы над более объемистым материалом размножений требуют постоянного надзора всего персонала, а так как эти работы производятся главным образом зимой, то, удобства для руководителей иметь все под рукой само собой очевидно. При этом здесь, конечно, разумеется не удобство «комфорта», а то удобство, которое обеспечивает правильную постановку работы»². «Второй важной особенностью лаборатории является большой светлый зал, так называемый общий рабочий зал... надобность в большом рабочем зале... столь необходима, что можно смело рекомендовать лучше ограничиваться, при недостатке в средствах, постройкой одного общего большого зала, чем ту же площадь занимать несколькими отдельными небольшими комнатами. Высота зала и хорошая вентиляция обязательны, ввиду значительного скопления работающих и при пыльном материале. Но еще более нужен свет... При нашей работе, требующей постоянного и тонкого сравнения селекционных объектов между собой, не только важно количество света, но и характер освещения. Лучшим является рассеянный свет. Наш рабочий зал поэтому повернут на северо-восток, насколько это было возможно. Третьей существенной особенностью лабораторного здания является чердачное помещение. Благодаря удачной конструкции стропильной системы оказалось возможным устроить над потолком всего верхнего этажа помещения для хранения растений...

¹ Труды Саратовской Сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 1. С. 15.

² Там же.

Одну из необходимых частей селекционной лаборатории составляет музей. Его можно назвать также родословной комнатой, так как в нем хранятся все материалы по родословной выводимых сортов... Нельзя обойтись в настоящее время селекционеру и без фотографической лаборатории. Фотографический снимок является во многих случаях единственным средством зафиксировать наружные особенности формы, а при сравнении целого ряда поколений между собой они служат существенным пособием... Остается только сказать несколько слов о полах — этом очень существенном элементе селекционных лабораторий... полы деревянные считаются, вследствие рассыхания, совершенно непригодными, цементные выщербляются и дают трещины, кроме того, они очень холодные, гипсолитные слишком мягкие. Полы в селекционных помещениях делают из различного материала, но ни один так не пригоден, как асфальт... Главное требование, предъявляемое полам, заключается в том, чтобы они не имели и не давали щелей. Остающиеся в целях зерна являются в селекционном деле тем «загрязнением», которое аналогично в бактериологической работе бактериальной нечистоте посуды. Как там недопустима такая нечистота, так в селекции нетерпимо присутствие в рабочих помещениях случайных зерен¹. Молотильный сарай станции был построен по типу, заимствованному из Вайенстейфана (Бавария). Хозяйственный двор был устроен по «так называемому германскому типу»².

Еще в большей степени, чем при анализе характера постановки и решения чисто организационных вопросов, очевидны процессы взаимодействия культурных традиций в становлении научной школы, выработке методологии и методике. У А. И. Стебута читаем следующее: «В качестве губернского учреждения Саратовская Станция призвана обслуживать интересы всей губернии... Отдел, находясь в юго-восточном районе, остановился на главном хлебе этой области — яровой пшенице³. Выбор этот далеко не случаен в отношении как поволжского региона, так и основателя Станции.

До назначения директором А. И. Стебут по решению Департамента земледелия изучал селекционное и опытное дело в Германии и Австрии в 1907 году.

¹ Труды Саратовской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 1. С. 16.

² Там же. С. 12, 19.

³ Там же. С. 118—119.

«Что касается Запада, то здесь внимание было обращено преимущественно на главную поставщицу России по части семян — Германию...» — указывал А. И. Стебут к вопросу о методике создания исходной коллекции иностранных образцов¹.

Останавливаясь на характеристике исходного местного материала, присланного земледельцами Поволжья, в ответ на воззвание Станции, наиболее часто А. И. Стебут ссылается на «уважаемого заволжского корреспондента... Я. Гергенредера», одного из крупнейших землевладельцев Новоузенского уезда, приславшего наиболее адекватные характеристики оптимальных природных условий выращивания сортов Белотурка и Полтавка, их биологии и происхождения².

Известные землевладельцы Заволжья И. Е. Книс, И. П. Нельфельд были в числе активных корреспондентов и поставщиков исходной коллекции станции. Описание И. Ф. Книса о Хивинках приводится целиком³.

Указывая на методы селекции, А. И. Стебут отмечает: «Среди различных методов индивидуального отбора Отделом был выбран тот, который немецкая литература удачно окрестила термином *Formentrennung*, а нами обозначается под именем аналитической селекции»⁴.

Массовый отбор яровой пшеницы был первой работой Селекционного отдела. И вновь А. И. Стебут исходил из немецкой школы (К. Рюмкер)⁵.

Направление германской селекционной школы Чермака отчетливо прослеживается в становлении Саратовской селекционной традиции.

«Экономические нужды населения» упоминает как основной причинно - следственный механизм образования станции А. И. Стебут. Экономика Поволжья — это и мукомольные заводы А. Шмидта, и завод братьев Гантке, типография Шельгорна, где, кстати, печатались отчеты Станции, германский быт и традиции «немецкой слободы» Саратова и республики немцев Поволжья. Здесь в условиях синкретизма европейского и азиатского начал, германские традиции ассимилировались в

¹ Труды Саратовской сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 1. С. 134.

² Труды Саратовской областной сельскохозяйственной опытной станции. Вып. 3. С. 95.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 340.

⁵ Там же. С. 342.

социокультурном феномене, давшем начало интеграции, приведшей к образованию автономной республики немцев Поволжья при относительно невысоком проценте собственно немецкого населения. Что изменилось в характере культурно-исторического процесса, если послевоенное поколение равнодушно приняло уничтожение исторического памятника — кирхи на улице Немецкой и здания германского представительства на улице Вольской, сохранив университетские корпуса, строившиеся архитектором К. Л. Мюфке, и старый корпус лаборатории мягкой яровой пшеницы НИИСХ Юго-Востока? Показательна параллель с судьбой немецкого населения в Кенигсберге, где в ходе двух реконструкций, в послевоенный период, а затем в семидесятые годы, исторический культурный центр города был ликвидирован почти полностью. В Саратове же произошло органическое слияние стилей и выделить в застройке улиц Немецкой, Московской, Большой Сергиевской германские и местные элементы может лишь профессионал.

Проблемы, связанные с идеей восстановления Поволжской немецкой республики, лежат не в сфере политики. С одной стороны, германский социокультурный элемент стал органической частью специфической Саратовской культурной среды. Может быть, с этим, в известной степени, связана и уникальная легкость адаптации в сороковые годы с местной культурной средой эвакуированного Ленинградского университета, где на протяжении двух веков взаимосвязи с немецкой наукой и культурой были теснее, чем в любом другом научном, учебном заведении России. С другой стороны, воинствующее неприятие самой идеи восстановления автономии с очевидностью проявилось в организованных определенными кругами митингах и других акциях. Создается впечатление, что одни и те же люди и адаптируют адекватно немецкую культуру, и отрицают ее с позиций воинствующего шовинизма. Впечатление ложно. Синтез коснулся прежде всего социальной среды, непосредственно связанной с наукой, образованием, предпринимательской деятельностью, абсолютно не затронув некоторых слоев населения. В известном смысле в этом вопросе мы наблюдаем тот же водораздел между Россией Востока и Запада, о котором писали Вл. С. Соловьев и Г. П. Федотов, по странному совпадению прошедший по реке, одно время географами считавшейся границей Европы и Азии.

Есть горький опыт Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья, не только подвергшейся ликвидации в 1941 году, но и выдержавшей давление сталин-

ского режима все годы своего существования. Эти репрессии коснулись и моей семьи, в частности, кандидата в члены ЦИК республики Т. Ф. Токарева. Но есть и другой опыт — восемьдесят лет направленной эволюции пшеницы, и более чем двести лет — эволюции общности сознания, необходимой для ее осуществления. Согласитесь, великий эксперимент Природы.

Д. В. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

РУССКАЯ ИДЕЯ

События последних двух-трех лет показывают тяжелейший кризис русского духа и русского национального самосознания. Голосование значительной части русского населения в Прибалтике за Народные фронты на выборах 1989 г.; на Украине — за отделение от России в 1991 г.; убеждение большинства опрошенных в Саратовской области в ненужности христианских ценностей для возрождения общества и государства и готовность их бросить на произвол судьбы убиваемых единоплеменников в Приднестровье в 1992 г.; отказ русским беженцам из ближнего зарубежья в юридическом статусе при одновременном предоставлении его беглым армянам, азербайджанцам, абхазам и т. д. — все это свидетельствует о распаде и разложении того, что некогда называлось «русским народом». Начавшееся вымирание русского населения, о чем свидетельствует статистика, «утечка мозгов» за границу, господство в массовом сознании потребительских и шкурнических идеалов при глубокой политической пассивности населения лишь подчеркивает, что «процесс пошел», как говорил один из бывших правителей.

Два фактора еще внушают некоторый оптимизм — 150 млн русских, которые должны же рано или поздно вспомнить о своем человеческом и национальном достоинстве, и великая культура, стоящая за нашей спиной. Нам есть чем гордиться и есть откуда черпать духовные силы в неотступном труде восстановления российской государственности. В связи с этим целесообразно хотя бы бегло окинуть взором РУССКУЮ ИДЕЮ, созданную нашим народом за тысячу лет его истории.

О русской идее много говорят и пишут, но никто не знает, в чем же она заключается. Н. А. Бердяев в свое время напи-

сал целую книгу о русской идеи, перемешав в ней различные течения отечественной мысли — Писарева с Хомяковым, Ленина с Достоевским¹. Клеветнический опус о русской идеи, сводящийся к отождествлению ее с фашизмом, издал и марксист-антисоветчик А. Янов².

Между тем очевидно, что всякая национальная идея, выражающая онтологическую сущность бытия народа, должна быть целостным комплексом взглядов, связанных с месторазвитием нации, ее исторической судьбой и миссией в мире. Русская идея — это замысел Божий о России и ответное раскрытие ему русского народа, национальный ответ на вызов Природы и Истории во всех сферах жизни. Она отвечает на вопросы почему, как и зачем жить этому народу на этой земле в этом мире.

Русская идея выношена в недрах России, осознана ее лучшими сынами. Ее постижение начинал в Киеве митрополит Илларион в XI в., продолжали Владимир Мономах и Александр Невский, Сергий Радонежский и Иосиф Волоцкий, протопоп Сильвестр и Козьма Минин, Григорий Сковорода и Николай Карамзин, Александр Пушкин и Александр Хомяков, славянофилы и веховцы, Федор Достоевский и Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и Павел Флоренский, Иван Ильин и Петр Струве, Александр Чаянов и Владимир Вернадский, Иван Солоневич и Лев Гумилев, сегодня крупнейшим представителем русской идеи является Александр Солженицын.

Русская идея — не плод отвлеченных умственных и абстрактных «общечеловеческих» построений. Она родилась из русской природы и русской судьбы, это идея «крови и почвы», укорененности во времени и пространстве.

В. О. Ключевский показал, как на Западе разнообразие природных типов, обилие морских и горных рубежей настойчиво навязывали людям впечатление границы, предела, точной определенности — и рождали сознание аналитическое, строго категориальное, где каждому явлению есть своя бирка с номером, ящичек и полочка, рождали сознание закона, стоящего над бытием³.

В России бескрайние просторы, ширь уходящих равнин,

¹ См.: Бердяев Н. А. Русская идея // О. России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

² См.: Янов А. Русская идея и 2000 год // Нева. 1990. № 9—11.

³ См.: Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1, С. 87.

неуловимость переходов и очертаний породили дух широкий, вольный и неоформленный. Народ, поднимающийся среди безграничных пространств, открытый вторжениям со всех четырех сторон света, должен был или развеяться среди них, или разлиться по ним, замирить и освоить свои необозримые окраины. У русских хватило сил поднять «бремя земли», как говорил И. А. Ильин¹, и земля наградила нас устремленностью в бесконечность, к запредельному, к знанию цельному, объемлющему жизнь во всей ее полноте, к синтезу Истины, Добра и Красоты. Доминантой русской идеи, ее стержнем стала категория «вседединства» (Вл. Соловьев), ощущение божественной благодати бытия, которая глубже и истиннее разделяющих рамок закона.

Духовной основой русской идеи является «диктатура совести», выстраданная, взлелеянная православием, сформированная вновь Вл. Соловьевым и вошедшая в глубинные архетипы народного сознания. «Не в силе Бог, а в правде», «Одно слово правды весь мир перетянет», «За правду-матку и умереть сладко», «Все минется, одна правда останется» — говорил русский народ, почитая высшей ценностью не богатство, не силу, не бранную славу — совесть и правду. Даже идеальный образ страны у русских был — «Святая Русь» (ср. с «Прекрасной Францией» у французов, «Старой Англией» у британцев или «Матерь-Индиею» у индийцев). Русское всеединство выразилось здесь очень ярко — православный нравственный идеал — даже не «подражание Христу», как у Фомы Кемпийского, а «жизнь во Христе», что и позволило Ф. М. Достоевскому говорить о «народе-богоносце», а Вл. Соловьеву строить концепцию богочеловечества.

«Русский космизм», как иногда называют направление русской мысли конца XIX — начала XX вв., — замечательный плод русского духа в познании мира и яркая грань русской идеи. Собравший воедино осколки мироздания, разрушенного рационализмом европейского Нового времени, вернувший Бога и человека в мир, сопрягший жизнь и смерть, время и вечность, звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас, он дал блестящие образцы русской науки, стремящейся соединить разум и природу (Менделеев), математику и религию (Шафаревич), физику и химию с биологией и философией (Вернадский), историю с естествознанием (Лев Гумилев). Единое знание о едином мире — это то, что русская идея

¹ Ильин И. А. О России. М., 1991. С. 12.

предлагает человечеству, зашедшему в тупик западной аналитической специализации.

Соборность, соборное сознание, согласно Н. О. Лосскому означающая «сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям» — образ общественной и космической гармонии, созданный русской идеей. Жестокая историческая судьба России привела к тому, что русский дух активно отрицает единичность человеческого существования и индивидуализм. Но великие равнины 1/6 земной суши невозможно было освоить духом колlettivизма, подавления личности и поголовного рабства — и Россия никогда не была «страной рабов». Даже во времена крепостного права, по словам А. С. Пушкина, «рабство было, рабов не было». Соборность осуществлялась в истории в казачестве, в ополчении 1612 г., в русской артели и свободной общине, в подъеме отечественной кооперации, в начале XX в. соединившей частную собственность с традициями мирской солидарности.

Кооперация начала XX в. была экономической формой приспособления рынка и капитализма к русской душе. С 1902 по 1916 гг. русская кооперация выросла в 29 раз, далеко опередив весь остальной мир, насчитывая более 47 тысяч кооперативов с 13,5 млн. членов (с учетом семей — более 60 млн. чел.)¹. Возникла целая научная школа, занимавшаяся проблемами кооперации. М. И. Туган-Барановский, А. В. Чаянов, С. Н. Прокопович разрабатывали оригинальные программы развития рыночной экономики. Сам русский капитализм в своем православном варианте в лице Мамонтовых, Морозовых, Третьяковых, Гучковых, саратовских купцов, построивших Художественный музей и т. д., обладал более мягкими и человечными чертами, чем жесткий протестантский капитализм Запада.

Неброская красота русской природы, тонкая и ранимая взаимозависимость жизненных цепочек подсказали русской душе идеал лада, описанный В. Беловым. В. О. Ключевский отмечал, что наша природа недостаточно устойчива: сведешь лес — мелеет река, распашешь степь — овраги и эрозия начнут уносить почву. Поэтому в системе ценностей народа смысл хозяйствования на земле утвердился не в покорении природы и материальном стяжательстве, а в ненарушимом единстве с

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1918. С. 493—494.

ней, достигаемом через эстетическое начало в труде. «Красота спасет мир» — слова Достоевского, вполне применимые к экологическому идеалу национальной экономики (домостроительства — по Аристотелю), возводимого к православному представлению о Земле как о «вертограде Божьем», отданном в работу и охрану человеку. Об этом в начале XX в. писал С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства»¹.

Подобные идеалы неизбежно вели русскую идею к всечеловечности; перипетии истории помогали этому. Варяги и Византия, татары и Запад — все сливалось в русском море, переплавлялось и принималось русской душой.

Мы любим все — и жар холодных чисел,
И дар Божественных видений.

Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений —

писал А. Блок². «Стать вполне русским, быть может, и значит только — стать братом всех людей, всечеловеком» — говорил Ф. М. Достоевский³.

С легкой руки И. С. Аксакова, М. А. Бакунина, Н. А. Бердяева и других представителей отщепившейся от государства интеллигенции, русский народ начали считать негосударственным, чуть ли не анархичным. Элементарно честного взгляда на русскую историю достаточно, чтобы увидеть абсурдность этого мнения. Подлинное отношение русского народа к государству выражали реальные Минины и Дежневы, Потемкины и Суворовы, а не вымышленные Каракаевы и Обломовы, Маниловы и Базаровы, — иначе не было бы великой Российской державы в 1/6 земной суши. Порождение анархической интеллигенции, большевики, победив, установили не анархию, а сверхцентрализованный государственный режим. Иначе и быть не могло, потому что русский народ — народ государственный по преимуществу, он и не существует помимо государства, в самом названии своем утверждая свою прилагательность к Государству Российскому.

Не удивительно, что в политической сфере русская идея издавна формулируется как самодержавие, централизованное государственное единство, венчающее собой свободное биение народной жизни, объединяющее ватаги и общины в несокрушимую стену, недоступную для многочисленных внешних вра-

¹ См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990.

² Блок А. Собр. соч. в 8 т. М.-Л., 1960. Т. 3. С. 361.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 26. С. 134.

гов. Самодержавие не имеет ничего общего с европейским абсолютизмом, поднявшимся в XVI—XVIII вв. из разделения сословий и их борьбы за права и привилегии. Равным образом самодержавие противостоит тотальному деспотизму, превращающему людей в винтики, послушные воле одного владыки. Самодержавие существовало в России от Владимира Святого до Петра Великого и от Александра II до Ленина. Оно объединяло сословия, распределяя среди них не права, а повинности — «тягло», и было единой соборной волей «всех земли», которую лишь формулировал царь (князь), и далеко не всегда он мог наложить свои индивидуальные черты на эту общую волю. Суть самодержавной идеи можно выразить формулой: царь + патриарх + Земской собор (Дума) + местное самоуправление (земства) + окраинные автономии (казаки, вассальные ханства, инородческие племена, Финляндия) + неписаные обычаи, сдерживавшие личный произвол не хуже английской конституции, которой тоже не существует на бумаге.

В юридической сфере русская идея — это «государство правды», видящее источник закона человеческого в Законе Божьем, а не в многомятежном хотении людских толп. В 1830-е годы М. М. Сперанский учил будущего Александра II: «Всякое право, а следовательно, и право самодержавия, потому есть право, что оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластье»¹. В этом русская идея противоположна западной теории «правового государства» с его принципом «Пусть погибнет мир, но свершится правосудие», родившейся из концепции Т. Гоббса о «войне всех против всех» и принципиально внеморальной. Впрочем, это не предполагает обязательного отрицания правовых достижений Запада. В конце XIX — начала XX вв. Б. Н. Чicherin, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин разрабатывали переход от отрицательного обоснования норм закона, характерного для западной традиции («порок надо сдерживать пороком» — считали авторы конституции США), к положительному обоснованию, к христианскому праву.

В национальной сфере русская идея — это народность, сохранение культурной свободы и самобытности всех племен, входивших в состав России. Россия никогда не была «тюрьмой народов», а ее меньшинства никогда не стояли под гнетом рус-

¹ Цит. по: Фирсов Н. Н. Александр II // Былое. 1922. № 20. С. 122.

ского большинства — это вздорная и ложная выдумка. Народы не становятся в очередь для добровольного вхождения в тюрьму. А ведь иным пришлось проситься в состав России столетиями! Грузия, например, была членом Москве более 300 лет, с конца XV по начало XIX вв., и все равно присоединение ее в 1801 г. по завещанию царя Георгия XII встретило сильную оппозицию в Государственном совете и ближайшем окружении Александра I. Николай I сказал Ю. Ф. Самарину, взявшемуся было «русифицировать» Прибалтику: «Немец, финляндец, татарин, поляк... вот что такое Россия». И. А. Ильин писал: «Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла» — зато и национальный вопрос в империи никогда не возникал (кроме польского и еврейского), и даже ее распад в 1917 г., по словам английского историка Э. Карра, был «вызван не столько борьбой за отделение периферии, сколько расколом в центре»¹. Русская идея — это имперская идея, империя как универсальное государство, не делающее различия между своими поданными и охраняющее мирное развитие входящих в нее народов. Так же Грузия

«Цвела в тени своих садов

Не опасаясь врагов

За гранью дружеских штыков»,

и если в 1800 г. насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900 их было 4 миллиона².

Сфера проявления русской идеи можно продолжать — как нехватна жизнь, так нехватна русская идея, содержащая концепции домостроя, армии, искусства, народной пищи и одежду и т. п. Но везде мы увидим все то же всеединство, сопряженность с православной духовностью и представлениями о мироздании, свободу в Боге, жертвенность «за други своя» и за Россию, вдохновленную Христом.

Сегодня русская идея необходима не только (и не столько) как дань традициям, ностальгическим воспоминаниям о величии разгромленного и преданного государства. В водовороте национального кризиса нетрудно упустить из виду, что мировая западная цивилизация, к которой нас стремится присоединить, зашла в тупик и человечеству требуется смена направлений развития. Еще в 1970-е годы ученые Римского клу-

¹ Кэрр Э. История Советской России. Кн. 1. М., 1990. С. 211.

² Гумилев Л. Н. Меня называют евразийцем // Наш современник. 1991. С. 140.

ба предупреждали, что если Запад не прекратит безудержную гонку за материальным прогрессом, Земля окажется перед угрозой гибели. Но Запад предпочел самоограничению перекладывание бремени техногенной цивилизации на «третий мир» и Россию. Истощение ресурсов и экологическая угроза ведут к обострению борьбы за мировое господство, и «новый мировой порядок», призванный обеспечить благополучие «избранного миллиарда» за счет остального человечества, может стать прологом к царству антихриста и апокалиптической катастрофе.

России нужно не только сохранить независимость за ядерным щитом, но и дать свой ответ на исторический вызов цивилизации. Ответ этот может быть дан только на основе русской идеи.

В. А. СОЛОМОНОВ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА АРХИТЕКТОРА

Проезжая и проходя по Московской улице, саратовцы и гости нашего города непременно обращают внимание на уникальный в своем роде памятник зодчества — архитектурный ансамбль Саратовского университета. С невольной грустью и печалью взираем мы сегодня на некогда величественное сооружение, требующее, к сожалению, в наши дни тщательной и долгой реставрации, кропотливого восстановления многих утраченных архитектурных форм. Сохранения памятника для последующих поколений, возвращения ему первозданного блеска и величия, требует от нас, ныне живущих, и память о его гениальном творце — архитекторе-художнике Карле Людвиговиче Мюфке. О его замечательном замысле, превосходно воплощенном в жизнь, о незавидной и горестной последующей судьбе художника я и собираюсь рассказать.

О детских и юношеских годах К. Л. Мюфке имеются весьма скучные сведения, преимущественно общего характера, которые не позволяют в полном объеме воссоздать картину первых лет жизни будущего архитектора. Известно лишь, что родился он в Воронеже 30 января (11 февраля) 1868 года в небогатой семье аптекаря-провизора; учился в местной гимназии, после чего, проявив склонность к точным дисциплинам, поступил в Петербургскую академию художеств на архитек-

турное отделение. В 1893 году, в связи с реорганизацией академии, Мюфке переводится в Высшее художественное училище, которое и заканчивает 27-летним юношей в 1896 году. В выданном К. Л. Мюфке по окончании училища дипломе отмечалось:

«...Дано сие из Императорской академии художеств бывшему ученику Высшего художественного училища при академии Карлу Мюфке в том, что он определением академии, 30 октября 1896 года состоявшимся, за отличные познания в искусстве и науках, показанные им во время пребывания в архитектурном отделении училища, удостоен звания художника архитектора с присвоением оному, на основании § 65 Высочайше утвержденного 15 октября 1893 года временного устава Имперской академии художеств, право на чин X класса при поступлении на государственную службу и с представлением производить постройки, в чем канцелярия Имперской академии художеств свидетельствует»¹.

Затем последовала годичная заграничная командировка по городам Италии, Франции, Германии и Австрии, во время которой К. Л. Мюфке настойчиво совершенствовал свои познания в архитектурном деле. А с 1897 по 1910 год он постоянно живет и работает в Казани, где благодаря своему искусству обретает довольно большую известность и популярность. С открытием же в Саратове нового университета жизнь и деятельность архитектора навсегда связывается с этим городом.

Первый ректор Саратовского университета профессор В. И. Разумовский, перебирая в памяти все известные ему кандидатуры на пост архитектора-строителя, не случайно остановил свой выбор именно на К. Л. Мюфке, человеке, имевшем к тому времени богатую строительную практику и отличавшемся идеальной честностью. В своем письме к министру народного просвещения А. Н. Шварцу ректор так объяснял собственный выбор: «...он уже работал в этой специальной области: в 1903 году в Казани он, по поручению местного университета, составлял проекты и сметы Анatomического института; ...по указаниям... Мюфке здание общежития в Казанском университете было приспособлено под кафедры патологической анатомии, судебной медицины и оперативной хирургии. Кроме того... архитектор Мюфке известен мне как опытный, добросовестный и искусный строитель: ему принадлежит постройка лучшего

¹ Цит. по: Осятинский А. П. Архитектурный ансамбль К. Л. Мюфке в Саратове. Саратов, 1984. С. 7.

здания, служащего украшением города Казани — художественной школы (1904 г.). Мюфке же построены другие выдающиеся здания, например, дом Ушакова, считающийся одним из лучших...»¹.

Предложение занять пост архитектора-строителя Саратовского университета Карл Людвигович встретил с радостью. Его привлекла масштабность строительства, возможность самостоятельной, творческой работы. По прибытии его в Саратов ему сразу же было поручено составление проектов университетских зданий, выбор участка под строительство, а также общее руководство всеми работами.

27 июля (9 августа) 1909 года под председательством В. И. Разумовского состоялось первое заседание Строительной комиссии. А в начале августа (по ст. ст.) ректор уже сообщал в Министерство: «..В первых числах июля я поручил архитектору К. Л. Мюфке подготовить план и смету здания теоретико-медицинского института, так как он потребуется ранее других... 27 июля эскиз плана мы совместно с К. Л. Мюфке, профессорами, городским архитектором Саратова А. М. Салько и некоторыми представителями города рассмотрели, внесли в него некоторые поправки. К 15 августа Мюфке закончит план и подробную смету...».

К вышесказанному считаю долгом присовокупить, что кредит на содержание Саратовского университета до сих пор не открыт; работы и закупки мы производим частью в долг, частью на мои личные средства»².

Что касается места для строительства университетских зданий, то наиболее удачным считалась Московская площадь: она имела большие размеры, была свободна от старых и массивных строений, а главное, обладала необходимым для этого рельефом. Однако при более тщательном осмотре ее обнаружилось, что «...постройка зданий университета, вследствие высокого состояния подпочвенных вод, затруднительна, даже невозможна»³.

В связи с этим поступило предложение образовать специальную подкомиссию, которая осмотрела бы состояние почвы на Московской площади, «а также и другие места, пригодные для постройки университета, например, Дегтярную площадь

¹ ЦГИА г. С.-Петербурга. Ф. 733. Оп. 233. Д. 106. Л. 29.

² Там же. Оп. 154. Д. 518. Л. 19.

³ Протоколы заседаний Строительной комиссии Саратовского университета, хранящиеся в фондах НБ СГУ. Л. 7 об.

и Соколовую гору...»¹. В состав такой подкомиссии вошли архитекторы К. Л. Мюфке и А. М. Салько, инженеры В. Д. Захаров и А. М. Никитин.

Во время работы подкомиссии у других членов Строительной комиссии возникали самые различные предложения, но, пожалуй, более всего своим выгодным расположением обращала на себя внимание всех Соколовая гора. Обсуждение последнего предложения совпало с временным отъездом К. Л. Мюфке в Казань по семейным делам. Но перед своим отъездом из Саратова, подробно ознакомившись с этим вариантом и посоветовавшись затем в Казани с компетентными людьми, Карл Людвигович срочно посыпает на имя Строительной комиссии докладную записку, в которой подробно и красочно высказывает свою позицию на этот счет. Сугубо деловой документ составлен и написан таким образом, что несомненно вызовет к себе чисто читательский интерес даже у тех, кто к архитектуре не имеет ни малейшего отношения. Поэтому я считаю целесообразным привести его в полном объеме.

**«К протоколу 30-го окт. 1909 года.
Мнение архитектора-строителя К. Л.
Мюфке по вопросу о постройке Саратов-
ского университета на Соколовой горе.**

Ввиду того, что в саратовском обществе и в местной печати, во время моего отъезда в Казань, был поднят вопрос о непригодности Московской площади для постройки Университета, вследствие «болотистого» грунта и обилия подпочвенных вод, и о желательности построить Университет на Соколовой горе, я считаю своим долгом высказать свое мнение по этому вопросу.

Меня, как архитектора-художника, не может не прельщать мысль построить Университет на таком видном месте, как Соколова гора. Здесь Университет красовался бы над всем Саратовом и был бы виден далеко с Волги и почти изо всего города; в свою очередь из Университетских зданий открывался бы чудесный вид на Волгу и Заволжье. Очень важно и то, что все здания для всех факультетов могли бы быть построены в одном месте. Можно было бы расположить их уступами, на широких террасах горы, так, чтобы ряд зданий возвышался над другими, а на центральном высоком месте из общей группы выдвигалось бы величественное здание, и вся общая масса сооружений увенчалась бы на фоне неба красивым силуэ-

¹ Саратовский вестник. 1909. 1 октября.

том Университетского храма. Террасы можно было бы соединить широкими лестницами и красиво скомпонованными подъемами-пандусами, устроить колоннады, перекинуть арки и тому подобное... — вообще обработать художественно не только часть горы, занимаемую самим зданием, но и всю ближайшую часть ее, дороги и подъемы к Университетским зданиям, заполнив свободные места насаждениями, устроив фонтаны, водоемы, спуски для воды и так далее... Таким образом, вся часть Соколовой горы вместе с Университетскими сооружениями представляла бы одно художественное целое. Если представить простор художественной фантазии и не стесняться в материальных средствах, то здесь можно было бы создать нечто сказочно-прекрасное....

Но, к великому сожалению, суровая действительность ставит сейчас же ряд препятствий к осуществлению этой художественной идеи. Первое и главное препятствие это то, что Соколова гора «ползет»: как известно, уже было несколько случаев оползней ее, и нужно ожидать таковых и в будущем. Поэтому нельзя не остановиться перед риском многомиллионными сооружениями. Второе препятствие — слишком большие средства, которые потребовались бы для осуществления этой идеи, во много раз превышающие те 3,5 миллиона, которые ассигнованы на устройство Саратовского Университета. Одни земляные работы для предварительной подготовки горы под постройки (крытие частей ее, устройство террас и т. п.) вызвали бы очень большие непредвиденные Законопроектом расходы, не говоря уже о высокой стоимости разных других работ при таком грандиозном масштабе их. Кроме того, постройка Университета на Соколовой горе представила бы ряд практических неудобств, о которых уже было упомянуто проф. В. И. Разумовским и другими членами Комиссии, как, например, затруднительность ежедневного подъема в гору для студентов, профессоров, служащих Университета, а главным образом для амбулаторных больных в клиниках. Правда, для этой цели можно было бы устроить специальный подъемник и особый трамвай в гору; но, опять-таки, это потребовало бы лишних больших расходов. О других неудобствах: отдаленности от Земской и Городской больниц, где должна быть размещена часть университетских клиник, и других — было также уже говорено в Комиссии.

Но главной причиной, почему приходится отказаться от такой замечательной идеи, является, по моему мнению, риск, что Университет может когда-нибудь, если не при нашей жизни,

то при наших правнучках, «сползти в Волгу», как это предсказал в личном разговоре со мною проф. геологии в Казанском университете П. И. Кротов.

Таким образом, волею-неволею приходится остановиться, как на более подходящем месте из всех осмотренных Комиссией на Московской площади. Здесь придется помучиться с подпочвенной водою не только до устройства дренажа, но, по всей вероятности, иногда и потом (в весенне время) в котельных, в подвалах; жилых помещений в подвалах устраивать не следует, как это и было уже решено раньше; а особой опасности для зданий подпочвенная вода не представляет, если принять соответствующие меры при устройстве фундаментов.

Главное неудобство это то, что на Московской площади не могут уместиться все здания, необходимые для полного Университета; но, если бы город не пожалел для Университета и предоставил ему еще место, находящееся очень близко от Московской площади и занимаемое сейчас ипподромом, то это неудобство было бы почти устранено.

Для Ботанического института и Ботанического сада должно быть, конечно, найдено поблизости еще третье подходящее место (может быть, бывшая Губернаторская дача?).

Архитектор-строитель К. Мюфке¹.

После такого подробного и обстоятельного письма К. Л. Мюфке, к мнению которого особенно прислушивались, Строительная комиссия остановила свой выбор все же на Московской площади, которая вскоре из пустыря, заросшего бурьяном, на глазах у многих стала превращаться в огромную строительную площадку. Ежедневно на многочисленных подводах сюда привозили камни, булыжники и кирпичи. Все земляные работы велись вручную нанятыми рабочими. Грунт, выбранный из траншей, по предложению К. Л. Мюфке, никуда не отвозили, а складывали тут же на площади, поднимая тем самым уровень территории и понижая глубину залегания грунтовых вод. Энергично трудился в эти дни и сам главный архитектор университета. Его почти ежедневно можно было встретить среди рабочих, следившим за ходом земляных и каменных работ и даже лично участвовавшим в строительстве. Причем Карл Людвигович не только организовывал и руководил всем ходом работ, но также самолично производил закупки строительного материала и проверял его качество,— без его пись-

¹ Протоколы заседаний Строительной комиссии... Л. 16 а.

менного заключения ни один из стройматериалов не оплачивался и не закупался.

Но несмотря на большой объем работ, осуществленный в 1910 году, строительство велось крайне медленно. Этот вопрос рассматривался и на заседании городской Думы, где вся ответственность за сроки строительства возлагалась на Министерство народного просвещения, для чего имелись веские основания¹.

Для ускорения рассмотрения представленных проектов и смет и принятия по ним соответствующих решений в Строительном комитете Министерства В. И. Разумовский, К. Л. Мюфке и В. Д. Зернов были вынуждены в разгар строительного сезона отправиться в Петербург. Последний из перечисленных лиц был, главным образом, заинтересован в скорейшем начале строительства Физического института, проектирование которого было поручено архитектору Министерства народного просвещения Л. А. Шишко. Вот как объясняет этот факт сам профессор В. Д. Зернов.

«Строительство предстояло очень большое, — вспоминал ученый, — а отсюда за проекты зданий и самое строительство Мюфке должен был бы получить довольно большое вознаграждение. Но строительный отдел Министерства народного просвещения в свою очередь также претендовал на доходы с этого дела, поэтому и чинил всяческие препятствия и затруднения при утверждении проектов К. Л. Мюфке.

И вот, чтобы удовлетворить аппетиты министерских архитекторов, наша Строительная комиссия (или лучше сказать, В. И. Разумовский) решила оставить проект Анатомического театра за Мюфке, а проект Физического института заказать архитектору из Министерства².

Ни Разумовский, ни Мюфке не надеялись на легкую и быструю победу, но тем не менее оба были полны решимости отстаивать проект анатомического института в том его виде, в каком он был представлен в Строительный комитет.

Их приняли в Министерстве, но назначать заседание не спешили, мотивируя тем, что с представленным проектом предварительно должен познакомиться архитектор Министерства. Но когда оно все же состоялось, то «при рассмотрении

¹ Подробнее см.: Известия Саратовской городской Думы. 1910, декабрь. Отд. У. С. 27—29.

² Зернов В. Д. Записки русского интеллигента (машинопись). С 356. (Архив автора.).

проекта Анатомического театра, — как свидетельствует В. Д. Зернов, — опять встретились затруднения. Во время перерыва к Мюфке подошел один из министерских инженеров и откровенно сказал: «Послушайте, надо же поделиться». Карл Людвигович был крайне возмущен такой развязностью и не стал, конечно, дальше разговаривать. А Василий Иванович Разумовский прямо-таки готов был плакать¹.

Однако добиться положительных результатов в решении этого вопроса представителям Саратовского университета все-таки удалось, правда, не без вмешательства министра народного просвещения А. Н. Шварца, его заместителя В. Т. Шевякова и членов Государственной Думы М. М. Алексеенко и М. Я. Капустина. Так общими усилиями в начале 1911 года Строительная комиссия Саратовского университета добилась разрешения на закладку зданий анатомического и физического институтов.

Как только проекты были получены в Саратове, К. Л. Мюфке, его непосредственные помощники и все, кто был причастен к строительству, с огромной энергией взялись за дело.

«Мюфке обещает непременно в этот строительный период, — сообщал в письме к своей жене профессор В. Д. Зернов, — вчера кончить здание института; говорит, если не будет готово, то пусть его повесят тут же на столбе. Слава Богу, хоть начинают-то»².

А на следующий день он же с радостью пишет: «Сегодня начали земляные работы по институту. ...Землекопы, конечно, поздравляли с началом дела и получили на чай с меня и архитектора. Начали стройку с первой весенней грозой и дождем. Мюфке говорит — это хорошо: «Святой водой начало работ окроплено»³.

Но несмотря на усилия архитектора и самоотверженный труд рабочих, строительство шло медленно, то и дело натыкаясь на всевозможные препятствия — то одно задерживалось, то другое не ладилось. Наступившие холода грозили приостановить работы. Не могу в этой связи не привести еще одного свидетельства из воспоминаний В. Д. Зернова, относящиеся к осени 1911 года.

«...В сентябре, когда строительный сезон далеко еще не

¹ Там же. С. 357.

² Из письма профессора В. Д. Зернова к Е. В. Зерновой от 29 апреля 1911 года. (Архив автора.).

³ Из письма профессора В. Д. Зернова к Е. В. Зерновой от 30 апреля 1911 года. (Архив автора.).

завершился, — отмечал ученый, — поднялся вдруг ураган, который свирепствовал три дня. Такая погода для Саратова не была, конечно, редкостью, но нам-то от этого не было легче. Все деревянные леса были разбросаны, а рабочие разбежались. Тогда же подрядчик нам заявил, что в создавшихся условиях он строить дальше не может, объяснив это тем, что его рабочие уехали по домам, а на «пешем рынке» рабочих нет, а если и есть, то они ломят такую несуразную цену, что он скорее согласен уплатить неустойку, чем набирать их — так-де он потерпит меньшую убытку.

Мы с К. Л. Мюфке всячески убеждали подрядчика, доказывая ему, что университет — это все равно, что церковь (храм) и что отказываться от постройки университета все равно, что отказываться от постройки храма. По счастью, подрядчик оказался человеком добродушным и нашими доводами вполне был убежден. Работа, прерванная ураганом, снова восстановилась и к зиме «карниз был покрыт крышей»¹.

Таким образом обещание архитектора закончить здание физического института вчерне к концу строительного сезона было выполнено.

Осенью 1913 года в первом и втором корпусах университета начались занятия, а в конце года и все остальные здания смогли, наконец-то, принять в свои аудитории студентов.

Сооружение всего университетского комплекса по разным причинам растянулось на много лет. Только четыре основные корпуса, составивших завершенный университетский ансамбль, и три здания в клиническом городке были выполнены в первые четыре года существования Саратовского университета. Важно отметить и другое: ранее столичные знаменитости в области архитектурных сооружений приезжали в Саратов лишь по приглашению частных лиц для постройки отдельных зданий, большей частью особняков. Карл Людвигович Мюфке впервые в истории города создал целый архитектурный ансамбль, отличающийся единством замысла и высоким качеством исполнения.

Архитектором - строителем Саратовского университета оставался К. Л. Мюфке и после Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Одновременно с этим (с 1920 года) он являлся профессором гражданской архитектуры и архитектурных форм Саратовского политехнического института, а также профессором архитектуры и архитектурного проектирования в

¹ Зернов В. Д. Указ. соч. С. 360.

Саратовском инженерно-проектном институте. А с 1924 по 1930 год Карл Людвигович трудился исключительно в Саратовском университете, наблюдая за эксплуатацией его корпусов и проводя необходимый профилактический их ремонт.

Однако совсем не похожими на эти и предшествующие годы, печальными и безрадостными оказались последние дни жизни талантливого, много поработавшего на своем веку архитектора. Возраст и семейные невзгоды давали о себе знать: то и дело донимали всевозможные болезни, да и старых друзей, с которыми бок о бок работал по возведению университетского городка, в Саратове становилось все меньше и меньше.

Уединившись в небольшой квартирке самим же построенного из остаточного стройматериала университетских зданий дома по улице Железнодорожной, 23, отдаленно напоминающего архитектуру учебных корпусов университета, К. Л. Мюфке старался хоть как-то свести концы с концами. Время было трудное: в стране — голод, не хватало дров, чтобы согреть даже крохотные помещения. Многие не выдерживали и умирали, кто дома, не в силах встать с постели, а кто прямо на улице.

В это голодное время умер и Карл Людвигович Мюфке.

Директор научной библиотеки Саратовского университета Вера Александровна Артисевич вспоминала: «В марте 1933 года Мюфке скончался. Это было страшное время. В городе тогда очень часто можно было видеть мертвых, которые лежали прямо на снегу.

К. Л. Мюфке, как и многие другие в ту пору, умер от голода, от сильного истощения...»¹.

До сих пор живет в Саратове и другой человек, хорошо знавший младшего сына К. Л. Мюфке — Константина, а через него и самого Карла Людвиговича,— в прошлом актриса Саратовского драматического театра имени Карла Маркса Людмила Михайловна Уварова.

«В доме по Железнодорожной улице, — рассказывала она в одной из наших частых бесед, — жили многие работники драматического театра. Поэтому мы часто заглядывали туда, как говорится, на огонек. Ходили для того, чтобы за разговорами хоть как-то забыть про голод и холод.

Каждый раз, когда мы бывали в этом доме, невольно заходила речь о «знаменитом соседе». Им был архитектор Мюфке. Рассказывалось о нем многое. Со временем эти рассказы

¹ Из личной беседы с В. А. Артисевич. (Архив автора.).

сгладились в памяти. Но один из них я запомнила на всю жизнь.

Хозяйка квартиры, у которой мы гостили, рассказывала, что Карл Людвигович, чтобы как-то продержаться и не умереть от голода, днем и вечером одиноко сидит у окошка и над чем-то упорно трудится. Позже узнали, что он занимался художественной вышивкой, а потом готовые работы через посредников продавал на рынке. Этим он и кормился в то голодное время¹.

Серые стены этого дома помнят и день похорон К. Л. Мюфке.

«Похороны были очень простыми,— свидетельствует В. А. Артисевич,— за гробом шли всего три человека: Амброжий Николай Михайлович, химик по специальности, а в то время председатель месткома, Белорусова Александра Михайловна — бухгалтер университета, одна из старейших работников, и я. Больше никого не было»².

Похоронен К. Л. Мюфке в Саратове на Воскресенском кладбище. На могиле его возвышается черный мраморный обелиск, поставленный на средства университета в знак благодарности за то большое дело, которому Карл Людвигович служил всю свою жизнь.

В. А. СОЛОМОНОВ

«Я НИКОГДА НЕ СТРЕМИЛСЯ

К НАГРАДАМ И ЗВАНИЯМ»

(Материалы к биографии профессора В. В. Вормса)

В 1909 году в Саратове произошло замечательное и памятное событие: после продолжительной борьбы саратовской интеллигенции, длившейся более 50 лет, был открыт десятый по счету университет в России. Его открытие, как отмечалось позже в многочисленных поздравительных адресах, явилось великим торжеством общенационального характера, стало настоящим праздником высшей науки³.

¹ Из личной беседы с Л. М. Уваровой. (Архив автора.).

² Из личной беседы с В. А. Артисевич. (Архив автора.).

³ См.: Чувеский И. А. Торжество открытия Императорского Николаевского Университета в г. Саратове 1909 г. 6 декабря. Саратов, 1910. С. 69.

Первым ректором молодого университета был назначен авторитетный и известный в научных кругах профессор Казанского университета В. И. Разумовский. Под его непосредственным руководством формировался и весь остальной профессорско-преподавательский состав. В. И. Разумовскому было не безразлично, вместе с какими людьми ему предстоит закладывать фундамент саратовской университетской школы. В своих помощниках он желал в первую очередь видеть людей талантливых, инициативных, энергичных и честных.

Одним из ближайших сподвижников и верных товарищей В. И. Разумовского в деле организации нового учебного заведения, в полной мере отвечавшим таким требованиям, был профессор В. В. Вормс, в августе 1909 года назначенный первым проректором и заведующим кафедрой физиологической химии Саратовского университета.

Владимир Васильевич Вормс (настоящее и полное его имя звучало иначе — Адольф-Владимир-Вильгельм) родился 2(14) февраля 1868 года в селе Терса Вольского уезда Саратовской губернии. Его отец, Вильгельм Христофорович Вормс (в округе его звали Василием Васильевичем), был родом из мещан города Риги и, имея агрономическое образование, к моменту рождения сына служил управляющим терсипского имения. В 1876 году отец оставляет службу в имении и всей семьей переезжает на жительство в Вольск, где через год становится владельцем пивоваренного завода, которым управлял затем четверть века. После чего, 74-летним старцем, передал дело старшему сыну Леониду, а сам с дочерью Доротеей переселился в Москву к своему брату, где и умер в 1910 году в возрасте 82 лет.

Мать Владимира Васильевича, урожденная Фотт Вера Александровна, так же, как и его отец, происходила из мещан города Риги, и на протяжении всей своей жизни (скончалась она в 1892 году) занималась исключительно домашним хозяйством и воспитанием детей, а их в семье Вормсов было 9 человек: 5 мальчиков и 4 девочки.

В продолжении доходного семейного дела юный Владимир Вормс был мало заинтересован и серьезного внимания этой проблеме не уделял. О себе он заявил с другой, неожиданной стороны.

С раннего детства Владимир Васильевич проявил небывающую тягу и интерес к знаниям, ко всему неизвестному и непонятному. Нередко юноша задавался вопросами, на которые не смог бы ответить даже самый искушенный в жизни

взрослый человек. Мало того, он сам пытался найти на них ответы. И чем глубже проникал любознательный мальчик во всевозможные тайны природы и науки, тем больше возникало новых вопросов.

Происходившие в сыне изменения быстро заметили родители, постарались создать все условия для того, чтобы его интерес к наукам не угасал, а, напротив, разгорался, совершенствовался, обретал силу и ясность.

Среднее образование В. В. Вормс получил в Казанской 3-й гимназии, в которой обучался с 6-го класса, а до этого учился в Вольске, где к тому времени жили его родители. Окончив гимназию в 1885 году, Владимир Васильевич поступает в Казанский университет на медицинский факультет, который и заканчивает на «отлично» в звании лекаря.

«Тотчас по окончании медфака,— писал В. В. Вормс в своей автобиографии,— я был зачислен в штат ординаторов по кафедре частной патологии и терапии внутренних болезней с клиникой в военном госпитале. В 1891 г. я был утвержден в этой должности, а в 1895 г. был переведен на кафедру физиологической химии, при которой проработал непрерывно до 1909 года...»¹.

В середине мая 1899 года Владимир Васильевич с блеском защищает диссертацию на степень доктора медицины. Вскоре после этого он был «принят в число приват-доцентов Казанского университета, а с 1902 года уже состоит преподавателем Казанского ветеринарного института по двум весьма ответственным кафедрам — органической и биологической химии»². В это же время медицинский факультет Казанского университета поручает В. В. Вормсу вести самостоятельный курс аналитической химии для студентов-медиков.

Приобретенные настойчивым и упорным трудом знания, неугасающий интерес ко всему новому, умение ладить с профессорами и студентами снискали молодому ученому большой и заслуженный авторитет. В мае 1909 года В. В. Вормс с научной целью был командирован в Германию, где работал в одной из продуктивнейших лабораторий Европы того времени — у профессора Эмиля Абдергальдена по органическому синтезу и по химии белковых тел.

Но перед тем, как отправиться в заграничную командиров-

¹ Архив Саратовского мединститута. Личное дело проф. В. В. Вормса. Ед. хр. 533. Л. 131. В дальнейшем: Архив СМИ.

² ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

ку, В. В. Вормс, зная о готовящемся законопроекте об учреждении в Саратове нового университета, подает на имя министра народного просвещения докладную записку, в которой выражает желание занять в нем кафедру физиологической химии¹.

Находясь в Берлине, Владимир Васильевич узнает об окончательном решении правительства открыть Саратовский университет. Тем временем профессор В. И. Разумовский, подбирая кандидатуру на пост проректора, останавливает свой выбор именно на нем. «В проректоры мной был намечен В. В. Вормс,— вспоминал позднее В. И. Разумовский,— приват-доцент Казанского университета по кафедре химии. По своему такту и умению ладить с молодежью он мне казался подходящим кандидатом в проректоры»².

«Это назначение сократило срок моей командировки,— вспоминал Владимир Васильевич,— в августе (в последних числах) я прибыл в Саратов и приступил к исполнению своих обязанностей»³. После организации Строительной комиссии по возведению собственных университетских зданий В. В. Вормс становится ее непременным членом, где на него была возложена специальная задача планирования и оборудования всех лабораторий и кабинетов II мед^{<ицинского>} корпуса, в котором должны были быть размещены кафедры: экспериментальной гигиены (верхний этаж), физиологической химии с лабораторией качественного анализа (средний этаж) и фармакологии с фармацевтической химией (нижний этаж); кроме того две аудитории на 250 студентов каждая»⁴. В личный актив профессора В. В. Вормса следует отнести и создание специальной биохимической лаборатории, явившейся по тем временам «одной из богатых и полнооборудованных»⁵. А преподавание в качестве профессора университета и Высших женских курсов биологической, органической и аналитической химии, работа в химической секции во время первой мировой войны, разработка методов получения некоторых фармацевтических препаратов, нейтрализующих действия отравляющих газов, принесли Владимиру Васильевичу всеоб-

¹ ЦГИА г. С.-Петербург. Ф. 733. Оп. 154. Д. 215. Л. 98.

² Разумовский В. И. Строительство медицинского факультета Саратовского университета // Новый хирургический архив. Т. 9. Кн. I. № 33. Екатеринослав, 1925. С. 6.

³ Архив СМИ. Д. 533. Л. 131.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 92. Л. 4—4 об.

щее признание как талантливому, разностороннему специалисту-химику.

Хорошо известна и его научная деятельность. Так, например, его учитель еще по Казанскому университету, профессор А. А. Понормов, оценивая его научную деятельность, писал: «В. В. Вормс известен мне как автор многих работ, из которых я считаю наиболее ценными для науки его исследования белковых тел из яиц грачей и индошек, потому что в настоящее время (отзыв А. А. Понормовым был написан 23 февраля 1919 года — В. С.), кроме некоторых гемоглобинов и нескольких белковых тел растительного происхождения, из остальных белковых тел в кристаллах получено только пять альбуминов, из них 2 были получены В. В. Вормсом благодаря остроумным видоизменениям обычного метода изолирования альбуминов при помощи сернокислого аммония. Альбумины, выделенные В. В. Вормсом, — заключал А. А. Понормов, — оказались не тождественными с альбуминами, находящимися в яйцах других птиц; этот факт имеет весьма важное значение не только для учения об альбуминах, но и остальных белковых тел»¹.

Обширная эрудиция, преданность и интерес к науке, редкие лекторские способности, административно-организаторский талант — все это в немалой степени привлекало слушателей в аудиторию к профессору В. В. Вормсу в полном их составе.

Бывший студент Саратовского университета первого приема, а впоследствии выдающийся ученый-медик А. Н. Бакулов, свидетельствуя о педагогическом мастерстве Владимира Васильевича, писал: «Вормс... преподавал медицинскую химию не только посредством блестящих по изложению лекций, но и путем тщательного построения практических занятий. Строились они с расчетом до конца, на деле выяснить, что знает, что умеет студент. Он давал, например, в руки пробирку с прозрачной смесью и предлагал определить, из каких элементов эта смесь состоит. При этом позволялось советоваться с соседом, заглядывать в руководство. Помню, как я был озадачен своей неудачей, выполняя однажды это задание. Последовательно отливал из пробирки половину, еще часть, аенного результата все не получалось. И потом, когда профессор стал проверять мою методику, выяснилась причина моей неудачи. Она заключалась именно в том, что я

¹ Там же. Л. З.

дробил жидкость, а анализ мог получиться при исследовании всего содержимого пробирки. Так я получил наглядный урок по одному из законов диалектики о переходе количественных изменений в качественные»¹.

Не менее емкую и яркую характеристику этим качествам Вормса дал и академик А. А. Богомолец.

«Я хотел бы прежде всего отметить глубину эрудиции профессора В. В. Вормса,— писал он в 1919 году,— в области не только его специальности — химии биологической, но также и в общей химии,— неорганической, физической, аналитической и органической... Обширные познания в сочетании с выдающимся лекторским талантом дают профессору В. В. Вормсу ту ясность и увлекательность изложения, которые создают ему полную аудиторию, несмотря на трудность и теоретичность читаемых им дисциплин»².

Прибыв в Саратов в 1911 году, А. А. Богомолец, по его собственному признанию, был поражен кипучей энергией Владимира Васильевича, его готовностью жертвовать своим временем и трудом на пользу общественного дела. «Немного найдется среди профессоров — учредителей Саратовского университета,— отмечал А. А. Богомолец,— сделавших больше, чем сделал В. В. Вормс для молодого университета»³.

Не случайно в свое время ректором университета подчеркивалось умение Владимира Васильевича «ладить с молодежью». Будучи проректором, нисколько не прибегая к средствам, доставлявшим иногда дешевую популярность, В. В. Вормс сумел быстро завоевать доверие и симпатии студенчества. Это было по-своему отмечено даже попечителем Казанского учебного округа, в чьем ведомстве находился Саратовский университет. Посетив однажды его стены, попечитель дал неоднозначно понять профессору В. В. Вормсу, что «проректор мало осведомленный, или не желающий осведомлять о политических настроениях студенчества, не соответствует духу времени»⁴. Однако расчеты попечителя на то, что В. В. Вормс после такого «внушения» начнет доносить на студентов, оказались напрасными.

Это подтверждают многие сохранившиеся документы. Приведу лишь некоторые из них, наиболее яркие.

¹ Бакулев А. Н. Половка на службе жизни // Прометей. Т. 9. М., 1972. С. 114.

² ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 92. Л. 13.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Там же.

Первый массовый всплеск недовольства саратовского студенчества положением дел в стране и в системе высших учебных заведений был вызван смертью Л. Н. Толстого. Стремясь увековечить память писателя, студенты в ноябре 1910 года обратились в Совет университета с просьбой разрешить им вывесить в студенческой библиотеке портрет Л. Толстого. Совет в свою очередь направил соответствующее ходатайство попечителю учебного округа. И только через два месяца был получен ответ попечителя. «...Помещение в студенческой читальне портрета Л. Н. Толстого,— говорилось в нем,— должно быть отклонено до перевода названной читальни в собственное здание университета и до снабжения ее портретами и других великих русских писателей»¹.

Встретив отказ, студенты заволновались. Городские власти в категорической форме потребовали от ректора университета принятия самых решительных мер к прекращению беспорядков. От попечителя округа вскоре пришла даже специальная секретная депеша, в которой сообщалось: «...никаких сходок по вопросам, не связанным с жизнью университета, в стенах последнего не разрешать, если же такие сходки состоятся явочным путем, и если вообще на сходках будут посторонние лица, для прекращения их... в учебное заведение будет введена полиция»². Но и эта угроза не остановила студентов.

1 февраля 1911 года, сорвав нормальный ход университетских занятий, наиболее передовая часть студенчества объявила забастовку, которая выдвигала не только академические, но и политические требования. Однако отдельные студенты все же продолжали посещать лекции и лабораторные занятия. И профессора, хотели они того или нет, должны были читать для нескольких человек. «Так было и на лекции В. В. Вормса,— вспоминал профессор В. Д. Зёрнов. — Несколько «штрайкбрехеров» сидело в аудитории, Владимир Васильевич (хотя он больше, чем кто-либо сочувствовал студентам) читал лекцию». Но тут «раскрывается дверь аудитории и группа студентов-забастовщиков входит и требует прекращения лекции». Студенты подчинились. Но, как только они покинули аудиторию, в «помещение университета явилось несколько полицейских во главе с саратовским полицмейстером Н. П. Дьяконовым. Полиция была очень разочарована, что все уже кончено и она не может проявить свою «рачитель-

¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 151. Л. 15.

² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10283. Л. 21.

ность». ...Дьяконов учинил допрос В. В. Вормсу, ...стал добиваться: кто же вошел, как их фамилии. Владимир Васильевич говорит: «Не знаю, разве можно помнить фамилии всех студентов»...

Я как сейчас вижу лицо Владимира Васильевича с веселой, хитроватой усмешкой и несколько растерявшегося Н. П. Дьяконова...».

Наблюдая за сценой этого «допроса», В. Д. Зёрнов спросил тогда у полицмейстера: «Неужели вы думаете, что если бы даже Владимир Васильевич знал фамилию хоть одного вошедшего, он назвал бы ее вам?»¹...

Так, не получив от В. В. Вормса желаемых ответов, полиция покинула университет, а управляющий губернией Боярский был вынужден телеграфировать министру внутренних дел: «Приготовленный вблизи наряд полиции не успел предупредить сходку, задержать виновных, так как студенты быстро покинули университет»².

В архиве сохранилось уникальное свидетельство самого профессора В. В. Вормса, где он с точностью до минут описал произошедший во время его лекции инцидент. Этот документ, ни разу нигде неопубликованный, заслуживает того, чтобы его воспроизвести целиком.

«Первого февраля в 8¹/₂ час_{<ов>} утра я узнал от и_{<сполняющего>} д_{<олжность>} ректора — профессора Ив. Аф. Чуевского, что по достоверным сведениям, которые имеются у полиции, в этот день, т. е. 1 февраля, в университете студентами будет объявлена учебная забастовка. Я тотчас же отправился в канцелярию университета и послал смотрителя зданий в пассаж Юренкова, где от 9 до 11 час. должны были слушать лекцию у профессора В. А. Павлова студенты 1-го курса. Смотрителю я указал на необходимость быть в пассаже Юренкова все время, пока там будут читаться лекции и происходить занятия. Я сам отправился в главный корпус.

В начале 12-го часа студенты 1-го курса стали собираться в главный корпус, где им предстояло прослушать лекцию профессора Б. И. Бирукова.

В положенное по расписанию время профессор Бируков приступил к чтению лекции при большом количестве слуша-

¹ Зёрнов В. Д. Записки русского интеллигента. (Рукопись). Тетрадь № 7. С. 921—924. Архив автора. Саратов.

² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8737. Л. 9.

телей. Лекция была 2-часовая и прошла без всяких замешательств. После лекции профессора Бирукова была моя лекция от 1 ч. до 2 ч. для студентов II курса. Около 1 ч. 15 мин. пришли мои слушатели из пассажа Юренкова, где они слушали лекцию профессора И. А. Чуевского. В 1 ч. 20 мин. я отправился в аудиторию. Проходя коридором, я обратил внимание на то, что студенты 1-го курса еще не разошлись, но особого значения этому обстоятельству я не придал, так как студенты вели себя тихо, никаких тревожных признаков я не заметил. Вслед за мной в аудиторию вошли мои слушатели в числе около 30-ти человек. Я приступил к чтению лекции. Из коридора и зала никакого шума до меня не доносилось, так что я решил, что студенты потихоньку расходятся. Так продолжалось около 10 мин <ут>, как вдруг до меня из зала донеслись аплодисменты. Хотя это обстоятельство и вывело меня отчасти из равновесия, но я продолжал чтение лекции в надежде, что инцидент исчерпан и студенты разойдутся. Однако я ошибся. Через очень короткое время (2—3 мин.) в аудиторию вошла группа студентов и средь общего шума до меня доносились отдельные возгласы об учебной забастовке с направленным к моим слушателям требованием разойтись. Я обратился к вошедшим студентам с предложением покинуть аудиторию и не мешать чтению лекции. Когда после этого студенты не ушли и продолжали шуметь, я еще раз напомнил им о тяжелых последствиях их поведения и просил немедленно оставить аудиторию, заявив, что я должен доложить о происшедшем г <осподи> ну ректору с просьбой принять необходимые меры. Когда и это указание не оказалось должного действия, я принужден был оставить аудиторию, чтобы доложить обо всем и. д. ректора — профессору И. А. Чуевскому.

Возвратившись из канцелярии в главный корпус вместе с и. д. ректора — профессором И. А. Чуевским и полицмейстером, мы нашли в швейцарской б сту́дентов II курса: Комарова В., Лебедева В., Шапиевского В., Беляева Н., Прозорова П., Краузе Н. и двух студентов I курса: Васильева Н. и Разумовского В. Все 6 студентов II курса были у меня на лекции и ввиду того, что лекция была прервана, собирались уходить. Студенты же 1 курса занимались в соседней со швейцарской лаборатории профессора А. Я. Гордягина. Об этом мною также было заявлено г. полицмейстеру¹.

¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 151. Л. 18 об. — 19 об.

Два приведенных свидетельства, несмотря на то, что касаются одного и того же события, все же имеют некоторое различие. Оно и понятно. Ведь записка В. В. Вормса имела исключительно официальный протокольный характер и, естественно, не могла содержать в себе всего того, что произошло в этот день на самом деле. К тому же, занимаемая им должность не позволяла ученому афишировать свое личное отношение к состоявшейся забастовке и студенческому движению. Воспоминания же профессора В. Д. Зёрнова, свободные от строгой официальности, несут уже более раскрепощенную информацию. Однако, независимо от времени и характера происхождения обоих документов, они все же дают яркую картину взаимоотношений саратовской профессуры и студенческой молодежи вообще, и отношения к студенческим волнениям профессора В. В. Вормса в частности. Владимир Васильевич, как не раз отмечали его бывшие ученики и близко знавшие его люди, всегда был и оставался «...честным, принципиальным и последовательным в своих демократических убеждениях человеком...»¹, «близко стоявший к студенчеству, он не скрывал своего сочувствия революционным идеям»².

К чести профессорской корпорации Саратовского университета следует сказать, что в вопросе отношения к студенческим выступлениям В. В. Вормс не оказался «белой вороной», его позицию разделяли очень многие. «Мы, профессора, — писал В. Д. Зёрнов, — ничего не имели против такой забастовки... мы тоже не были в восторге от общей политики...»³.

Другой характерный случай, подчеркивающий демократические убеждения В. В. Вормса, относится к 19 октября 1913 года. В этот день студенты-тамбовцы подали на имя проректора заявление об утверждении устава их кассы взаимопомощи. Докладывая об этом В. В. Вормсу, секретарь правления по студенческим делам предупредил, что на основании существующих распоряжений утверждение устава этой кассы недопустимо, причем сослался на циркуляр управляющего Казанским учебным округом от 10 марта 1911 года, в котором говорилось, что « дальнейшее развитие в Николаевском университете землячеств и национальных организаций взаимопомощи, являющихся, как можно полагать, органами пар-

¹ Из личной беседы с С. В. Разумовской. (Архив автора.).

² Бакулев А. Н. Указ. соч. С. 113.

³ Зёрнов В. Д. Указ. соч. С. 920.

тийного характера, нельзя признать желательным на будущее время...»¹.

Но, несмотря на предупреждения, В. В. Вормс все же приказал секретарю внести устав тамбовского землячества на рассмотрение очередного Совета.

Подобного рода «проступки», непозволительные и даже преступные, по мнению высшего начальства, для проректора университета, В. В. Вормс совершал неоднократно и шел на это вполне сознательно, хорошо зная о том, какие последствия они могут вызвать. Все это заметно тревожило городскую и губернскую администрацию, побуждало ее непрерывно доносить вверх по инстанциям об известных ей фактах «противоправной» деятельности проректора В. В. Вормса.

После назначения нового министра народного просвещения — Л. А. Кассо — учебные заведения России в полной мере ощутили на себе весь произвол полицейско-административной машины царизма. В немилость стали попадать многие радикально настроенные учёные. Не миновали эти печальные события и саратовскую профессуру.

В мае 1912 года в местных газетах появились сообщения об отказе профессора В. И. Разумовского вновь баллотироваться на пост ректора университета². В условиях постоянной слежки и доносов со стороны полиции, усиливающегося давления из министерства народного просвещения он, в силу своих передовых убеждений, не мог мириться с происходящим. Идти же против своих убеждений и принципов в угоду реакции учёный не хотел и не мог. В министерстве же такой отказ восприняли с холодной молчаливостью и, естественно, препятствий для отставки заслуженного профессора не чинили. Вслед за В. И. Разумовским гнев Кассо пал и на ближайшего его друга и сподвижника в деле организации и строительства нового университета — профессора В. В. Вормса. Выше уже отмечалось, что попечитель при посещении Саратовского университета дал определенно понять В. В. Вормсу, что такой проректор, каким является он, в министерстве считается «неблагонадежным» и симпатиями, конечно же, не пользуется. В создавшихся условиях Владимиру Васильевичу ничего другого не оставалось, как подать прошение об отставке. 1 ноября 1913 года прошение было удовлетворено³.

¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 24—25.

² Саратовский вестник. 1912. 13 мая.

³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 28 об.

Но и после увольнения профессора В. В. Вормса с должности проректора он продолжал оставаться для правительства одним из опаснейших и неугодных профессоров. В одном из донесений Саратовского губернатора в Министерство народного просвещения говорилось, что профессор В. В. Вормс, «будучи сам безусловно левого направления и сочувствуя всяко-го рода выступлениям учащейся молодежи, оказывает на студенчество весьма отрицательное влияние, ввиду чего оставление его в числе преподавателей Саратовского университета представляется нежелательным»¹.

Причин для такого беспокойства у местного начальства имелось более чем достаточно.

Так 8-го ноября 1913 года в газете «Саратовский вестник» было напечатано сообщение о том, что накануне, перед началом лекции по физиологической химии, по предложению профессора В. В. Вормса студенты почтили память Л. Н. Толстого вставанием, а после лекции проводили профессора дружными аплодисментами².

На первый взгляд случай ординарный и мало о чем говорящий. Но если вспомнить, какую ожесточенную политику гонения проводили правительство и церковь против писателя, станет ясно, сколько необходимо было иметь гражданского мужества и решительности, чтобы пойти на это. Тем более, что подобный прецедент, правда, без участия в нем студентов, уже имелся, завершившийся тогда внушением попечителя учебного округа о недопустимости таких действий со стороны профессорской коллегии без соответствующего на то разрешения его, попечителя учебного округа, или министра народного просвещения³.

Смелый поступок Владимира Васильевича городские власти расценили по-своему. «Настоящее выступление профессора Вормса, — сообщалось в одном из донесений министру, — может быть объяснено исключительно желанием его приобрести большую популярность среди студентов после подачи им, по предложению попечителя, прошения об отставке...»⁴.

Однако те, кто знал В. В. Вормса, помнят, какой популярностью и авторитетом пользовался он у товарищей — профессоров и у студентов даже помимо этого случая. Любовь и уважение к профессору Вормсу, признание его больших за-

¹ ЦГИА г. С.-Петербург. Ф. 733. Оп. 156. Д. 812. Л. 47.

² ГАСО. Ф. 393. Оп. 4. Д. 5. Л. 98.

³ Там же. Оп. 1. Д. 151. Л. 30.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 28 об.

слуг перед Саратовским университетом со всей очевидностью проявились во время выборов нового ректора в 1913 году.

После того, как профессор В. И. Разумовский отказался от выставления своей кандидатуры для баллотировки на второй срок, Совет университета тайным голосованием, как того требовали старые академические традиции, избрал на должность ректора профессора И. А. Чуевского¹. Однако такой исход выборов не встретил одобрения в Министерстве народного просвещения и результаты их были аннулированы. А исполняющим должность ректора по распоряжению министра Кассо назначили профессора Н. Г. Стадницкого, который сразу же повел решительную борьбу против какого бы то ни было проявления либерализма и демократии. Своими старательными действиями в этом направлении он заслужил расположение как министерских, так и полицейских чиновников. Достаточно привести некоторые отзывы о нем жандармской охранки, чтобы стало понятно, в каком трудном положении оказалась свободолюбивая молодежь и передовая профессура Саратовского университета.

«Стадницкий, — сообщалось в донесении охранки, — известен всем, как человек безусловно правых убеждений, с неистощимым запасом энергии и силой воли, строго стоящий на почве законности и умеющий охранять порядок»². «Он ввел надзор за студентами в стенах университета». «Лишь благодаря его решительности и энергии, — говорилось в другом документе, — в Саратовском университете до сих пор предотвращались забастовки и разного рода другие осложнения, сделавшиеся обычными в других высших учебных заведениях»³.

Отношения большинства саратовской профессуры к Стадницкому, и до этого весьма натянутые, после назначения его исполняющим должность ректора еще более обострились. В отчете саратовского губернатора за ноябрь 1913 года отмечалось по этому поводу: «Профессорская коллегия, состоящая из 25 лиц, резко разделилась на правых с исполняющим обязанности ректора Стадницким во главе и левых, в числе коих главную роль играют бывший ректор университета Разумовский и профессор Вормс»⁴.

О причинах раскола саратовской профессуры на «левых» и «правых», о господствовавших в той и другой группе на-

¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 271. Л. 4 об.

² ГАРФ. Ф. ДП-00. 1914. Д. 59. Ч. 69. Л. 15.

³ ЦГИА г. С.-Петербург. Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 46.

⁴ ЦГИА г. С.-Петербург. Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 46.

строениях свидетельствуют многочисленные источники, хранящиеся как в государственных, так и в личных архивах. Интересно в этом плане письмо профессора В. Д. Зернова, адресованное им своей жене. В нем он, хотя и кратко, но достаточно точно и выразительно высказывает собственную позицию в этом противоборстве. «Голубка, ты нас браниць за политику, — писал В. Д. Зернов, — но когда на каждом шагу встречается тупость в соединении с нахальством, да еще приправленная стремлением ловить в мутной воде рыбку, по неволе все нервничают. Устраниться совсем — ты знаешь, это нелегко»¹.

Не обращать внимания в создавшейся ситуации на лицемерие и ханжество действительно было непросто. Большая часть саратовских ученых это хорошо понимала. Но, пожалуй, более чем кто-либо надвигавшуюся опасность университетским традициям сознавал В. В. Вормс. По сути он один возглавил борьбу против Стадницкого и его окружения, а его авторитет ученого и общественного деятеля помог ему объединить вокруг себя значительное большинство профессуры. «В настоящее время, — сообщалось в одном из донесений в департамент полиции, — среди последних (имеется в виду группа левых профессоров — В. С.) профессор Вормс является объединяющим лицом. С целью сплотить своих единомышленников, он устраивает теперь вместе с ними товарищеские ужины, носящие, видимо, характер частных совещаний, так как в последний раз счел почему-то нужным об устройстве такого ужина уведомить запиской полицмейстера»².

Знакомясь с личностью профессора В. В. Вормса, у читателей может сложиться впечатление, что он был поглощен исключительно научно-педагогической и общественной деятельностью, являлся этаким замкнутым и ограниченным «букой», что личная жизнь во всем ее многообразии интересовала его менее всего. Но это вовсе не так.

Общительности и доброжелательности Владимира Васильевича мог бы позавидовать любой из профессоров Саратовского университета. Его большая и дружная семья всегда была рада видеть у себя гостей. Последних гостеприимно привечали и в городской квартире на углу Большой Казачьей и Мирного переулка, в доме Бродя, и на летней даче около Тро-

¹ Из письма проф. В. Д. Зернова к Е. В. Зерновой от 18 сентября 1913 года. (Архив автора...)

² ГАРФ. Ф. ДП-00. Оп. 1913. Д. 59. Ч. 69. Л. 4.

фимовского разъезда, где семья часто отдыхала. Сам же Владимир Васильевич был живым и, в лучшем смысле слова, азартным человеком. Он «любил заниматься легким спортом — плаванием, греблей, хождением на лыжах, любил простые народные игры — «городки», «чушки», «горелки»¹.

В свободные минуты отдыха и в летние отпуска В. В. Вормс полностью раскрепощался духовно. Даже те, кто хорошо знал ученого, кто вместе с ним работал в университете, не говоря уже о случайных его собеседниках, могли с большим трудом угадать в нем «строгого» и требовательного к себе и окружавшим его людям профессора.

Владимир Васильевич сильно любил детей — своих, которых было пятеро: четыре девочки и один мальчик, и чужих. С ними он чувствовал себя словно моложе, подчинялся беспрекословно всем их требованиям. Более того, он привлекал в компанию детей и всех своих гостей, невзирая ни на их регалии и звания, ни на социальное или общественное положение. Гостям такие дни, проведенные в обществе В. В. Вормса и детворы, запоминались надолго, так как вносили в надоедливую повседневность элементы радости и веселья. Один из таких визитов к Вормсу на дачу описывает профессор В. Д. Зернов в своем письме к жене. «Вчера без четверти пять отправились с батей (А. Ф. Преображенским, профессором богословия Саратовского университета — В. С.) по трамваю на Трофимовский разъезд. Попили чаю сначала у Вормсов, а потом у Разумовских и отправились на гору гулять. На самом верху горы большая ровная площадка — ребята пристали, чтобы бегать с ними в горелки. Бегали все — и Василий Иванович (Разумовский — В. С.), и Вормс, и батя, и я. Батя запутался в рясе и упал — ноги кверху, но благополучно, а Вормс хоть и не упал, а что-то ногу вывихнул с отвычки бегать. Несмотря на эти две неудачи погуляли очень недурно»².

Не изменили характера В. В. Вормса и революционные события 1917 года. Он по-прежнему оставался приветливым, общительным и желанным для друзей человеком, к которому тянулись и товарищи-профессора, и студенческая молодежь.

Сразу же после Февральской революции Владимир Васильевич снова избирается проректором университета. В 1923 году, уже при Советской власти, становится деканом медицинского факультета. А когда встает вопрос о выборе канди-

¹ Из личной беседы с С. В. Разумовской. (Архив автора.).

² Из письма проф. В. Д. Зернова к Е. В. Зерновой от 10 июня 1912 г.

датуры на пост заместителя ректора по хозяйственно-финансовой части, то лучшей кандидатуры, чем В. В. Вормс, найти на эту должность было трудно. «В хозяйственном отношении,— подчеркивал в связи с этим профессор С. Р. Миротворцев, в то время ректор Саратовского университета,— он является самым опытным из профессоров университета. Ему пришлось ... (совместно с профессором В. Д. Зерновым) работать в правлении и заведовать хозяйственной частью в самый тяжелый период, в период разрухи в 1919—1921 гг.; в значительной степени благодаря его энергии и умению вести хозяйственное дело, занятия в университете все время в период разрухи велись беспрерывно. Иметь его в составе правления в высшей степени желательно...»¹.

Следует отметить, что Владимир Васильевич очень строго и требовательно подходил к выполняемым поручениям. Поэтому, ввиду назначения его на новую должность, он просит об освобождении его от обязанностей декана. «Совмещение двух ответственных должностей,— заявлял он,— члена правления по финансово-хозяйственной части и декана невозможно без ущерба для дела»².

Приняв в основном происшедшие изменения в общественно-политической жизни страны после Октябрьской революции, Владимир Васильевич и в новых, во многом непривычных для себя условиях старался как можно больше быть полезным и университету, и городу в целом. Будучи заместителем ректора по финансово - хозяйственной части, он не переставал ни на миг следить за общим положением студенчества, вникая во все детали его жизни. А она, как известно, была не из легких. «Общая разруха и продовольственный кризис,— отмечали в 1918 году сами студенты,— среди которых протекает жизнь населения, и в частности студенчества, крайне отражается на занятиях, ... обстоятельства текущего момента не дают возможности не только заниматься, но даже жить в Саратове...»³.

В таких условиях любое участие, если не существенная помощь, то хотя бы доброе человеческое отношение к нуждам молодежи, имело огромное значение. Поэтому В. В. Вормс, как и в прежние времена, был в самой гуще студенческих вопросов, всячески старался помочь студентам в их нелегкой судьбе. Молодежь, видя к себе такое отношение профессора,

¹ Архив СМИ. Оп. 1 Л/д. Д. 533. Л. 41.

² Там же. Л. 27.

³ ГАСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 13. Л. 70 об.

отвечала ему тем же, открывала ему все свои секреты. Однажды Владимир Васильевич стал свидетелем случая, о котором сам потом рассказывал с изумлением в семье профессора В. И. Разумовского. «Однажды, — вспоминала С. В. Разумовская, — он ...заметил, что студенты, с их бледными бескровными лицами начали вдруг заметно поправляться. Когда он спросил их о причинах этого явления, они пригласили его прийти к ним в общежитие. Дело было зимой. Войдя в комнату, Владимир Васильевич сразу заметил за окном подвешенные собачьи тушки. Все стало понятно. «Вот источник нашей поправки», — весело объяснили ему студенты»¹. Подобные откровения могли быть только между людьми, питающими друг к другу взаимную симпатию и уважение.

Человек разносторонних познаний, умелый организатор, талантливый ученый и педагог, В. В. Вормс обладал исключительной скромностью. Он никогда не гордился и не кичился своими знаниями и славным прошлым. Готовясь к очередной лекции, например, Владимир Васильевич снова и снова перечитывал свои записи и каждый раз оставался ими недоволен, и все писал заново.

О большой скромности ученого свидетельствует и такой случай, рассказанный мне близко знавшей Вормса Л. М. Уваровой. Было это в конце 30-х годов. Совет университета, учитывая немалые заслуги Владимира Васильевича перед наукой и Саратовским университетом, решает выдвинуть его кандидатуру на присвоение ему почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Но после того, как об этом решении стало известно самому В. В. Вормсу, он наотрез отказался от присвоения ему такого звания. И мотивировал свой отказ Владимир Васильевич, по словам Л. М. Уваровой, следующим: «Я считаю, что есть лица, которые заслужили это звание более, чем я. Я никогда в своей жизни не стремился к наградам и званиям. Я работал не покладая рук, но, увы, не сделал и сотой доли того, что стремился сделать»².

Внутренний мир любого человека, на мой взгляд, лучше всего раскрывают документы личного происхождения: деловая и семейная переписка, воспоминания и многое другое. Важность подобных материалов с особой силой и ясностью осознается, когда пытаешься разобраться в жизни людей талантливых, оставивших после себя заметный след в памяти совре-

¹ Из личной беседы с С. В. Разумовской.

² Из личной беседы с Л. М. Уваровой. (Архив автора.).

менников и потомков. Личный архив профессора В. В. Вормса, к сожалению, не сохранился, а возможно его и не было вовсе. По признанию самого ученого, писать письма он не любил, но «не по каким-либо соображениям, а просто по неохоте к писанию писем. Вся моя переписка,— вспоминал Владимир Васильевич,— ограничивается перепиской с детьми и с сестрой, проживающей в Москве»¹. Эта переписка, кстати, также не сохранилась. Удалось обнаружить лишь одно письмо из эпистолярного наследия ученого. Оно было написано им В. Д. Зернову, в семейном архиве которого письмо и хранилось, 8 января 1941 года, за три месяца до смерти. В нем В. В. Вормс делится со своим старым другом теми переживаниями, которые досаждали ему в последнее время. Из этого же письма узнаем мы и об отношении к ученому его новых сослуживцев, отношении незаслуженном и обидном для человека, который всю жизнь был олицетворением самой высокой порядочности. Вот этот горький документ эпохи: «Приветствие от моих старых товарищей и сослуживцев по Саратовскому университету (по случаю 50-летнего юбилея научно - педагогической деятельности В. В. Вормса — В. С.), в искренно добрых чувствах которых ко мне, — писал Владимир Васильевич, — я так уверен, которых я глубоко чту и люблю, для меня, старика, особенно ценно. Ваше приветствие дает мне большое удовлетворение, оно меня глубоко радует. Оно переносит меня в прошлое, уже далекое, и вместе с тем снова близкое по живости и яркости воспоминаний, что кажется, будто все это было вот-вот совсем недавно. Правда, мне сделалось грустно, я почувствовал свое одиночество.

В настоящее время я по существу на отношение ко мне жаловаться не могу, теперь совсем не то, что было 10 лет назад, в 30-летие Саратовского университета, когда я имел удовольствие опять расцеловать Вас, дорогой и любимый мой друг. Отношения ко мне я могу скорее назвать хорошиими, но они не являются результатом сердечных, дружеских чувств, а обусловливаются чем-то и почему-то обязывающим к этому. Это отчетливо чувствуется, — все члены Совета осторожненько меня сторонятся. Вначале это меня несколько смущало, но я как-то быстро с этим свыкся и даже доволен. Сижу себе в Совете во втором ряду около стены и кругом меня пусто, свободно и дышится легче. Частенько директор останавливает заседание и призывает к порядку не в меру увлекшихся разгово-

¹ Архив СМИ. Ф. Л/а. Д. 533, л. 128. об.

рами членов Совета; со мной этого не может быть, я внимательно слушаю и от дела не отвлекаюсь разговорами, так как говорить не с кем. Здесь у меня среди товарищей по мединституту нет никого, к которому бы меня влекло; но я не одинок, добрые друзья и товарищи у меня есть, я привязан к ним всей душой, я редко и очень редко с ними общаюсь, но теперь всегда передо мной их коллективное письмо, в котором отражены их добрые, теплые чувства ко мне, которые наполняют душу мою радостью»¹.

Крайнее напряжение умственной работы и отсутствие, начиная с 1917 года, полного отдыха явились причиной резкого ухудшения в состоянии здоровья профессора В. В. Вормса. А оскорбительное, незаслуженное одиночество, в котором он оказался в последние месяцы своей жизни, окончательно надломили его душевное состояние и подорвали веру в торжество справедливости. Только воспоминания о прожитой жизни да теплые письма его старых друзей помогали скрасить грустную и печальную действительность.

Умер Владимир Васильевич Вормс накануне Великой Отечественной войны 24 мая 1941 года и похоронен в Саратове, в городе, которому отдал всю свою жизнь.

Д. А. ВАНИКОВ

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ КИНОЭКРАН
РОССИЯ — ГЕРМАНИЯ В 1900 — 1930-х гг.
(Проблемы историографии)

Сегодня кинематограф — не только самый могущественный и популярный из всех видов искусств и средств массовой коммуникации, но и один из наиболее интересных и содержательных (что не исключает элемента мистификационности и противоречивости) источников по истории социально-политических процессов в обществе, взаимоотношений различных народов, идеологий и культур². Представляется, как раз через призму кино могут быть найдены новые точки зрения и

¹ Из письма проф. В. В. Вормса к проф. В. Д. Зернову от 8 ноября 1941 года. (Архив автора.).

² Бессмертный А. Кино и общество. — В кн.: 50/50. Опыт словаря нового политического мышления. М., 1989. С. 209, 211. See also: Ferro

на такую актуальную тему, как российско-германские отношения в бурном XX веке. Ведь в этом веке именно белый экран наиболее рельефно и отчетливо отразил процессы взаимного сближения и отталкивания российского и германского «культурных полей».

В данной публикации анализируются появившиеся в 50—90-е гг. исследования киноведов, историков и культурологов СССР, ФРГ, Великобритании, США, Франции, Швеции и ряда других стран. На основании данных исследований можно выявить круг тех проблем, которые представляются автору узловыми при изучении российско - германских киносвязей. В рамках одной статьи не представляется возможным осветить все аспекты вопроса. Поэтому здесь ставится цель кратко обрисовать следующие проблемы:

- а) наименее изученные;
- б) получившие, на наш взгляд, одностороннее, неглубокое истолкование;
- в) наиболее противоречивые, вызвавшие дискуссии и споры.

Настоящая публикация ограничивается также исследованием только начального периода российско - германских киносвязей, когда многие их тенденции выступали в самом вы-пуклом, концентрированном виде.

Подход к изучению киножизни России и Германии как к своеобразному взаимообусловленному процессу имеет под собой и некоторое семантическое обоснование. Германия — единственная крупная кинодержава, где получило хождение особо распространенное в России сокращенное название быстро набиравшего популярность детища братьев Люмьер — «кино». Предложенное же «национальное» понятие «линхтшпиль» распространилось гораздо меньше¹.

Вопрос о киносвязях двух стран в дореволюционный период фактически не проработан, хотя отдельные интересные факты и приводятся в различных исследованиях². На наш

M. Film as a Agent, Product and Source of History // Journal of Contemporary History. 1983. 18(3). P. 357; Raack R. C. Historiography as Cinematography: A Prolegomenon to Film Work for Historians. — Ibid P. 444.

¹ Садуль Ж. Всеобщая история кино. М., 1958. Т. 2. С. 376.

² Так, немецкий прокатчик Тимман вместе с московским табачным фабрикантом Рейнгардтом стояли у истоков одной из первых российских кинофирм — «Глория». В России начинал кинокарьере будущий мастер германского развлекательного кино 20—50-х гг. Георг Якоби. — Там же. С. 288, 292.

взгляд, можно говорить о трех наиболее существенных точках соприкосновения кинопроцессов в России и Германии в данный период. Во-первых, больший, в сравнении с другими странами, удельный вес в кинорепертуаре экранизаций литературных произведений. Во-вторых, отчетливое влияние на кинопроцесс органов государственной цензуры¹. И, в-третьих, на российские и германские ленты заметно влияли необыкновенно популярные именно в этих странах датские фильмы. Уже в предреволюционный период выявилось и основное отличие российского кинопроцесса от германского. В России кинематограф обладал более мощным зрительским потенциалом, в Германии же — более мощной материально-технической базой.

Подписание Рапалльских соглашений дало толчок к, вероятно, самому интересному периоду в истории российско-германских киносвязей. Культурные соприкосновения Советской России и Веймарской республики в области «Х муз» были чрезвычайно интенсивны. К нам в страну из Германии приезжали для совместной работы призванные мастера немецкого театра и кино. Эрвин Пискатор и Эдуард фон Винтерштайн, Йозеф Рона и Бернгард Гетцке. В Берлине работали Всеволод Пудовкин, Александр Разумный, Михаил Дубсон, снимались Михаил Тарханов и Алла Тарасова, Вера Барановская и Анна Стэн, писал сценарии Ната Зархи, строил декорации Андрей Андреев. Здесь же, в германских кинопавильонах, на положении «хозяев» были эмигрировавшие из России продюсер Владимир Венгеров, режиссеры Федор Оцеп, Дмитрий Буховецкий и Алексей Грановский, актер Георгий Хмара и ряд других, не менее известных представителей российского экрана и сцены². Однако, по нашему мнению, связь двух кинематографий в 20-е гг. была гораздо разветвленнее и глубже. Как и в политике, экономике и военном деле, так и в сфере кино отношения России и Германии в этот период носили и официальный, и «неофициальный», не афишируемый характер. К сожалению, специальных исследований по данному вопросу никто из отечественных историков кино не проводил. Да и в силу известных причин до самого последнего времени проводить не мог (сюда следует добавить закрытость всех воз-

¹ Садуль Ж. Указ. соч. Т. 2. С. 299, 376; Т. 3. С. 180.

² См.: Кракауэр З. От Калигари до Гитлера. Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С. 114, 200, 213—214, 244, 258—261, 300; Черненко М. Михаил Дубсон. — В кн.: 20 режиссерских биографий. М., 1971 С. 84—89.

можных архивных источников). Поэтому следующие выводы делаются лишь на основании разрозненных фактов и косвенных данных, разбросанных по отдельным монографиям, публикациям и статьям.

Во-первых, именно германские кинооборудование и эксперты-киноспециалисты оказали неоценимую во всех отношениях помощь советской стороне при восстановлении и модернизации материально-технической базы отечественной кинопромышленности. Существенный штрих: сами немцы получили аналогичную поддержку из Голливуда в начале 20-х годов (правда, на других основаниях). Существует также непроверенная версия, что некоторые германские разработки в области звукового кино были положены в основу отечественной, «самостоятельной» системы Шорина-Тагера.

Во-вторых, ряд существенных организационных принципов советского кино — известная гигантомания, высокий уровень концентрации кинопроизводства, кадровая система и др. — был перенят в 20-е годы опять-таки у немцев (и здесь необходимо говорить об опосредованном через Германию влиянии американской кинопромышленности)¹.

И в-третьих, можно говорить о наличии достаточно отлаженной и скоординированной деятельности сети «пролетарских» кинофирм в Германии и СССР. Они строили свою работу вокруг организованного в 1921 г. «Межрабпом-фильма». К сожалению, данная проблема получила свое отражение только в работах немецких авторов (да и то неполное)² и сейчас невозможно пока четко и полно выявить характер и специфику взаимосвязи, источники финансирования «Межрабпома» и его германских «дочерних» кинофирм — «Прометеус фильм», «Лев-фильм», «Атлантик фильм». Кроме работы над совместными проектами (среди которых были самыми значимыми постановки 1928 г.: «Живой труп» Ф. Оцепа и «Саламандра» Г. Рошала), видимо, существовала и своеобразная система воспитания и обмена кадрами. Так, Михаил Дубсон обучался кинорежиссерской профессии в Берлине (где и получил возможность для первых самостоятельных постановок), а будущий создатель знаменитого «Куле

¹ Особенno цены в этом отношении (в том числе и моментами умолчания) воспоминания командированного «Пролеткино» в Берлин Николая Лебедева. — См.: Лебедев Н. Берлин, 1923 год. // Искусство кино. 1973. № 10. С. 132, 135, 138, 140.

² См.: Садуль Ж. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 393.

Вампа» Златан Дудов — в Москве. «Пролетарские» кинофирмы обеспечивали также техническую помощь при съемках в Германии советских «разоблачительных» лент на западном материале (лучшая из них — «Дезертир» В. Пудовкина была снята при содействии «Прометеуса» на улицах Берлина и Бремена в 1931 г.)¹.

К началу 30-х годов кинопроизводство на этих кинофирмах постепенно свертывается и становится более заметной их зависимость от советской стороны. Очевидно, за фасадом германского «пролетарского» кино нередко скрывались соответствующие инстанции Коминтерна. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что кризис в деятельности «Прометеуса» совпал не только с периодом неблагоприятных условий для «левого» кино в Германии, но и со временем захвата И. В. Сталиным руководящих высот в Коминтерне и навязыванием международному коммунистическому движению своей линии. Не без влияния сталинских указаний центр по производству пропагандистских картин на западном материале был перенесен из Берлина в Москву. «Прометеус» былпущен с молотка в январе 1932 года². Впрочем, окончательно прояснить вопрос о «российско-коммунистической изнанке пролетарских кинофирм Германии могут только специальные исследования. Необходим комплексный подход и к проблеме взаимосвязи кинопроцессов в США, СССР и Германии в 20—30-е гг., так как и здесь ряд любопытных и ценных наблюдений носит пока разрозненный характер³.

Объективному пониманию динамики и закономерностей политico-культурных процессов в двух странах мешает и наличие быстро укореняющихся в литературе одномерных подходов к рассматриваемой тематике. Стало уже общим мес-

¹ См.: Караганов А. Всеволод Пудовкин. М., 1983. С. 149. Также см.: Черненко М. Указ. соч. С. 84; Садуль Ж. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 393—394.

² Садуль Ж. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 400.

³ Monas S. Censorship, Film and Soviet Society: Some Reflections of a Russia — Watcher // Studies in Comparative Communism. 1984—1985. XVII (3/4). P. 171; Robinson D. World Cinema. 1895—1980 // A short History. L., 1984. P. 222; Shipman D. The Story of Cinema // An illustrated History. L., 1982. V. I. P. 104; Taylor R. Agitation, Propaganda and the Cinema: the Search for New Solution, 1917—1921 // Art, Society, Revolution: Russia, 1917—1921. Stockholm, 1979. P. 240; item. Soviet Socialist Realism and the Cinema avant'Garde // Studies in Comparative Communism. 1984—1985. XVII (3/4). P. 198. See also: Slavonic and East European Review. 1981. 59 (1). P. 98 et al.

том упоминание практики перемонтажа зарубежных фильмов в идеологических или пропагандистских целях. Но в фокус критических разборов попала лишь работа по «советизированию» иностранных картин, проводившаяся в СССР не только в 20-е годы¹. Спора нет — тема «выигрышная» со всех сторон: к созданию «классово-выдержаных» вариантов западных фильмов (в том числе «Доктора Мабузе» Ф. Ланга, «Улицы» К. Грюне и многих других германских лент) привлекались такие выдающиеся мастера отечественного экрана, как С. Эйзенштейн, Э. Шуб, братья Васильевы, Р. Ромм². Но новейшие разоблачители «кинототалитаризма» упустили из вида очень существенное обстоятельство. Практика переделки иностранной кинопродукции в период «Великого Немого» была довольно-таки распространенным явлением. Еще до 1917 г. российские прокатчики специально снимали нравящиеся публике трагические концовки к популярным, но «слишком благополучным» датским киномелодрамам. Именно в этих слезовыжимающих подделках начинал кинокарьере Иван Мозжухин, которого гримировали под датских «звезд» О. Фенса и В. Пайландера³. Аналогичная тенденция была присуща (хотя и в меньшей степени) и киноизделии Германии. Так, она была присуща деятельности созданной в 1928 г. при поддержке Э. Пискатора, Г. Манна и Л. Пабста «Народной ассоциации киноискусства» и была связана с перемонтированием хроникальных лент. Кроме переделки старой, официальной хроники УФА «Ассоциация» занималась созданием новых версий с немецкими титрами некоторых иностранных документальных фильмов. В их число вошел советский культурфильм Я. Блиоха «Шанхайский документ», демонстрация которого в «германизированном» виде стала заметным событием в Веймарской республике⁴. Следует отметить, что в 20—30-е гг. высокий уровень идеологизации искусства «Х музы» был присущ не только Германии и Советской России. Но именно в этих странах кинематограф впервые стал приобретать значение политического оружия.

¹ См.: Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1. С. 119; Шмыров В. Кино и цензура // Киносценарии. 1990. № 3. С. 189, 190 и др.

² См.: Шкловский В. Моталка. — В кн.: Шкловский В. За 60 лет. Работы о кино. М., 1985. С. 42, 43. See also: Williams R. C. Artists in Revolution. Blomingtone, 1977. P. 162.

³ См.: Садуль Ж. Указ. соч. Т. 2. С. 237.

⁴ Кракауэр З. Указ. соч. С. 197.

Высшей точкой процесса политизации кино стал феномен так называемого «пропагандистского кино», расцвет которого в предвоенные годы связан опять-таки с большевистской Россией и нацистской Германией. Поразительное сходство многих экранных героев и коллизий советских и германских лент 30-х гг. было подмечено довольно давно. Еще в середине 50-х годов Теодор Адорно, исследуя взаимосвязь массовой культуры и тоталитаризма, проводил обоснованные параллели между кинопродукцией двух государств¹. С тех пор данный тезис широко укоренился в западных киноисследованиях: его без всякой дополнительной аргументации используют в своих построениях французский историк и культуролог Марк Ферро, шведский киновед К. Бетц, политолог А. Фоулкес и историк кино Д. Шипман из США, английский теоретик и практик маркетинга О. Томсон².

Единственной капитальной работой по данному вопросу является монография ведущего американского «киносоветолога» Ричарда Тэйлора «Кинопропаганда: Советская Россия и нацистская Германия», вышедшая в 1972 году³. Тэйлор попытался проследить развитие сходных киномифологий, киноинститутов, механизмов взаимоотношения художника с тоталитарной властью. Но стремления автора по-американски эффективно выстроить систему как бы полярных пар режиссерских и актерских биографий, партийных постановлений, киногероев и киномифов часто оборачивалось поверхностью и односторонностью. Явно искусственный характер носит «уравнивание» фильмов о Фридрихе Великом с киноленининой, Сергея Эйзенштейна с Ленни Рифеншталь, «Чапаева» с «Триумфом воли» (последний экзерсис принадлежит виднейшему представителю американской эстетики Ли Баксандалю)⁴. А в целом следует признать, что, выявив почти

¹ Adorno Th. Cultural Critics of Society. — In: Culture and Mass Culture. Cambr., 1983. P. 175, 179.

² Betz K. The Tycoons Die: Class-Struggle and Censorship in the Soviet Cinema 1917—1921. — In: Art, Society, Revolution. P. 229; Ferro M. Op. cit. P. 357, 359; Foulkes A. Literature and Propaganda. L.-N.-I. 1983. P. 14; Shipman O. Op. cit. P. 109; Thomson O. Mass Persuasion in History. An Historical Analysis of the Development of Propaganda Techniques. Edinburgh, 1977. P. 106, 108 et. al.

³ Taylor R. Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany. L.-N.-I., 1979. P. 15, 17, 28, 52, 56, 131, 143, 146, 158.

⁴ See: Politic, art and Commitment in the East European Cinema. L., 1983. P. 87.

все точки и области пересечения кинопроцессов в СССР и Германии 30-х годов, западная историко-киноведческая мысль упустила моменты их разграничения и несовпадения. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения Марко Ферро, что кино Советской России и гитлеровской Германии «трудно отличить друг от друга»¹.

Ряд принципиально важных подходов прозвучал в ходе устроенного редакцией журнала «Искусство кино» «круглого стола», посвященного феномену «тоталитарного кино». Кинематограф даже в ту трагическую эпоху зависел не только от «злой» воли Гитлера или Сталина, но прежде всего от законов своего собственного развития, от более глубинных пластов коллективного сознательного и бессознательного². Заслуживает внимания небольшое, но содержательное исследование одного из авторов сценария знаменитой ленты «Обыкновенный фашизм» Юрия Ханютина³. Оно во многом получилось как бы антиподом монографии Ричарда Тэйлора. Ханютин вскрывает специфику кинопропагандистской машины Третьего рейха, но выстроенный умело материал сразу заставляет вспомнить ее советский аналог. Особенно интересны наблюдения Ю. Ханютина за темой насилия в германском кино (в том числе и в фильме «Немецкая судьба на чужой земле», трактовавшего проблему российских немцев)⁴. Работа рано ушедшего из жизни талантливого советского кинокритика ценна еще и тем, что автор в ней опирается не на киноперiodику 20—30-х гг. и пересказы лент другими критиками, а на собственный колossalный опыт просмотра несколько десятков игровых и документальных фильмов того времени.

Только сейчас у отечественных теоретиков и историков кино появляется возможность спокойного, объективного, «академически»-солидного подхода к данной теме. Дальнейшее изучение процессов сближения и отталкивания в киножизни России и Германии очень важно и необходимо. Ведь преломление на киноэкране многих явлений и событий очень часто выявляет их скрытую сущность и потенциал развития, помогает понять истоки имеющихся противоречий и нашупать пу-

¹ Ferro M. Op. cit. P. 359.

² Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1. С. 113; № 2. С. 110, 111, 116; № 3. С. 100, 104, 105.

³ Ханютин Ю. Кинематограф — нацизм — пропаганда. // Киноведческие записки. 1989. № 2. С. 81—108.

⁴ Там же. С. 103—105.

ти и методы их разрешения. Кинематограф России и Германии в этом отношении не исключение, а благодатная и интереснейшая область для дальнейших исследований.

С. О. ТЕРЕХИН

НЕМЕЦКАЯ АРХИТЕКТУРА В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Волга — не просто крупнейшая река Европы. Понятие «Волга» всегда собирало и собирает вместе многие народы и культуры. Такой синтез особенно ощутим в сфере материальной культуры, в архитектуре. Не случайно путешественники по Волге, начиная с XVII в., удивлялись и восхищались здешними городами и поселениями, — таких описаний сохранилось множество.

Необходимо пояснить выбор географических границ исследования. Термин «Саратовское Поволжье» представляется здесь более точным, чем, например, «Саратовская губерния» или «Среднее Поволжье»: во-первых, архитектура и градостроительство рассматриваемого региона уже существовали и развивалось до того, как официально была учреждена Саратовская губерния (1798 г.)¹; во-вторых, в середине XIX в. все левобережные уезды отошли к вновь образованной Самарской губернии (1851 г.), но, несмотря на это, многие города и поселения (в том числе Покровская слобода, село Балаково, Екатеринштадт и ряд других немецких колоний) продолжали тяготеть к Саратову, оставаясь верными налаженным хозяйственно-экономическим и социо-культурным связям.

Одна из наиболее весомых национальных ветвей зодчества Саратовского Поволжья — немецкая архитектура. По удельному весу — числу созданных памятников, распространенности массовой (народной) застройки, устойчивости архитектурной традиции и накопленному строительному опыту — она, безусловно, занимает второе место в регионе после русской. Исследование немецкого архитектурного наследия должно, таким образом, стать неотъемлемой, важной частью большой работы по изучению культуры Поволжья.

¹ С 1780 г. до 1798 г. Саратов был центром наместничества, т. е. фактически уже был наделен правами и функциями губернского города.

Вместе с тем обозначенное выше явление до недавних пор практически совсем не освещалось отечественными историками архитектуры. Удивляет то, что и среди немецких исследователей не было и пока нет специалистов по данной проблеме. Причины такого положения дел различны. Первая, очевидная — в том, что после депортации немецкого населения с берегов Волги и упразднения АССР НП (1941 г.) всякая тема, касающаяся поволжских немцев вообще и их культуры в частности, была, до недавних пор, не только непопулярной, но и закрытой. Вторая заключалась в информационной «бедности» западногерманских ученых, их отрезанности от местного, главным образом, натурного, материала. Наконец, составляющий явление пласт объектов представлялся малозначащим и недостойным изучения¹.

Все-таки можно назвать отдельные работы, опубликованные по этой теме. Раньше других, в 1939 г., появилась небольшая публикация К. Сгамер «Die Architektur in den wolga-deutschen Dörfern». Она носила очень обзорный характер и, практически, лишь обозначила предмет исследования. После долгого перерыва, в 1960 г., публикуется статья Л. В. Малиновского «Жилище немцев-колонистов в Сибири» — первый отечественный опыт обращения к архитектуре немецких колоний в России. Автор статьи, известный историк, достаточно внимательно прослеживает особенности немецких жилых (сельских) построек в Новосибирской области: их типологию, планировочное и объемно-пространственное решение, строительные приемы. Наш интерес к этой работе вызван, прежде всего, тем, что значительная часть немецких сел в Сибири была основана в конце XIX в. переселявшимися туда поволжскими колонистами. Архитектура немцев в Поволжье была базовой: накопленный ею опыт позднее широко использовался в различных регионах России. Достаточно весомы, наконец, работы Й. Schnurr и, особенно, обширная статья «Die Siedlung, der Hof und das Haus der Russlanddeutschen», увидевшая свет в 1968 г. Она имеет подзаголовок «Eine geographisch-volkskundliche Betrachtung» — «Фольклорно-географическое рассмотрение». Несмотря на такой «неархитектурный» подход, автор привлекает и исследует довольно большой ма-

¹ Предметом исследования в советском архитектуроведении, вплоть до 1970-х г. г., были преимущественно уникальные объекты. Этим объясняется и нигилистическое отношение ученых и практиков к провинциальной архитектуре, наследию малых городов, сел, городской исторической среде.

териал по застройке поволжских колоний (среди прочих регионов расселения российских немцев); их планировочным особенностям, организации дворовых мест, устройству жилых домов, их конструктивным решениям и декору. Особенно интересует немецкого историка влияние бытового уклада колонистов на планировку и внутреннее убранство зданий. Заслуживают внимания, в интересующем нас контексте, и некоторые другие труды этого же автора. Так, в его двухчастной книге, посвященной истории лютеранской и католической церквей в России (1979, 1980 гг.), можно обнаружить значительный фактический материал по культовым постройкам немцев в Поволжье.

На этом, к сожалению, ряд работ по названной теме обрывается. Поэтому, обратившись несколько лет назад специально к архитектурно-градостроительной истории немцев в Саратовском Поволжье, автор настоящего обзора вынужден был, по существу, начинать все сначала. Были проведены широкие источниковедческие исследования в ЦГИА, ЦГАДА, ЦГВИА, ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, РГБ, ГАСО и его филиалах, СМК и других хранилищах; предпринята серия поездок по территории Саратовской и Волгоградской областей с целью выявления и фотофиксации исторических немецких поселений, сохранившихся фрагментов их планировки и застройки, отдельных объектов: церквей, школ, жилых домов, промышленных и др. построек. Опубликовано несколько статей в профессиональных изданиях (в России и Германии); в настоящее время практически закончена книга о немецком архитектурном наследии в Поволжье. Проделанная работа позволила, хотя бы в целом, идентифицировать, воссоздать это явление, проследить путь и формы его эволюции, наконец, определить его термином «переселенческая архитектура». Предлагаемый здесь обзор подготовлен по материалам публикаций, вышедших из печати в 1989—1993 гг., а также некоторых научно-практических работ по теме (см. приложения).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА (обзор эволюции)

Внутренняя колонизация, заселение и освоение окраинных восточных и южных земель России были одной из важных статей государственной политики Екатерины II. «Мы нуждаемся

в населении; заставьте, если возможно, кишмя кишеть народ в наших пространных пустырях...», — писала она еще до вступления на престол¹.

Крупнейшая из колонизационных кампаний — переселение из Центральной Европы (главным образом из германских земель) в Поволжье в 1764—1767 гг. тридцати тысяч иностранцев — «хороших земледельцев, садоводов, скотоводов, а равно мастеровых» — завербованных на основании двух редакций («общей» и «подробной» — С. Т.) соответствующего Манифеста императрицы (ПСЗРИ. СПб, 1830.-Т.XVI.-№№ 11720, 11880). Управление и организацию переселения осуществляла специально созданная в Петербурге (ПСЗРИ.-Т. XVI.-№ 11879) Канцелярия опекунства иностранных колонистов (далее в тексте — КОИ), имевшая «власть и преимущество, равное против прочих государственных коллегий» и подотчетная лично императрице.

Первоначально в прилагавшемся к Манифесту реестре были перечислены «находящиеся в России свободные и удобные к населению земли»; однако окончательный выбор — окрестности Саратова, «знатного города Астраханской губернии» — аргументировано обосновал президент КОИ граф Г. Орлов. Иностранным колонистам надлежало размещаться «начав с острова Чердынского (о. Чардым — С. Т.) до Царицына,... потом до р. Медведицы и далее до Хопра,... вверх до Новохоперской (крепости — С. Т.);... а потом подле земель Пензенской провинции до Саратовского уезда и чрез оный... вниз до помянутого острова...» (ПСЗРИ.-Т.XVI.-№ 12095). Эти удаленные от столиц, малозаселенные и практически неизученные земли предстояло осмотреть и описать с тем, чтобы планировать и координировать ход кампании переселения.

В мае 1764 г. из Петербурга в Саратов «для употребления к поселению иностранцев» был командирован опытный военный инженер, капитан И. Райс с группой инженер-офицеров (смотрителей за межевщиками, межевщиков и геодезистов), всего 24 человека. Эта команда должна была в короткие сроки «осмотреть и описать всю определенную для поселения иностранных окружность», провести межевание этих земель и «сочинить верные чертежи колоний»². Механизм работы команды и расселения иностранцев был следующим: коман-

¹ Голомбиевский А. А. Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783). // Русский архив, 1904. Кн. 2. С. 387.

² ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 126. № 3622. Л. 27 об.

дированные офицеры составляли и посылали в КОИ рапорты — подробные описания земель; межевщики снимали планы одобренных территорий согласно указам «О размежевании земель, назначенных для поселения въезжающих иностранцев» (ПСЗРИ.-Т.XVI.-№ 12095; Т. XVII.-№ 12360, 12519); при этом ограничивались владения крестьян, казаков, помещиков, присвоивших пустые земли. «По учинении на каждую округу плана» (ситуационного — С. Т.) определялось по специально назначенным нормам число семей, которое можно в ней поселить и «в каких местах наилучшим образом жилища расположить можно». Прибывающим партиям иностранцев по выбору предоставлялись места для селений; составлялся проектный план поселения; на месте осуществлялась его разбивка, возводились временные жилища.

После этого, обычно с началом строительного сезона, иностранцы доставлялись на место, снабжались строительными материалами и, под присмотром опекуна из команды И. Райса или Саратовской конторы КОИ¹, начинали возведение построек. Нередко им в помощь призывались государственные крестьяне.

В 1765 г. в КОИ был разработан «примерный» (образцовый) план колонии, где показывалось, «коим образом дворы располагать, пашни делить, выгонную землю отводить и сенные покосы с лесными угодьями отмеривать в такие места, где дворов так построить нельзя, чтобы к каждому и полевую землю отвесть неможно было»². Это план, «сочиненный» на абстрактной подоснове, графически выражал основную идею организации колонии иностранных поселенцев, выработанную КОИ.

Проект был составлен в расчете на поселение в 27 жилых дворов (2 для церковнослужителей, 5 — ремесленников, 20 — земледельцев), подразделенное на три основные функциональные зоны (1 — центр и жилье; 2 — ближние угодья — пашни, сенокосы; 3 — дальние угодья — выгоны, лес), развивавшиеся линейно. Центр располагается во главе протяженной речной петли, на мысу. Здесь находилась торговая площадь с церковью, школой, жилыми домами (преимущественно цер-

¹ В апреле 1766 г. в Саратове, «по причине умножившегося там... числа чужестранцев и дел», была учреждена особая контора Канцелярии опекунства иностранных колонистов (ПСЗРИ, Т. XVII, № 12630) со штатом в 27 человек.

² ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 699 (план); ф. 126. № 1322. Л. 15 об. (описание).

ковнослужителей и ремесленников). Земля на самой бровке мыса и под ним предназначалась церковным угодьям. Компактная селитьба включала 11 регулярных кварталов по 1—3 владения каждый. Гумна, скотопрогон и ров отделяли ее от пашен (хозяйство велось по трехпольной системе). Далее следовали выгоны, приводившие к лесу. По периметру всего селения, в речной пойме, находились сенокосы.

Работа команды И. Райса в Саратове продолжалась более двух лет; по прекращении вызова иностранцев в Россию¹ она была отзвана в Петербург, где занялась подготовкой своеобразного отчетного документа, графически выполненного прaporщиком Руфом Степановым и поручиком Егором Оболдуевым. «План города Саратова с заселенными при оном, в Саратовском и Золотовском округах, 102 колониями», заверенный подписью Г. Орлова и содержащий крупномасштабную карту Саратовского Поволжья, план и речную панораму Саратова, презентативный рисунок колонии и детальные проектные планы всех поселений, дает ясное представление о структуре расселения иностранцев.

Колонии располагались на приволжской территории приблизительно от с. Малыковка до г. Дмитриевск (ныне соответственно г. Вольск и г. Камышин) девятью компактными округами: в правобережье — Сосновский, Норкский, Каменский, Усть-Кулалинский (46 поселений); в левобережье — Екатеринштадтский, Панинский, Краснояровский, Тарлыцкий, Тонкошуринский (56 поселений). Практически все поселения тяготели к большим или малым рекам — Волге, Иловле, Большому и Малому Караманам, Карамышу, Медведице и др., образуя вдоль их течения цепочки. Типичная правобережная (т. е. расположенная на правой, «нагорной», саратовской стороне Волги) колония была укрыта от степных ветров и зноя в долине между пологими холмами, в перелеске; левобережная («луговая», заволжская) плоско и компактно располагалась на яру — над заливными лугами волжской поймы.

Проектные планы колоний, составленные в 1764—1766 гг., не отличались сложностью. Однако они были знаменательны для своего времени, когда комплексное предварительное проектирование планов городов и поселений едва начинало распространяться в России. Принцип регулярности предстает в

¹ Вызов был приостановлен в ноябре 1766 г. (ПСЗРИ. Т. XVII. № 12793), но приезд уже заключивших контракты партий продолжался в 1767 г. и далее, в небольшом количестве, по 1773 г.

них в чистом виде. Этому были причины: объективная — срочность заказа на проект, подразумевавшая простую и быструю его реализацию; субъективная — стереотип военного проектирования, руководивший офицерами команды. Тот факт, что все колонии уже при самом своем основании строились по специально составленным проектным планам, оказался одним из важных, определивших на многие десятилетия благоприятное развитие новых поселений. Геометризованная планировка, четкое, продуманное функциональное зонирование, простор кварталов и участков-домовладений, тщательное соблюдение противопожарных требований способствовали быстрому и упорядоченному росту колоний.

В правобережных колониях преобладала прямоугольная система планировки. Среди ее разновидностей — проекты с выделенной центральной площадью: лежащей на пересечении осей по типу военного лагеря (2 проекта) или окруженной жилыми кварталами (5 проектов); а также с культовой постройкой, вынесенной за пределы квартальной сети (6 проектов). Встречались и отклонения от схемы, обусловленные особенностями рельефа нагорной стороны Волги. Такие поселения представляли сложными, живописными, привлекательными — в виде двух и более блоков застройки, с кварталами разной формы, направления и размера, с эффектным включением в композицию возвышенностей, участков леса, излучин рек и т. п.

Планы заволжских поселений были обычно более простыми; кварталы здесь линейно располагались вдоль дороги, русла ручья или балки. Встречалось и их поперечное к природной оси положение (для защиты от степных ветров и возможного неприятеля).

Жилые кварталы в колониях были обычно невелики — наиболее часто повторялись размерами 20×20 сажен, образованные двумя-четырьмя участками-домовладениями, либо 20×10 сажен (в этом случае участки располагались в ряд по одному). Далеко не всегда постройки располагались визави, образуя улицы шириной 4—6 сажен, — фасады домов могли быть обращены и на задворки соседнего квартала. Всего в колонии, в зависимости от ее величины и выбранной системы планировки, насчитывалось от двух до шестидесяти кварталов (от 8 до 240 дворов).

Серия детальных описаний колоний, составленная чиновниками Саратовской опекунской конторы в 1798 г., обстоятельно рисует их внешний вид, особенности планировки и заст-

ройки. Вот фрагмент изображения самой крупной из левобережных колоний — Екатеринштадта (ныне г. Маркс): «Население... 779 чел. (153 семейства). Жители трех религий... все имеют свои церкви, которые в здешних приходах есть главные. Строение здесь по большей части новое и поправленное и есть старое, улицы расположены порядочно и вокруг всей колонии сделан вал. Церкви деревянные. Из домов один каменный и много деревянных... все почти окружены заборами. Есть кирпичный завод, 3 ветряные и одна водяная мельница»¹.

Примерно в эти же годы в конторе был составлен план Екатеринштадта, фиксировавший состояние поселения на рубеже XVIII—XIX вв. Этот чертеж несколько отличается от ранее сочиненного командой И. Райса. Вообще, в процессе планирования и строительства колонии примерный план КОИ и проектные чертежи претерпевали более или менее значительные изменения, что было связано, с одной стороны, с практическими поисками колонистами оптимального объемно-пространственного решения своих поселений, их лучшего «попадания» в ландшафт; с другой — со специфическим, традиционным укладом жизни переселенцев (которого не могли учесть в своих проектах петербургские инженер-офицеры). Последнее выражалось, главным образом, в планировке домовладений; изменения касались и расположения церквей, кладбищ и др.

Согласно плану, колонию Екатеринштадт образуют семнадцать прямоугольных кварталов, расположенных на плато над широкой волжской поймой. Протяженность селитбы вдоль Волги — 450 сажен; габариты кварталов 134×84 и 85×84 сажен; средние размеры домовладения — 42×17 сажен; ширина улиц — 10 сажен. В геометрическом центре поселения, на пересечении Торговой и Государственной улиц, находится Рыночная площадь (45×38 сажен), обстроенная по периметру жилыми домами колонистов; здесь же стоит реформатская церковь. Главная планировочная ось — Государственная улица (длина 350 сажен) — поднимается от пойменных лугов, пересекает ряд кварталов и плавно переходит в одну из дорог, ведущих в соседние колонии. На этой улице — католическая церковь и каменный дом директора колонии; один из ее кварталов еще занимает старые казармы — временные жилища первых переселенцев; в другом помещается застава.

¹ ЦГИА. Ф. 383. Оп. 29. № 747. Л. 1—2.

Нарастающие от центральной площади в глубь плато объемы церквей оживляют монотонную застройку.

Планировка другой левобережной колонии — Привальной, обращенная как бы вовнутрь себя, напоминает военный форт. Гармоничный, уравновешенный, безупречно пропорционированный рисунок плана обнаруживает родство также с градостроительными композициями классицизма. Просторное каре из 16 жилых кварталов обнимает обширный (250×160 сажен) прямоугольник общественного пространства: собственно центральную площадь с каменными постройками, сады, два блока торговых лавок и две церкви — лютеранскую и католическую. Привальная, как и Екатеринштадт, располагалась близ Волги, и вертикали храмов служили дистанционным ориентиром для речных судов.

Самыми населенными в конце XVIII в. были правобережные колонии — Норка и Лесной Карамыш — соответственно 1662 и 1214 чел. в 1798 г. Выделялись они и своей застройкой — здесь в это время уже имелось соответственно 26 и 27 капитальных зданий «и при многих таковые пристройки». Капитальность — важнейшая особенность строительства в колониях. Первые, временные дома переселенцев — 16 накопительно-распределительных казарм в метрополии — Саратове, жилые бараки в колониях, молельные дома в виде обыкновенных изб, хозяйственные постройки — были деревянными, возводились в считанные недели за счет казны. Для этого КОИ заготовила в верхневолжских губерниях и сплавила в Саратов большую партию строительного леса — бревен и теса. Из его остатков начинали строиться и частные дома. Ситуация радикально изменилась после 1774-го, «пугачевского» года. Колонистам фактически приходилось все начинать заново, полагаясь теперь лишь на собственные силы¹. Сказывалась осткая нехватка леса в разоренном войной правобережье и его полное отсутствие — в Заволжье. В таких условиях массовое применение нашлось местным материалам; возводились дома из «дикого» камня (известняка), кирпича-сырца, «мятой» глины. Если находилось дерево, то вместо бревен использовались доски. Другая причина приверженности к капитальному строительству в том, что переселенцы «привезли» на Волгу свои традиции, стереотипы жилища (включая планировку усадьбы, плановое и объемное решение дома) и неко-

¹ Это положение усугубилось с упразднением в 1782 г. КОИ и закрытием на 15 лет (1782—1797 г.г.) ее саратовской конторы.

торых других построек. Оба фактора составили причину оперативности колонистов в освоении местного камня, возведении глинобитных построек, производстве кирпича. Если в конце XVIII в. капитальные дома встречались единицами в некоторых колониях, то, по данным 1816 г., с 895 «старыми» (т. е. воздвигнутыми в 1764—1767 гг.) и 5968 новыми деревянными жилыми домами уже соседствовал 291 каменный, глинобитный или кирпичный¹, к семидесятым годам XIX в. более трети домов колонистов были каменными, а к началу XX в. доля таких построек составила 47%. Эта особенность заметно отличала застройку колоний от застройки соседних сел и даже городов. Так, в Саратове, Вольске и Камышине капитальное строительство велось с конца XVIII в., в других же городах Саратовской губернии (по данным 1797 г.) «каменного заведения... не было»².

Первоначальная заданность архитектуры саратовских колоний уже в начале XIX в. обернулась существенной дифференциацией у разных групп поселений; в дальнейшем различия становились все глубже и определеннее. Они имели первоосновой социальный состав колонистов и, соответственно, функциональную специализацию поселений.

К первому типу — ремесленно-торговым — относились левобережные Екатеринштадт, Шафгаузен, Зельман (ныне р. п. Ровное), правобережные Сосновка, Сарепта, некоторые другие (в основном, приволжские) колонии. Здесь процветали ремесла, цеховые и кустарные производства, бывали базары, на которых встречались многочисленные местные ремесленники и артельщики, приезжие колонисты и крестьяне. Безусловно преобладали торговля хлебом и производство сардинки. В таких колониях доминировала капитальная застройка, имелись кирпичные заводы; их центры, бывшие средоточием деловой, торговой жизни, выделялись представительным архитектурным лицом. Центральная площадь с церковью обстраивалась по периметру одно-двухэтажными жилыми, общественными, торговыми зданиями. «Екатеринштадт, имея много красивых и несколько каменных домов, походит на хороший город, по крайней мере, большая часть иностранных поселенцев считает его таковым. В самом деле, обширность сей колонии,

¹ ЦГИА. Ф. 383. Оп. 29. № 1072. Л. 47, табл. 19. Приводятся суммарные (по всем колониям) цифры.

² ЦГИА. Ф. 1374. Оп. 1. № 188 б. Л. 77.

положение ее в средине прочих, хорошая пристань... делают Екатеринштадт, так сказать, заменою города...»¹.

Из правобережных колоний этого типа к концу XIX в. особенно выделялся Голый Карамыш (ныне г. Красноармейск). В 1894 г. в нем насчитывалось 9108 жителей, 765 дворов, лютеранская церковь, пасторат, церковно-приходская и товарищеская школы, земская больница с амбулаторией. Работали 23 сарпинковых и 22 кожевенных «заведения». Еженедельные базары собирали до 400 подвод. «Много коммерсантов, колония играет значительную роль по своим оборотам»². Расположенная в Саратовско-Астраханском почтовом тракте, в 15 верстах от Волги, в плотном окружении других активных ремесленных колоний Сосновского округа, она была признанным центром производства сарпинки и торговли ею. Архитектурный облик колонии формировали фабричные, торговые, жилые 1—2-этажные здания, сложенные из местного двухцветного (желтый тычок — красный ложок) кирпича. Схожие здания встречались во многих близлежащих колониях: Гололобовке, Каменке, Славнухе, Таловке, Сосновке...

Второй, более многочисленный (около 5/6 общего количества), тип колоний — земледельческие (преимущественно Норского, Панинского, Краснояровского, Ягоднополянского, Тонкошувского округов). Планировка таких колоний смягчалась обилием садов, огородов, пашен, выгонов; центры не были жестко и однозначно выделены. Преобладали деревянные либо глинобитные дома. Просторные усадьбы планировались следующим образом: передний двор вмещал выходившие фасадами на улицу теплый (зимний) жилой дом и холодный (летнюю кухню); по красной линии оба дома разделялись высокими тесовыми воротами. В глубине переднего двора помещались амбар и конюшня; у боковой границы участка обычно имелся колодец (общий с соседом). Между конюшней и амбарам — проход на задний двор, где находились овчарня, птичник, хозяйственный сарай, дровяник и прочие необходимые постройки. Задний двор выходил к огороду, а тот часто спускался к реке или ручью. Со стороны улицы к дому примыкал небольшой палисадник; нередко вся улица обсаживалась рядами деревьев — акаций, лип, тополей. «Главная

¹ Свидетельство начала 1830-х гг. (СМК. № 4781. Л. 34 об.).

² Миних А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1889. Т. 1. Вып. 1. С. 164—166.

улица колонии состоит из длинной аллеи, деревья которой уже успели окрепнуть и дают тень. По обеим сторонам аллеи выстроены дома...»¹. По-другому были устроены усадьбы меннонитов. В них жилой дом, амбар, конюшня, хлев, птичий и хозяйственный сараи нередко находились под общей крышей, развивались линейно вглубь участка.

Жилой дом колониста имел ощутимые архитектурные особенности, отличался от крестьянского (русского, малороссийского) масштабно-пропорциональным строем, характером декора. Высокие четырехскатные с двумя расположенными под коньком слуховыми окнами или двухскатные со скосами конька (полувальмовые) крыши покрывались соломой, тростником, черепицей (позднее — железом). Один тип дома, так называемый «зальный», восходит к средневековому и раннемерманскому крестьянскому жилищу, в котором за внешней несоразмерностью объемов крыши и «придавленного» ею собственно дома скрывались удобные помещения — небольшие жилые комнаты, расположенные вокруг полутора-двухсветного зала с печью или камином, а также подсобные — закром (на чердаке) и хлев. Другой тип — усадебный дом — был распространен как в поместьях, так и в небольших городах². Эти основные типы традиционной объемно-пространственной композиции жилого дома, приемы планировки первоначально воспроизводились колонистами практически без изменений. Однако отдельные формы, элементы декора, характерные для родных мест переселенцев, синтезировались в поволжских колониях, воспринимали отдельные черты местного народного зодчества, оформляясь постепенно в черты нового стилистического единства.

«...Вид колоний, в особенности левобережных, представляет регулярно выстроенные городки: прямые широкие улицы, правильно разделенные кварталы с предосторожностями от пожарных случаев, хорошие и большие дома, прекрасные вновь строящиеся церкви...»³. При основании колоний казна построила в них 24 (по количеству приходов) деревянных церкви. Это были временные, простые по композиции и практически лишенные декора постройки. Исключение представляла каменная лютеранская церковь в Сарепте, «с городскими часами и органом», освященная в 1772 г. В 1804 г. общее

¹ Овсянников А. Н. Географические очерки и картины. СПб, 1878. Т. I. С. 100.

² Baumgarten K. Das deutsche Bauernhaus. Berlin, 1980. S. 168.

³ ЦГИА. Ф. 383. Оп. 29. №. 1119. Л. 3.

числа церквей и молельных домов составляло уже 105¹ (59 лютеранских, 33 католических, 23 реформатских). В первой трети XIX в., особенно после 1819 г., когда был опубликован указ о новом разделении приходов в саратовских колониях и разрешении строить в них новые деревянные церкви, проходила активная замена казенных построек: кроме приходских, строились филиальные церкви, а также молельные дома. Вторая треть XIX столетия отмечена нарастанием строительства храмов в камне или смешанной технике (деревянные на каменном основании). Однако эта тенденция прокладывала себе путь через определенные трудности: практически все церкви строились без участия профессиональных архитекторов и инженеров, без проектов и смет, силами самих сельских обществ или приходов. Эти факторы влияли и на архитектуру: объемно - пространственное решение оставалось традиционным, но привычные формы утрировались, декор фасадов и внутреннее убранство крайне упрощались.

Еще две волны культового строительства в колониях прошли в 1860—70-е гг. и в 1900-е гг. Первая связана с появлением в штате опекунской конторы профессионального архитектора — Фердинанда Лагуса. Он подготовил несколько проектов, по которым были выстроены храмы в ряде колоний. J. Schnurr объединяет их архитектуру понятием «Kontog-Stil»; этот термин вполне можно употреблять в оценочном смысле (бюрократический стиль): церкви Ф. Лагуса заметно отличались от привычных колонистам, нередко встречали непонимание и даже сопротивление у сельских обществ. Архитектура этих построек характерна для времени угасания классицизма в России и сближает церкви в колониях с православными храмами, возводившимися тогда, в схожей эстетике, повсеместно.

В послереформенные годы, особенно на рубеже XIX—XX вв., все более активное участие в проектировании церквей в колониях принимали городские — саратовские и самарские — архитекторы. Традиционализм культовой архитектуры, интерпретированный профессионалами, поднялся на новый качественный уровень. Постройки этого ряда отличались «стильностью»; их архитектура определялась готическими реминисценциями.

Храмы играли важнейшую организующую, образную роль в формировании облика центров колоний. Общинный уклад

¹ ЦГИА. Ф. 383. Оп. 29 № 1027. Л. 63—64 об.

жизни колонистов способствовал широкому строительству и других общественных зданий — домов правления, школ и училищ, ремесленных корпусов, «братских» работных домов, аптек, больниц, а также многоквартирных (доходных) жилых домов. Повсеместно складывался своеобразный, отличный от имевшегося в уездных городах и других соседних поселениях, набор общественно необходимых, функционально и стилистически взаимосвязанных построек, определявших центры колоний. К центрам примыкала квартальная, образующая дисциплинированные фронты улиц, жилая застройка; картина дополнялась развитым благоустройством. «Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают нам, какие отношения могли бы и должны были развиться и в остальной России...»¹. Действительно, поволжские колонии удивляли современников масштабами роста и хозяйственными успехами. Крупные правобережные поселения — Норка, Лесной и Голый Карамыш (соответственно 10518, 9257, 9108 жит. в 1894 г.) превосходили численностью некоторые уездные города Саратовской и Самарской губерний — Балашов (10400 жит. по переписи 1897 г.), Сердобск (ок. 8000), Аткарск (ок. 6800), Ставрополь (5974)...

В послереформенные десятилетия зодчество переселенцев, развивавшееся до той поры относительно автономно, начинает проникать в города края, сначала реализуясь в крупных промышленных сооружениях и комплексах — паровых мельницах, элеваторах, фабриках, складах, механических заводах и т. п., которые возводились по заказам предпринимателей, вышедших из колонистов; затем распространившись на жилые (особняки, массовое жилье) и общественные постройки. Во многих традиционно русских городах и поселениях региона складывались и архитектурно оформлялись районы компактного проживания бывших колонистов (Немецкая улица в Саратове, Циммервальдская в Балаково, Базарная площадь и жилая слобода в Покровске и т. д.). Из среды переселенцев вышел целый ряд архитекторов, инженеров, строивших в разных стилях, от классицизма до модерна: Х. Лоссе, К. Тиден, М. Кирхнер, П. Гесс, Ф. Лагус, Ф. Шустер, Ф. Шехтель в Саратове, И. Бенземен, А. Шоде в Симбирске, В. Вернер, А. Левенштерн в Самаре и др. Артели квалифицированных колонистов-строителей активно участвовали в строительном процессе в Саратовской и Самарской губерни-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 256.

ях. Выйдя из своеобразной изоляции, присущей ей на раннем этапе, переселенческая архитектура существенно расширила типологию возводимых объектов, распространяла накопленный в колониях архитектурно-строительный опыт на весь регион, привлекала для проектирования и строительства лучших городских специалистов. Такая открытость дала возможность, с одной стороны, обогатить соседние города целиком рядом первоклассных построек (например, паровыми мельницами); с другой — корректировать строительную практику в колониях, дополнять архитектуру уже сложившихся типов зданий, по принципу обратной связи, последними стилистическими и инженерными достижениями городского зодчества.

Немецкие здания в Саратовском Поволжье стали в начале XX в. легко узнаваемыми, заметными. Переселенческая архитектура, наконец, достигла зрелости, выработала собственный язык, стала весомой стилевой тенденцией. Многочисленные немецкие постройки в колониях и городах придали зодчеству Поволжья особый колорит.

За период 1914—1918 гг., т. е. с начала первой мировой войны до получения поволжскими немцами статуса Автономии, немецкое влияние в крупных городах региона было фактически парализовано, возведение построек приостановлено. В этих условиях более стабильным оказалось строительство в селах (бывших колониях). Жилые дома, школы, больницы возводились в несколько осовременных, геометризованных формах и традиционной технике, вплоть до начала 1930-х годов. Своеобразие сохраняли и производственные постройки, например, крупные мельницы в новых городах: столице Автономии — Покровске, а также Красном Куте, Марксштадте (б. Екатеринштадт), законченные строительством в 1930-е гг. по проектам 20-х.

В предвоенные годы общая для всей страны нивелировка регионального, национального своеобразия, установка на единый, универсальный, государственный архитектурный «стиль» в полной мере коснулись и немецкой архитектуры на Волге. Так, постройки 1930-х гг. в городах Автономии — здания администрации, клубов, кинотеатров, учебных заведений и т. п. — практически не имели выраженной индивидуальности, национальных черт; они вполне соответствовали казенному стереотипу. В немецких селах в эти годы заметно ухудшилась, например, архитектура школ — уже не применялась традиционная цветная кирпичная кладка, крайне упрощались формы

и отделка; то же можно сказать и о жилых домах. В то же время были разрушены, повреждены или переоборудованы многие церкви.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В последние годы в регионе начаты натурные обследования бывших немецких поселений. Эта работа, хотя и медленно, с большими сложностями, но разворачивается, и уже есть возможность говорить о ее промежуточных результатах. Так, в 1990 г. был составлен «Список произведений переселенческой архитектуры, выявленных в Саратовской и Волгоградской областях», насчитывающий более 100 объектов (см. приложения). И этот ряд далеко не исчерпывающий.

Летом 1992 г. проводилась инвентаризация объектов материальной культуры в Саратовской области. Были частично обследованы Краснокутский, Ровенский, Саратовский, Советский, Энгельсский районы; на очереди Ершовский, Красноармейский, Марковский, Федоровский районы. Все эти территории принадлежали до 1941 г. АССР Немцев Поволжья. Практически же названные (формальные) границы не вмещают всех «очагов» проживания немцев в Саратовском Поволжье. Причем, кроме очевидной необходимости специально обследовать Камышинский и Старополтавский районы Волгоградской области, также входившие в АССР НП, важно обратить внимание и на районы, где немецкие поселения размещались фрагментарно (но не случайно): Татищевский, Аркадакский, Калининский, Краснопартизанский в Саратовской области; Жирновский, Котовский, Палласовский — в Волгоградской.

Натурные обследования и инвентаризация показали следующее. На сегодняшний день в большинстве бывших немецких поселений сохранилась историческая планировка и ее фрагменты. Наряду с некоторыми колониями, выросшими в города, поселки городского типа, крупные села (Екатеринштадт — Маркс, Ровное, Норка — Некрасово, Сарепта — микрорайон г. Волгограда), такую планировочную систему сохранили так называемые брошенные колонии. Именно здесь историческая сетка улиц, участки-домовладения, соотношение различных функциональных зон (центр — селитьба — ближние и дальние угодья и т. д.) воспринимаются наиболее внятно, в то время как во многих развивающихся поселениях (Го-

лый Карамыш — Красноармейск, Тонкошурок — Советское, Усть-Золиха, Таловка — Луганское и др.) планировка претерпела существенные деформации при строительстве последних десятилетий. Важно и то, что в большинстве мест сохранилась сама система расселения («цепочки» населенных пунктов вдоль рек, дорог, «пятна» в долинах, балках и др.), отражающая бытую инфраструктуру.

В нескольких группах поселений и отдельных селах, особенно в правобережье Волги (Сосновка, Ягодногорская, Нижне-Добринская, Медведицкая группы) имеются многочисленные образцы построек, иллюстрирующих строительную культуру колонистов, разнообразные технологические приемы и методы возведения зданий. В крупных поселениях встречаются значительные фрагменты поздней, «стильной» застройки рубежа XIX—XX вв. — кирпичные жилые, общественные, хозяйственные дома виртуозной кладки, с образцами традиционного декора.

Говоря о стильных постройках, принадлежащих к т. н. «первому ряду», важно заметить, что их осталось, в разной степени сохранности, вполне достаточно для того, чтобы воссоздать характерность, особый семантический код немецкого зодчества на Волге. Так, уцелело до двадцати лютеранских и католических храмов разного времени возведения (1830-х — 1910-х гг.), в том числе городские церкви и молельные дома в Ульяновске, Самаре, Балаково, Марксе, Саратове. Имеется более двух десятков паровых мельниц (в том числе 5 — в Саратове) и иных промышленных объектов как в городах, так и в селах. Сохранились школы в ряде бывших колоний (Нижняя Добринка, Новая Скотовка, Красноармейск, Александрхой — Александровка, Розенфельд — Розовое и др.), больницы и т. п.

Такова, в самых общих чертах, характеристика немецкого архитектурного наследия на Волге. Проблемы, мешающие полноценному использованию этих объектов архитектуры и градостроительства, следующие: незнание (или нежелание знать) об их существовании, использование не по назначению или «ничейность» (то и другое ведет к ускоренной амортизации и физическому разрушению объектов); неадекватная оценка этой части наследия населением, управленическо-хозяйственными структурами, нередко практикующими архитекторами.

14 августа 1990 г. исполнительный комитет Саратовского областного Совета народных депутатов принял решение

№ 166 «О первоочередных мерах по решению проблем советских немцев, проживающих на территории области». Этот документ содержал «План первоочередных мер по решению проблем советских немцев»; одним из его пунктов было: «расмотреть и внести предложения по охране памятников культуры российских и советских немцев на территории бывшей АССР Немцев Поволжья». Здесь же назначались ответственные организации (горрайисполкомы, областное управление культуры, областное отделение ВООПИК) и даже был обозначен срок исполнения — до 1 января 1991 г. Кстати, именно к этому сроку и готовился «Список произведений переселенческой архитектуры...». К сожалению, лишь считанные единицы выявленных и объединенных в «Список» объектов были поставлены на государственный учет и охрану как памятники архитектуры и градостроительства; не реставрирован же пока ни один. Тем временем физическое состояние большинства объектов продолжает оставаться неудовлетворительным, а то и аварийным. Их не ремонтируют (хотя в последнее время силами Дирекции охраны памятников истории и культуры, архитектурно-реставрационного товарищества «Арт-Дмитрий», кафедры архитектуры СГТУ подготовлены или готовятся несколько проектов реставрации и реконструкции конкретных объектов); отсутствие специального внимания, анонимность упрощают снос, делают его произвольным и безнаказанным. Никак не регламентируется использование объектов: культовые постройки, например, либо отданы под клубы, различного рода цехи, гаражи, склады, либо пустуют, разрушаются. Только за последние годы снесены каменная католическая церковь в Марксе (самая старая из немецких культовых построек в области, возведенная в 1803—1824 гг.), деревянные — в селах Галка, Филипповка; еще одна деревянная церковь — в Звонаревке — недавно сгорела. На грани разрушения храмы в селах Каменка, Усть-Золиха, Нижняя Добринка, Липовка, Волково, Песчанка и др. Общественные здания и промышленные сооружения произвольно перестраиваются нынешними арендаторами; при этом искажается их архитектурное лицо, теряется выразительность и характерность. Жилые дома, сельские школы ветшают. Во многих бывших колониях осуществляется перепланировка или бесконтрольное новое строительство — например, от Сарепты уцелела лишь застройка центральной площади; Галка, Суслы, Побочная, Бизюк и некоторые другие поселения физически перестали существовать.

Ситуацию в целом можно назвать чрезвычайной. Она такова, что через несколько лет будет бессмысленно говорить о немецком архитектурно-градостроительном наследии на Волге: исчезнут сами объекты, а с ними — традиционная материальная, архитектурная среда. Традиция немецкого зодчества в Поволжье насильственно оборвалась полвека назад. Его прекрасные произведения — как городские объекты, так и сельские — «повисли в воздухе», утратили хозяев, свое прямое назначение, социо-культурный контекст. Оставлены творческие, стилевые поиски, забыты планировочные приемы, строительное искусство.

Необходимы практические «пожарные» меры по изучению, воссозданию и развитию немецкой архитектуры в Саратовском Поволжье (и в России вообще). Прежде всего, требуется внимательное, «фронтальное» обследование всех характерных поселений, с целью выявления всего массива сохранившихся в них объектов — храмов, общественных, жилых зданий, промышленных сооружений, хозяйственных построек, архитектурных ансамблей, фрагментов исторической планировки и традиционной застройки, ценных ландшафтов и благоустройства, мебели, предметов быта, церковной утвари. Но не просто выявление — обязательна их фото- и графическая фиксация, составление аннотированных списков, развернутых описаний (с привлечением свидетельств жителей, архивных материалов). Для изучения стильных и других наиболее показательных построек нужны специальные экспедиции по их детальным обмерам. Все примечательные объекты должны быть срочно законсервированы; тем временем следует готовить документацию для их официальной постановки на учет и охрану в качестве памятников истории, архитектуры и градостроительства, культуры, природы. Такая работа позволит составить единый банк информации по интересующему нас явлению, станет основой подготовки важнейшего базового документа — научного «Свода памятников немецкой (переселенческой) архитектуры в Саратовском Поволжье». В принципе, эта часть работы вполне по силам небольшой научной группе (сектору), которая, при соответствующей поддержке, могла бы в течение 2—3 лет подготовить «Свод» к печати.

В то же время рабочие материалы «Свода» — списки, обмеры, фото и пр. — могут быть основой для ремонтно-восстановительных и реставрационных работ, которые необходимо проводить безотлагательно. Крайне важна и работа по функ-

циональному наполнению объектов: здесь не обойтись, например, без тесного контакта с представителями конфессий, церковными приходами, другими организациями и фондами. На первых порах (не имея «Свода» и базирующихся на нем аналитических материалов) можно предпринять эталонную реставрацию наиболее ценных памятников.

В перспективе возможна организация комплексного реставрационного центра, в составе научного сектора, проектного бюро, реставрационных мастерских, лаборатории (цеха) по производству традиционных строительных материалов (чепчицы, кирпича и др.). Такой центр, выполняя работы полного цикла — от исследований до реализации проектов — стал бы реальным инструментом, базовой организацией для воссоздания волжского немецкого зодчества.

Нельзя обойти и проблемы собственно проектирования (новых поселений и построек), которые уже обозначены, а скоро встанут перед специалистами в полный рост. Это проблемы преемственности, возрождения традиций, использования накопленного историей опыта, отработанного языка. Пятьдесят лет никто не проектировал и не строил «по-переселенчески». В этой ситуации одинаково неприемлемы крайние подходы — как буквальное воспроизведение исторических приемов, методов и форм (поскольку время их ушло), так и использование типовых, псевдосовременных проектов — и местных, и европейских. Конечно, невозможно да и не нужно отгораживаться от местных проектных институтов, мастерских, германских фирм, превращать такое проектирование в элитарное действие. Однако примеры строительства католического храма в Марксе, комплекса жилых домов в т. н. «23-м совхозе» лишь доказывают: деликатность, такт, хорошее знание истории и точный баланс между ней и современностью должны стать главным критерием качества проектов и построек.

Разработка комплексной программы воссоздания переселенческой архитектуры — задача сегодняшнего дня. Завтра эти предложения должны начать воплощаться в конкретные практические шаги. Немецкая архитектура на Волге еще существует, еще восстановима как явление, еще может обогатить своим опытом материальную культуру региона; но времени на раздумья о ее судьбе отпущено совсем немного — необходимо действовать.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРОГРАММА МЕР ПО ИЗУЧЕНИЮ, ВОССОЗДАНИЮ И РАЗВИТИЮ НЕМЕЦКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ПОВОЛЖЬЕ

(Составлена в 1991 г.)

I. Научное направление.

- 1.1. Формирование банка информации и подготовка на его основе «Свода памятников немецкой (переселенческой) архитектуры в Саратовском Поволжье».
- 1.2. Подготовка монографии «Немецкая архитектура в Саратовском Поволжье*».
- 1.3. Подготовка курса лекций по теме*.
- 1.4. Создание отделения по подготовке архитекторов-реставраторов (на базе СГТУ, Российско-германского университета).
- 1.5. Участие в российско-германских семинарах, консультациях, обмен специалистами,
- 1.6. Подготовка и проведение ознакомительных и обмерных экспедиций.

II. Прикладное направление

- II.1. Создание комплексного реставрационного центра в составе научного сектора, проектного бюро, лаборатории (цеха) строительных материалов, реставрационных мастерских.

III. Просветительское направление

- III.1. Подготовка и выпуск брошюр, сборников, буклетов, календарей, плакатов.
- III.2. Подготовка фильмов, теле- и радиопередач по истории и проблемам переселенческой архитектуры*.
- III.3. Организация туристских маршрутов с осмотром памятников архитектуры.
- III.4. Создание музея (СП) немецкой архитектуры (под открытым небом) в одном из характерных сел.
- III.5. Подготовка выставки «Немецкая архитектура в Поволжье»*.

IV. Смешанное направление

- IV.1. Подготовка культовых зданий к передаче церковным приходам.
- IV.2. Приспособление отдельных зданий (мельниц и др.) под гостиницы (СП).

* Осуществленные (или осуществляемые) меры.

ВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АССР НП

Предлагаемая здесь модель носит концептуальный характер. Она составлена в 1991 г. на основе изучения исторической инфраструктуры региона, с учетом современной экономической, социальной и политической ситуации. Материалом для подготовки модели служили немецкие поселения; имелась в виду и возможность переселения потомков поволжских немцев из Сибири, Алтая, Казахстана, среднеазиатских государств на историческую родину. Однако модель не следует рассматривать как практическую программу восстановления АССР НП, — главной целью этой работы был поиск способа спасения вымирающих сел (бывших немецких поселений), их включения в региональную хозяйственную систему и, конечно, реабилитации их своеобразного историко-архитектурного лица. Например, крайне важным представляется возрождение немецких поселений поблизости от сохранившихся храмов, других уникальных объектов; это делает реальной возможность реконструкции памятников архитектуры и градостроительства.

Модель включает 3 разных варианта решения проблемы и не содержит окончательных выводов. Это объясняется предварительным, «эскизным» уровнем проработки предложений. В то же время модель вполне применима как исходный материал при разработке конкретных, детально рассчитанных региональных расселенческих программ.

Вариант I. «КОЛONИИ». Дисперсное расселение малыми образованиями (округами) по 10—15 тыс. чел.¹. Для размещения выбираются места и территории, очевидные уже сегодня: «вымирающие» села из бывших немецких и их группы; села с преобладающим или достаточным уровнем немецкого населения; пустоши, об использовании которых имеется договоренность. Количество «колоний» неограниченно; на первом этапе 20—30. Примеры «колоний»:

— села Ягодная Поляна, Побочное, Новая Скатовка (Татищевский р-н Саратовской обл.);

¹ Крупные немецкие поселения — колонии — на Волге насчитывали в начале XX в. по 10—15 тыс. жит. Эти цифры, по-видимому, оптимальны для локальных жилых образований.

- села Франк, Гречихино, Песковка (Жирновский р-н Волгоградской обл.);
- с. Кирово (Краснокутский р-н Саратовской обл.);
- с. Константиновка (Саратовский р-н Саратовской обл.);
- села Бобровка, Звонаревка, Степное, Осиповка, Колос (Марксовский р-н Саратовской обл.);
- с. Щербаковка (Камышинский р-н Волгоградской обл.);
- совхоз № 23, села Красный Яр, Ленинское (Энгельсский р-н Саратовской обл.);
- с. Серпогорское (Федоровский р-н Саратовской обл.);
- с. Нижняя Добринка (Камышинский р-н Волгоградской обл.).

ДОСТОИНСТВА ВАРИАНТА:

- реальность, относительная простота;
- возможность вариантового выбора хороших земель и территорий;
- политическая нейтральность;
- историчность.

НЕДОСТАТКИ:

- разбросанность «колоний», сложность сообщения и координации действий;
- отсутствие выраженного центра (города);
- периферийность, информационные и др. трудности.

Вариант II. «ЗОНА». Территориально выраженное «пяtno» (район, область) площадью 6—10 тыс. км², с населением 100—300 тыс. чел.¹. Для расселения предпочтительна территория на границе нынешних Саратовской и Волгоградской областей: части Краснокутского, Ровенского, Красноармейского районов Саратовской обл.; Палласовского, Старополтавского, Камышинского, Жирновского районов Волгоградской обл. Этот территориальный «клин» проходит по слабозаселенным (промежуточным) территориям, не затрагивая райцентров. Вместе с тем включение поселений городского типа (райцентров) в систему расселения было бы желательно, при их принципиальном согласии и заинтересованности. Возможно основание нового города (центра) на Волге, на участке Дубовка—Золотое (правый берег, Красноармей-

¹ Цифры планируются для начального этапа.

ский район), а также строительство в этом месте моста через Волгу¹.

ДОСТОИНСТВА ВАРИАНТА:

- современность, возможность учета реальной социально-экономической ситуации в регионе;
- удобство развития инфраструктуры (экономика, промышленность, транспорт) и концентрации ресурсов;
- наглядность, определенность, показательность.

НЕДОСТАТКИ:

- территориальный барьер, осложняющий переход к следующему этапу, расширению;
- малая протяженность «зоны» вдоль Волги;
- неисторичность; как следствие, возможная непопулярность среди российских немцев;
- жесткость;
- сложность определения оптимальной территории.

Вариант III. «СИСТЕМА»

Комбинированный вариант; системно расположенные округа и их группы, соединяясь (срастаясь) по мере развития инфраструктуры, образуют район (область). Сочетает ряд достоинств вариантов I и II; кроме того, характеризуется:

- возможностью перспективного тяготения к крупнейшим (Саратов), большим (Энгельс, Камышин), малым (Маркс, Красноармейск) городам и другим центрам, исторически связанным с республикой НП;
- относительной близостью к Волге;
- реальным преемственным развитием материальной культуры, архитектуры;
- гибкостью, открытостью к развитию и взаимодействию с прилегающими районами;
- очевидной выгодой для всего региона — создается базовый «полигон» для его комплексного переустройства, новых, динамичных форм развития;
- предпосылками для конкретного (СП, технологии и другие инициативы с очевидным, быстрым эффектом) и перспективного (кредиты, программы) сотрудничества с Германией.

¹ Примеры крупнейших центров Поволжья показывают, что поперечная связь между правым и левым берегами (мост) является важнейшим градообразующим фактором, способствует интенсивному росту приречного узла и прилегающих районов.

НЕДОСТАТКИ:

- поэтапность, длительность реализации;
- сложность субординации действий и мер с руководством районов и областей;
- необходимость привлечения неудобных или политически неблагоприятных территорий (например, Красноармейский район);
- вынужденный отказ от некоторых «колоний» (периферийных, не вошедших в общую систему).

**СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВЫЯВЛЕННЫХ В САРАТОВСКОЙ И**

Район	Насел. пункт	№ объекта п/п	Наименование объекта	Время возвед.
1	2	3	4	5
Часть I.				
г. Саратов		1	Католический собор св. Клементия	1880 г.
.		2	Тираспольская римско-като-лич. семинария	1850-е гг.
.		3	Германское консульство	1913 г.
.		4	Консерватория	1912 г.
.		5	Гостиница «Астория»	1917 г.
.		6	Паровая мельница братьев Шмидт (малая)	1865 г.
.		7	» (большая)	1879 г.
.		8	Паровая мельница Рейнеке	1880 г.
.		9	» Борель	1876 г.
.		10	Паровой лесопильный завод Кениг	1896 г.
.		11	Мучные склады Рейнеке	1900-е гг.
.		12	Мучные склады Шмидт	1890-е
.		13	Колбасная фабрика Кизнер и Блок	1890-е гг.
.		14	Жилой дом, контора и склад Р. Эрт	1900-е гг.
.		15	Доходный дом магазина сардинки	конец XIX в.
.		16	Особняк и контора Грюнгоф	1910-е гг.
.		17	Жилой дом с элементами переселенческой арх-ры	серед. XIX в.
.		18	Жилой дом с элементами переселенческой арх-ры	конец XIX в.
.		19		

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ,
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИХ

Современ. назнач.	Местонахождение (адрес)	Капи- тальность	Степень перестройки	Сохранность
6	7	8	9	10
Саратовская область				
Кинотеатр	ул. Немец- кая, 11	камен.	значитель.	удовл.
»	ул. Мицури- на, 86	•	незначитель.	•
немецкий культур- ный центр	ул. Рабо- чая, 22	•	•	хорошая
консервато- рия	ул. Немец- кая, 1	•	б/изм.	•
гостиница	ул. Немец- кая, 34	•	•	•
мельзавод	берег Волги	•	незначитель.	удовл.
»	»	•	•	•
мель завод	берег Волги	•	значитель.	•
швейная фабрика	»	•	незначитель.	•
мель завод	»	•	•	•
склады	ул. Горького, 2	•	•	хорошая
ликеро-водочный завод	ул. Чернышевского 110	•	•	удовл.
контора	ул. Челюскинцев 58	•	•	•
»	ул. Советская, 10	•	•	•
жилой дом	ул. Соборная, 15	•	•	•
музыкальная шко- ла	ул. Шевченко, 26	•	•	хорошая
жилой дом	ул. Яблочкива, 3	•	•	удовл.
жилой дом	ул. Московская, 115	камен.. дерев. камен.	•	неудовл.
»	ул. Яблочкива, 45	•	•	удовл.

1	2	3	4	5
		20 21 22 23 24 25	> > > > Усадьба («экономия») Рейнеке Опытная с/х станция	серед. XIX в. конец XIX в. 1900-е гг. .
Саратовский	с. Константиновка (бывш. Отрада, Борельская мельница)	26	Паровая мельница	конец XIX в.
Калининский	с. Свердлово (бывш Ней-Вальтер)	27 28	Приходская лютеранская церковь Жилые дома	1900-е гг. конец XIX—нач. XX вв.
Красноармейский	г. Красноармейск (бывш. Голый Карагмыш) с. Высокое (бывш. Голоборовка)	29 30 31 32 33 34 35 36 37 38	Историческая планировка Архитектурный ансамбль Фабрика сардинки А. Бендер Фабрика Школа Жилой дом мозаичной кладки > > Историческая планировка Школа	серед. XVIII в. серед. XIX—нач. XX вв. 1907 г. 1900-е гг. 1928 г. 1900-е гг. 1896 г. серед. XVIII в. 1920-е гг.

Продолжение

6	7	8	9	10
»	ул. Советская, 46	.	.	.
»	ул. Чернышевского, 146	камен., дерев.	.	неудовл.
»	ул. Чапаева, 67а	камен.	.	.
»	ул. Б. Казачья, 8	камен., дерев.	.	удовл.
жилые дома	Алтынная гора	камен.	значитель.	неудовл.
НИИ Юго-Восто- ка, жилые дома	ул. Тулайкова, 7	.	незначитель.	удовл.
		камен.	незначитель.	удовл.
клуб		камен.	значитель.	удовл.
жилые дома		.	незначитель.	.
	центр города		.	
	ул. Первомайская	камен	.	
швейная фабрика	»	.	.	удовл.
техникум	ул. Первомайская, 63	.	.	хорошая
школа № 1				
райпо	ул. Ленина, 69	.	.	.
дом культуры	ул. Ленина, 54	.	.	.
жилой дом	ул. Луначарского, 7	.	.	удовл.
	центр села		.	
школа		.	.	неудовл.

1	2	3	4	5
Красноармейский	с. Высокое	39	Магазин	1900-е гг.
	:	40	Амбар	:
	:	41	Жилой дом	:
	:	42	Жилые дома мозаичной кладки	:
	с. Каменка	43	Историческая планировка	серед. XVIII в.
	:	44	Приходская католич. церковь	1900-е гг.
	:	45	Больница	:
	:	46	Жилые дома	:
	станция Карамыш	47	"	:
	с. Луганс- кое (бывш. Таловка)	48	Историческая планировка	серед. XVIII в.
	,	49	Приходская лютеран. церковь	конец XIX в.
	:	50	Жилые дома	конец XIX— нач. XX вв.
	с. Некрасово (бывш. Норка)	51	Историческая планировка	XVIII—XX вв.
	:	52	Волостное правление	конец XIX в.
	:	53	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
Красноар- мейский	с. Сосновка	54	Историческая планировка	серед. XVIII в.
	:	55	Филиальная лютеран. церковь	конец XIX в.
	:	56	Магазин	нач. XX в.
	:	57	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	с. Усть-Зо- лиха	58	Приходская лютеран. церковь	1900-е гг.
	:	59	Пасторат	:
	:	60	Жилые дома	:
	г. Красный Кут	61	Мельница Немельско- союза	1920—
		62	Жилые дома	1930-е гг.

Продолжение

6	7	8	9	10
магазин		камен.	незначитель.	удовл.
склад		•	•	•
комбинат бытово-го обслуживания		•	•	•
жилые дома	центр села	•	•	•
	центр села	•	•	•
		•	значитель. незначитель.	неудовл.
жилые дома	центр села	камен., дерев. камен.	• •	удовл.
»	»		значитель.	•
клуб		•	•	•
жилые дома	центр села	•	незначитель. незначитель.	неудовл.
сельсовет	центр села	камен.	•	удовл.
жилые дома		камен., дерев.	•	•
зернохранилище		дерев.	•	неудовл.
магазин		камен.	•	удовл.
жилые дома		камен., дерев., глинобит. камен.	•	неудовл.
конторы		камен., дерев.	•	•
жилые дома	центр села	камен., дерев.	•	удовл. •
мельзавод		камен.	•	•
жилые дома, кон- торы	центральная площадь	камен.	незначитель.	удовл.

1	2	3	4	5
Краснокут- ский	с. Чкалово (бывш. Эренфельд)	63	Филиальная лютеранская церковь	нач. XX в.
Марков- ский	г. Маркс (бывш. Катерин- штадт) • • • • с. Волково (бывш. Шаффгау- зен) • • с. Борода- евка (бывш. Баратаевка) с. Звона- реека (бывш. Швед) • • с. Зоркино (бывш. Цю- рих) • с. Раскатово (бывш. Рас- каты) •	64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78	Историческая планировка Архитектурный ансамбль Приходская лютеран. церковь Общественные, жилые, производственные зда- ния Историческая планиров- ка Филиальная лютеран. церковь Жилые дома Паровая мельница Историческая планиров- ка Жилые дома Магазин Филиальная лютеран. церковь Жилые дома Приходская катол. цер- ковь Жилые дома	XVIII — XIX вв. XIX — нач. XX вв. серед. XIX в. XIX — нач., XX вв. XVIII— XIX вв. 1830-е гг. XIX — нач. XX вв. нач. XX в. серед. XVIII в. конец XIX в. нач. XX в. 1900-е гг. конец XIX— нач. XX вв. конец XIX в. нач. XX в.
Ровенский	р. п. Ровное (бывш. Ров- ная)	79	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.

Продолжение

6	7	8	9	10
клуб		-	значитель.	удовл.
клуб	центр города		незначитель.	
	ул. Ленина	камен.	значитель.	удовл.
	»	-	-	-
жилые дома	центр города, берег Волги	камен., дерев.	-	-
		камен.	-	неудовл.
		камен.. дерев. камен.	незначитель.	удовл.
жилые дома			незначитель.	
		камен., дерев.	-	удовл.
		камен.	-	-
магазин				-
клуб		-	значитель.	-
жилые дома		камен., дерев	незначитель.	-
клуб		камен.	значитель.	-
жилые дома		камен., дерев	незначитель.	-

1	2	3	4	5
Ровенский		80	Жилые, общественные, торговые, складские здания	XIX—нач. XX вв.
		81	Католическая часовня (каплица)	1900-е гг.
	с. Привольное (бывш. Привальное)	82	Историческая планировка	серед. XVIII в.
		83	Архитектурный ансамбль	XIX—нач. XX вв.
		84	Усадьба колониста	конец XIX в.
		85	»	-
		86	Пасторат	-
		87	Приходская лютеран. церковь	-
	, с. Приволжское (бывш. Вольское)	88	Паровая мельница	нач. XX в.
		89	Историческая планировка	серед. XVIII в.
		90	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
		91	Аптека	нач. XX в.
	с. Песчанка (бывш. Бизюк)	92	Филиальная лютер. церковь	1900-е гг.
Советский	р. п. Советское (бывш. Тонкошурровка)	93	Историческая планировка	серед. XVIII в.
	р. п. Советское	94	Приходская катол. церковь	1870-е гг.
		95	Архитектурный ансамбль (жилые здания)	XIX—нач. XX вв.
		96	Магазин	нач. XX в.
		97	Школа	1937 г.
	с. Александровка (б. Александрох)	98	Жилые дома	конец XIX в.
		99	Школа	нач. XX в.
	с. Пшеничное (б. Вайценфельд)	100	Историческая планировка	XIX в.
		101	Жилой дом	конец XIX в.

Продолжение

6	7	8	9	10
	центр поселка кладбище	камен., дерев. камен.	значитель., незначитель., незначитель.	.
школа	центральная пло- щадь »	камен., дерев. »	,	удовл.
сельсовет жилой дом	» » »	камен. » »	,	,
			значитель., незначитель.	неудовл.
жилые дома		камен., дерев.	,	удовл.
аптека		камен. камен. камен.	,	неудовл.
клуб	центр поселка ул. Ленина	камен.	,	удовл.
магазин школа жилые дома		камен., дерев. камен. дерев.	значитель., незначитель., » »	,
склад		камен.	значитель., незначитель.	неудовл.
жилой дом		камен., дерев.	,	.

1	2	3	4	5
Советский	с. Розовое (бывш. Ро- зенфельд)	102	Историческая планиров- ка	XIX в.
	.	103	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	.	104	Школа	нач. XX в.
Татищев- ский	с. Ягодная Поляна	105	Историческая планиров- ка	1770-е гг.
	с. Ягодная Поляна	106	Паровая мельница	1912 г.
	.	107	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	с. Скотовка (бывш. Ней-Штра- уб)	108	Историческая планиров- ка	1800-е гг.
	.	109	Школа	1901 г.
	.	110	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	г. Энгельс (бывш. По- кровск)	111	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	.	112	Дом Советов АССР НП	1930-е гг.
	.	113	Общественные, жилые, торговые здания	XIX—нач. XX вв.
	.	114	Паровая мельница бра- тьев Штоль	1909 г.
	.	115	Хлебные амбары	нач. XX в.
Энгельсский	с. Красный Яр (бывш. Вальтер)	116	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
	с. Красный Яр	117	Паровая мельница	1911 г.
	с. Липовка (б. Шефер)	118	Филиальная лютеран. церковь	1900-е гг.
	.	119	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	с. Подстеп- ное (бывш. Розенхайм)	120	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
	с. Кирово (бывш. Кеппенталь)	121	Историческая планиров- ка	серед. XIX в.

Продолжение

6	7	8	9	10
жилые дома правление, почта		камен., дерев. камен.	- - -	удовл. - -
мельница жилые дома		камен. камен., дерев.	- - -	удовл. - -
склад жилые дома		камен., камен. дерев.	- - -	неудовл. удовл.
жилые дома горисполком	центр города («немецкая слобода») пл. Ленина » мельзавод	- камен. ,	- - - значитель. незначитель.	- хорошая удовл. - неудовл. удовл.
жилые дома		камен. камен. камен., дерев. камен., дерев.	значитель. незначитель. - -	неудовл. удовл. удовл.

1	2	3	4	5
	.	122	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
Часть II.				
	г. Волго- град	123 125	Историческая планиров- ка, архитектурный ан- самбль (бывш. Сарепта) Приходская лютеран. церковь	конец XVIII в. 1770-е гг.
Жирновский	с. Гречихи- но (бывш. Гречина Лука)	125	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
Жирновский	с. Гречихи- но	126	Филиальная лютеран. церковь	1900 г.
	.	127	Жилые дома.	XIX—нач. XX вв.
	.	128	Производственные пост- ройки	нач. XX в.
	с. Медве- дница (бывш. Франк)	129	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
	.	130	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	с. Песков- ка (бывш. Колб)	131	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
	.	132	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.
	с. Верхняя Добринка	133	Паровая мельница Бо- рель	конец XIX в.
	с. Почин- ное	134	Ткацкая фабрика	нач. XX в.
Камышин- ский	с. Нижняя Добринка	135	Историческая планиров- ка	серед. XVIII в.
,	.	136	Приходская лютеран. церковь	серед. XIX в.
Камышин- ский	с. Нижняя Добринка	137 138	Школа Правление	нач. XX в. 1920-е гг.
	.	139	Жилые дома	XIX—нач. XX вв.

Продолжение

6	7	8	9	10
		камен.	.	удовл.

Волгоградская область

	площ. Свободы.	камен.	.	.
	.	камен.	значитель.	.
			незначитель.	
зернохранилище		камен.	незначитель.	удовл.
жилые дома		камен., дерев. камен.	.	неудовл.
			.	.
жилые дома		камен., дерев.	,	удовл.
жилые дома		камен., дерев. камен.	.	удовл.
		.	значитель.	неудовл.
			незначитель.	
мастерская		.	значитель.	неудовл.
школа		.	незначитель.	удовл.
жилые дома			незначитель.	удовл.

1	2	3	4	5
Камышинский	с. Галка (бывш. Усть-Кулапинка) :	140 141 142	Историческая планировка Магазин Жилые дома	серед. XVIII в. нач. XX в. XIX—нач. XX вв.
Старополтавский	с. Еруслан (бывш. Гнадентау)	143	Приходская лютеранская церковь	1900-е гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 БИБЛИОГРАФИЯ

1. Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. — М., 1960. — № 3. — С. 97—105.
2. Терехин С. О. Национально-региональные особенности архитектуры Среднего Поволжья (переселенческая архитектура в системе стилевых тенденций) // Проблемы истории архитектуры: Тезисы Всесоюзн. научн. конфер. — М., 1990. — Ч. II. — С. 170—173.
3. Терехин С. О. Немецкое архитектурное наследие на Волге: опыт изучения // Материалы научно-практ. конфер. по проблемам сохранения историко-культурного наследия. — Саратов, 1992. — С. 38—43.
4. Терехин С. О. Особенности «немецкой» архитектуры на Волге // Советские немцы: история и современность: Материалы научно-практ. конфер. — М., 1990. — С. 343—351.
5. Стагет, К. Die Architektur in den wolgadeutschen Dörfern, in: Deutsche Post aus dem Osten. Berlin, 1939. — Heft 8/9. — S. 28—31.
6. Schnurr, J. Der Kirchenbau in den Siedlungen des Wolgagebiets, in: Die Kirchen und das religiöse Leben der Rußlanddeutschen. Evangelischer Teil. Stuttgart, 1978. — S. 317—337.
7. Schnurr, J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Rußlanddeutschen. Katholischer Teil. Stuttgart, 1980.
8. Schnurr, J. Die Siedlung, der Hof und das Haus der Rußlanddeutschen, in: Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Stuttgart, 1967/1968. — S. 1—64.
9. Terjochin, S. Die Architektur der deutschen Umsiedler, in: Heimatliche Weiten. Moskau, 1990. — № 1. — S. 230—242.
10. Terjochin, S. Die Typologie der deutschen Bauwerke im Wolgabiet. Vortrag // Geschichte und Kultur der Wolgadeutschen von den Großen Reformen bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges (1860—1914): Internationale Konferenz. — Freiburg, 1992.
11. Terjochin, S. Entstehung und Entwicklung der Umsiedler — Architektur in den deutschen Wolga-Kolonien, in: Zeitschrift für Kunstgeschichte. München-Berlin, 1991. — Heft 1. — S. 1—19.

Продолжение

6	7	8	9	10
магазин		камен. камен., дерев.	значитель.	удовл. неудовл.
клуб		камен.	незначитель.	хорошая

**ПРИЛОЖЕНИЕ 5
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ**

- ГАСО — Государственный архив Саратовской области (г. Саратов).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург).
 РГБ — Российская государственная библиотека (г. Москва).
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.
 СГТУ — Саратовский государственный технический университет (г. Саратов).
 СМК — Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов).
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (г. Москва).
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (г. Москва).
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (г. Москва).

НЕМЦЫ И РУССКИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из серьезных факторов, повлиявших на процесс этнического противостояния, стала неподготовленность государственных структур к разрешению межнациональных конфликтов.

Это выражалось:

- в отсутствии законодательно установленных механизмов и процедур согласования национальных вопросов;
- в неумении вести диалог с представителями национальных движений. Попытки деполитизации возникающих движений национального меньшинства, попытки представителей государственного аппарата, выражающих интересы национального большинства, направить требования меньшинства в русло национально-культурных ассоциаций, воспринимаются как дискриминация этих меньшинств;
- в запаздывании с принятием взвешенных решений, учитывающих интересы обеих сторон;
- в недостаточности теоретических разработок, которые могли бы стать фундаментом для конкретных действий.

Исходя из реальной ситуации, в регионе практическое значение имеет определение состояния этнополитической ситуации, знание идущих и прогнозирование возможных процессов, форм и масштабов реализации национальной идеи.

В апреле 1992 г. было проведено социологическое исследование социологической лабораторией при Волгоградском институте управления (под руководством к.ф.н. Б. Н. Благославова), в котором автор принимал участие. Были опрошены представители русской и немецкой национальностей 5-ти районов Волгоградской области, ранее входивших в АССР НП.

У немцев прослеживается четкая ориентация на осознание своих прав на территориальное образование: 74% поддерживают это право и только 8% выступают против. У русских массовое сознание демонстрирует сильную раздвоенность. Практически равное количество стоит на противоположных позициях: 40% поддерживают и 39% считают, что это вредно для России.

Характерно, что у немцев единодушие наблюдается и в однонациональном и в смешанном браке, тогда как у русских

в смешанных семьях 54%, а в однонациональных 39% признают право немцев на территориальное образование. На отрицательные последствия указывают 43% представителей однонациональных семей и только 21% смешанных.

В образовательном уровне большой отрыв в оценках русской интеллигенции: 54% лиц с высшим образованием и 34% со средним четко осознают национальные потребности немецкого народа. Причем, среди высокообразованной части русского населения очень маленький процент неопределившихся, безразличных к этому вопросу (11%), в то время как респонденты со средним образованием дают 23%.

Более половины немцев (56%) в числе причин образования автономных территорий называют стремление нации жить вместе. Но это не нужно понимать буквально, ибо исторически немцы никогда не занимали одной территории, а жили в разных регионах страны компактными колониями. Здесь, вероятнее всего, выражается стремление в настоящее время поселиться в одном месте и иметь оптимальную численность поселенцев для сохранения этноса. Особенno эта проблема возникла перед национальным меньшинством в последнее время в условиях, когда в бывших союзных республиках идут процессы консолидации инонациональной среды (Казахстан, Средняя Азия) и выталкивания русскоязычного и другого населения. Тенденция на осознание консолидации присуща и русским респондентам: 35% русские, 40% — другие национальности.

Примечательно, что это подчеркивают люди старших возрастов (63%), молодежь до 30 лет дает 47% (у немцев): у русских 36% молодых респондентов и 28% — люди старших возрастов.

Поскольку длительная политика русификации позволяла русским удовлетворять и культурные потребности беспрепятственно в любом регионе страны, то опасение утратить культуру и язык связывается с возможностью жить среди соплеменников. Поэтому русские в равной степени отметили две позиции (35 и 39%). Преступления органов власти отмечают респонденты старших возрастов (24%) и 12% молодых. Осознание немцами того факта, что культурные традиции и язык они утрачивают — очень велико: 70%. Респонденты на-прямую связывают возможность возрождения культуры с возрождением автономии — 76%. Политические причины не играют у немцев заметной роли. Полагаем, что это происходит от недостаточной информированности немцев о перспективах национального движения, неверия в реальные шаги прави-

тельства Российской Федерации по созданию четкой программы реабилитации репрессированных народов.

Русские респонденты более отчетливо отмечают опасность раскола России — 17%, немцы — только 5%. Это совпадает с настроением немецкой части населения не рассматривать автономию как «государство в государстве» и программой общества «Возрождение», которая декларировалась на момент исследования и предлагала сочетать интересы русского и немецкого населения. Хотя антинемецкая кампания была связана с одобрения партийных и государственных структур региона, немцы не выделяют этот фактор (5%), в то время как 24% русских (с высшим образованием 32%) отмечают действия некоторых представителей органов власти, заинтересованных в расколе России. В Палласовском районе 40% опрошенных русских выделили в качестве причины «подстрекательство».

На вопрос о воссоздании национальной автономии положительно ответили от 70% немцев в Палласовском районе до 88% в Камышинском (соответственно 9% и 2% против). Затруднились в выборе позиции или остались нейтральными от 12% опрошенных в Жирновском районе до 18% в Старополтавском. На наш взгляд, это объясняется неверием немцев в реализацию российских законов, их расплывчатостью, а также нечеткой позицией самого президента Б. Н. Ельцина (1).

Другая часть респондентов разделилась следующим образом: за создание автономии выступает 31% русских, против — 45%. Иными словами, половина немецкого населения подтверждает свое неприятие автономии, причем среди лиц с высшим образованием за выступают 32%, против — 44%. По районам картина выглядит следующим образом: 58% выступают против в Жирновском и Палласовском районах и 39% и 28% — в Котовском и Камышинском.

Ответы на последствия массовой эмиграции немцев для региона и России в целом интересны с точки зрения самооценки немцев: 67% из них считают, что ослабляется экономика, уедут хорошие работники. Другие группы респондентов оценили место немцев в экономической структуре России в два раза ниже — 31 и 34% — русские и другие национальности — и поставили этот фактор на второе место. На первое место они выдвигают стабилизацию национальных отношений — 33%. Настораживает тот факт, что четвертая часть респондентов указала, что в случае отъезда немцев освободятся ра-

бочие места. Особенно это характерно для Палласовского района — 34%, Старополтавского — 19%, Жирновского — 45%. Ответ — «снижается международный авторитет России» — дали 33% немцев и русских 18%. Немцы более осведомлены о политике и оценках германского правительства шагов Российской Федерации по восстановлению прав репрессированного народа, они понимают, что стали фактором сближения России и Германии, и подчеркивают этим значимость для международной политики решения национального вопроса.

Неприятие русскими идеи автономии подчеркивается и в выборе территориального варианта. Если немцы выступают за восстановление республики на Волге в прежних границах (68%), то русские респонденты выбирают наиболее безболезненные с их точки зрения варианты, реализация которых не касалась бы их лично: за республику — 12%, национальный округ — 13%, автономию в другом месте — 22%, преобразование существующих немецких сел в национальные — 21%.

Показательно, что незначительная часть — 32% — не определила своей позиции. Полагаем, что такая инертность и отсутствие четкой аргументированной позиции проистекает из-за отсутствия убедительной, честной информации со стороны всех ступеней государственной власти, средств массовой информации.

Когда же вопрос был поставлен прямо: «включение Вашего населенного пункта в автономное образование», — 49% русских выступили против, еще 9% склонились к этому. Немцы были практически единодушны — 71% — положительно и 9% склонны к одобрению. В то же время в Камышинском районе самый высокий процент положительных ответов — 25%, против — 36% русских респондентов.

Последствия от вхождения населенного пункта в автономию видятся очень разбросанно (респонденты отмечали несколько вариантов). Немцы по позициям отметили: улучшение отношений в смешанных браках, приток новых работников, укрепление дисциплины (44%), приток иностранного капитала (45%). Конфликты в национальной и социальной сферах ожидают 16%.

52% русских отметили ожидаемое возрастание конфликтов на национальной почве, проблемы жилья и работы — 17% (выделяется Палласовский район — 32%), что перекликается с надеждами на новые рабочие места в случае эми-

КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ УКЛАД ЖИЗНИ РУССКИХ И НЕМЦЕВ В ПОВОЛЖСКОМ СЕЛЕ

Культурно-бытовой уклад жизни сельского населения — это особые способы организации условий и форм потребительской деятельности сельчан. У этого уклада есть общие закономерности исторического развития, которые по данным современных социологических исследований в селах Поволжья среди различных территориально-этнических групп крестьян имеют своеобразное проявление.

К общим закономерностям развития культурно-бытового уклада жизни сельского населения можно отнести:

1) глубокое взаимопроникновение природных и социальных условий сельского быта, возникающее при непрерывном процессе социализации экологической среды обитания сельчан и экологизации социально-культурных условий их потребительской деятельности;

2) устойчивое функционирование особого семейно-усадебного уклада, обеспечивающего органическое единство приусадебного и домашнего хозяйств крестьянина, воспитания детей и ухода за нетрудоспособными членами его семьи, слитность семейного быта и досуга с аграрным трудом;

3) неразрывное единство трех основных социальных ролей крестьянина — хозяина-владельца, работника-земледельца и потребителя продукции своего же хозяйства и своих рук;

4) культурность и одухотворенность крестьянского быта, которые обеспечиваются отработанными за века на селе народными способами передачи из поколения в поколение ценностей, норм, обычаяев, идеалов повседневной жизни;

5) специфическая структура бытового благополучия крестьянина — основа материального достатка в виде его усадьбы, дома, живности, поддержка его здоровья средствами народной медицины и самолечения; концентрация социального благополучия в его семье, семейных ценностей;

6) территориально-этническая сплоченность сельчан, которая выражается в тяготении лиц одной национальности и культуры к совместному проживанию по соседству, одной улицей, одним селом или группой сел, т. е. локализация этносов в автономные сельские социумы.

В Поволжье сельская культура и крестьянский быт имеют

в настоящее время особенности в силу специфики сложившегося сельского расселения. Во-первых, поволжское село, как правило, многонационально: совместно проживают русские, немцы, татары, представители порой одного-двух десятков этносов. В результате в быту сельчан терпимо относятся к культурным и национальным традициям друг друга, существует некое интернациональное ядро культурно-бытового уклада жизни при доминировании все же культуры русской деревни, о чем свидетельствует значительный среди односельчан вес русских и обруселых.

Во-вторых, «мозаичность» размещения в сельских районах сел мордовских, чувашских, татарских, новых немецких. В этом отражаются исторически сложные пути миграции и расселения в поволжских сельских местностях различных этнических групп крестьян, самой «молодой» из которых являются потомки граждан бывшей автономной республики немцев Поволжья, возвращающиеся активно последние два десятка лет на землю своих предков.

В-третьих, контрастность в культурно-бытовых условиях жизни сельчан, населяющих районы вправо и влево от Волги: правобережные села отличаются заметно большей социально-бытовой обустроенностю, левобережные, из-за активной в 60—80-е годы поддержки социального развития зон крупномасштабного мелиоративного строительства и освоения целины на Правобережье.

Изложенное может детализировать социологический материал, собранный методом «зондирования» ситуации в культуре быта русских, немцев и других сельских жителей, относящихся к одному из сельсоветов Энгельсского района Саратовской области¹; в поселениях этого сельсовета к настоящему времени обострились противоречия межэтнического общения, которые имеют, по нашей оценке, культурно-бытовые корни. Суть проблемной ситуации: немцы-переселенцы желают восстановить здесь свои культурно-бытовые традиции, а коренное население боится утратить в какой-то мере бытовое благополучие из-за процессов возрождения здесь былой немецкой автономии.

¹ Исследование, проведенное в июне-июле 1992 г., охватило 6 поселений (Бурный, Зеленый Дол, Прилужный, Межевой, Шевченко, Калинино) Зеленодольского сельсовета Энгельсского района Саратовской области. По сопоставимым между собой анкете сельского работника «Ваш быт» и вопроснику для изучения ценностных ориентаций сельского населения в условиях перехода к рынку опрошено 110 сельчан совершеннолетнего возраста — 7—10% генеральной совокупности.

Исследование проводилось с целью: оценить социально-этнический потенциал поселений Зеленодольского сельсовета для обеспечения на его территории полноценного культурно-бытового обслуживания сельчан. К узловым проблемам социального развития этих поселений отнесены: 1) комплексирование культурно-бытовых условий на селе; 2) стабилизация межнациональных отношений сельчан; 3) развитие крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств. В соответствии с намеченными «точками роста» объекта исследования анализировалось отношение сельчан к среде обитания (базовый признак «возрастные группы»), оценивался характер межнациональных отношений сельских жителей (базовый признак «немцы и другие этнические группы»), определялся потенциал местных крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств (базовый признак «имущественный статус жителей»).

Группировка совершеннолетних сельчан по признаку «возраст» мотивирована тем, что каждое поколение людей в связи с особенностями своего жизненного цикла нуждается в специфическом наборе (комплексе) культурно-бытовых услуг. Поселения Зеленодольского сельсовета по возрастным группам опрошенных жителей различаются существенно. Находящиеся друг от друга в пределах пешеходной доступности Зеленый Дол, Прилужный, Межевой выделяются самой весомой и стабильной в бытовом отношении группой жителей старшего поколения — 45 лет и более (см. табл. 1). Сказывается размещение Зеленого Дола на территории центральной усадьбы совхоза «Безымянный», в зоне главного влияния местного сельсовета, в центре сложившейся здесь системы культурно-бытового обслуживания. В Зеленом Доле проживают почти все руководящие работники и специалисты совхоза (26,8% опрошенных в поселениях группы «3» не случайно имеют высшее образование). На центральной усадьбе совхоза сосредоточены все положенные по нормативам объекты соцкультбыта. Новоселы здесь — живут в этом селе менее 5 лет — составляют всего 8,4% опрошенных в группе «3». Продолживается отрицательное отношение к автономии немцев Поволжья. На три села этой группы приходится только 5 фермеров.

Довлеющая по удельному весу группа жителей среднего поколения (30—44-летнего возраста) сосредоточена в поселке Бурный, отстроенном сравнительно недавно в связи с начавшейся лет девять назад миграцией сюда довольно образованных и мобильных молодых людей прежде всего немецкой на-

циональности. Среди опрошенных в Бурном (см. табл. 1, группа «Б») насчитывается 65,2% сельчан в возрасте 30—44 лет, 30,4% немцев, 91,3% имеющих образование не ниже общего

Таблица 1
Основные характеристики совершеннолетних сельских жителей
(в % к числу опрошенных в поселениях)

Характеристика	Поселение		
	З	Б	К
Возраст (лет): 18—29	18,3	30,4	37,5
30—44	36,6	65,2	43,8
45 и более	45,1	4,4	18,8
Мужчины	60,6	60,9	68,8
Немцы	4,2	30,4	6,2
Состоит в браке	80,3	78,3	87,5
Имеют детей	87,3	78,3	93,7
Образование: высшее, и/высшее	26,8	17,4	6,3
среднее специальное	31,0	34,8	25,1
среднее общее	26,8	39,1	31,3
Уроженцы данного поселения	23,9	0,0	31,1
Живут в этом селе: менее 5 лет	8,4	69,6	31,3
5—10 лет	12,7	30,4	12,5

* З — пос. Зеленый Дол, Прилужный, Межевой (работники совхоза «Безымянский»); Б — пос. Бурный (работники совхоза № 23); К — пос. Калинино, Шевченко (крестьянско-фермерские хозяйства).

среднего, все живут в этом поселении не более 10 лет. Немцы часто многодетны. Каждая четвертая семья в поселке имеет трех и более детей. Из 700 жителей более трехсот — не старше 18 лет, только 3—4 десятка — люди пенсионного возраста. Примерно каждая вторая семья имеет личную автомашину. Фермеров нет совсем. Зато 152 домохозяйства из 178 имели по состоянию на 01.01.92 г. крупный рогатый скот, по численности на одну семью превышающий аналогичный показатель Зеленого Дола. Бурный окончательно еще не сложился как центр культурно-бытового обслуживания работников совхоза № 23: нет школы, дома приезжих, хорошей публичной библиотеки. Зато помочь из-за рубежа (ФРГ) позволила подготовить здесь к пуску колбасный цех, пекарню, достаточных по мощности для обслуживания и соседних сел. Довольно высокий удельный вес немцев среди жителей пос. Бурный (в начале 1992 г. каждый второй житель был немцем, из 178 домохозяйств — 102 чисто немецкие и еще 27 принадлежали супружам, один из которых имел немецкую национальность)

предопределил решение местного схода граждан, проголосовавших 13 февраля сего года в подавляющем своем большинстве — только двое против — за образование на базе поселка немецкого национального сельсовета.

Если Зеленый Дол можно считать на территории одноименного сельсовета самым продвинутым вперед в культурно-бытовом отношении поселением, а Бурный — самым стабильным по части межнациональных связей, то небольшое (две сотни жителей) и самое удаленное от сельсовета пос. Калинино (удаленность — 35 км) характеризуется относительно развитым крестьянско-фермерским движением. Здесь проживают 49 человек, объединивших 29 своих крестьянских хозяйств в миниколхоз — товарищество. Поэтому группу поселений «К.» (см. табл. 1) представляет ряд членов крестьянскофермерских хозяйств, которые выделяются среди всех опрошенных сельчан относительно большим весом молодежи (в возрасте 18—29 лет — 37,5%), мужчин (механизатор — главная фигура в фермерском хозяйстве), семейных и детных людей (жена и взрослые дети — единственные, как правило, помощники хозяина), уроженцев этих мест (решаются на риск фермы обзаводиться люди с «корнями» в данном селе).

Далее опишем жизненные приоритеты и установки, условия труда и быта жителей выделенных групп поселений Зеленодольского сельсовета.

Кризис в стране, противоречивый процесс перехода к рынку, неоднозначные обстоятельства осуществления аграрной реформы наложили свой след на жизненные приоритеты опрошенных сельчан. Еще лет пять назад опросы среди сельского населения Поволжья показывали, что наиболее распространеными жизненными ценностями на селе были здоровье членов семьи (более 70% опрошенных), прочная семья (50—60% опрошенных), полный материальный достаток (30—40%). Теперь же на первом месте бесспорная для всех ценность «хорошее здоровье членов семьи» осталась среди жизненных приоритетов у сельчан со сравнительно стабильным бытовым укладом, налаженным и ранее культурно-бытовым обслуживанием (жители Зеленого Дола, Прилужного, Межевого — 74,6% опрошенных). Жители Бурного, которые отличаются семейственностью, сравнительной молодостью и неукорененностью в местный сельский быт, из предложенных в анкете жизненных ценностей чаще всего выбирали «прочную семью» (73,9%). Крестьяне, ставшие в это кризисное время фермерами (пос. Калинино), которые ощущают наиболее ост-

ро на себе неустойчивость идущей земельной реформы и социальную незащищенность простых людей, главным признаком хорошей жизни для себя посчитали «уверенность в завтрашнем дне» (75%). Ту же уверенность выдвинули в число первоочередных жизненных ценностей и жители Бурного, прочих сел (соответственно 43,5 и 50,7% опрошенных). Немцы, живущие в Бурном, практически не отличаются от представителей остальных 11 национальностей односельчан в отношении жизненного приоритета «уверенность в завтрашнем дне» — его отметили 42,9% опрошенных в этом поселении лиц немецкой национальности.

Жизненные приоритеты человека отражают состояние условий его существования и самого его существа. Явный приоритет «хорошее здоровье членов семьи» у жителей поселений группы «З» продиктован тем, что каждый третий опрошенный среди них не удовлетворен своим здоровьем, в особенности не удовлетворены люди в возрасте старше 45 лет (46,2%). В Бурном положение не лучше — 34,8% не удовлетворенных, четверть опрошенных думает, что здоровье их самих, родных и близких в ближайшем будущем ухудшится. Поэтому доли лиц с жизненным приоритетом «хорошее здоровье членов семьи» в Бурном и, с другой стороны, в Зеленом Доле, Прилужном, Межевом почти не различаются (соответственно 69,6 и 74,5%). В Калинино же фермеры на свое здоровье не жалуются совсем, ожидают в ближайшем будущем ухудшения здоровья близких только 6,3% опрошенных. Соответственно среди них и приоритет «хорошее здоровье» распространен заметно меньше (43,8%), хотя, разумеется, все они прекрасно понимают, что в наше трудное время создавать крестьянско-фермерское хозяйство нездоровому человеку — безумие. Недаром у опрошенных в поселениях группы «К» среди дел, которые они оценивают как основу личного счастья, на первом месте стоят забота о своем здоровье, лечение (у жителей других поселений, в том числе у немцев — быть настоящим хозяином дома, быть независимым и свободным, вести личное подсобное хозяйство и др.).

В число высших рангов жизненных ценностей «уверенность в завтрашнем дне» сельчане выдвинули не случайно, по вполне конкретным причинам. Симптоматично, что опрошенные часто отмечали у себя снижение за последние 5 лет жизнерадостности, оптимизма, бодрости, активности в делах (крестьяне-фермеры — каждый четвертый, в Бурном — 56,5%). До половины всех фермеров из пос. Калинино верят

в удачу, каждый восьмой из них доволен своей судьбой, ощущает оптимизм, уверенность в жизни. И только четверть опрошенных здесь ничего в жизни не интересует (хотя и это много), не более 6—12% из них много упустили в жизни, испытывают угнетенность, подавленность, плохое настроение, беспокойство за будущее. В Бурном ситуация хуже: лишь 21,7% опрошенных верят в улучшение своей жизни, в удачу, 4,3—8,7% отметили, что довольны своей судьбой, получили довольно много от жизни, относятся к ней с оптимизмом, чувствуют себя в ней уверенно. Зато здесь 21,5—26,1% сельчан (преимущественно в среднем возрасте) признались, что много упустили в своей жизни, что она принесла им много разочарований, 13% часто чувствуют себя уставшими, подавленными, угнетенными, находятся нередко в плохом настроении, очень беспокоятся за свое будущее. Особенно беспокоятся за свое будущее проживающие в Бурном немцы (42,9% опрошенных среди них).

Неуверенность в завтрашнем дне вызвана отчасти тем, что немало сельчан ожидают в недалеком будущем потерю работы (в Бурном 57,1% немцев и 50,1% прочих жителей-работников совхоза № 23). Среди объединившихся в товарищество крестьян из поселений группы «К» таковых только четверть (очевидно, они имеют в виду возможность банкротства своих ферм). Зато 37,5% фермеров считает невозможным вскоре потерять свою работу, а среди опрошенных работников совхоза № 23 таковых только 8,6%. И все же жизненная ценность «уверенность в завтрашнем дне» распространена среди крестьян-фермеров значительно больше, чем среди работников совхозов № 23 и «Безымянский» (75% опрошенных против 43,5—50,7%). Дает знать о себе общая неуверенность крестьян в успехе развития фермерского уклада сельского хозяйства в целом и гарантированной отдаче (доходности) от собственного хозяйства в ближайшем будущем. С другой стороны, нынешние совхозные работники черпают уверенность в завтрашнем дне в силе государства и коллективного труда, защищавших их от неурожаев и прочих невзгод в прошлом. По крайней мере, например, в совхозе № 23 (пос. Бурный) ни один опрошенный не думает, что государство не должно сейчас поддерживать колхозы и совхозы, 43,5% опрошенных считает, что должно поддерживать все, без исключения, колхозы и совхозы, еще 21,7% — только экономически сильные, рентабельные. Большинство фермеров (56,3%) затруднились ответить на сей счет: естественно, этот вопрос их прямо те-

перь не касается. Но поскольку еще недавно они работали в общественном хозяйстве, постольку некоторые ответили: 18,8% — поддерживать только экономически сильные колхозы, совхозы, 6,0% — только убыточные, отстающие, 6,3% — не должно поддерживать, ни одного — поддерживать все, без исключения.

Однако, было бы ошибочно думать, что уверенность в завтрашнем дне совхозных работников подпитана их иждивенческими настроениями, привычкой надеяться на помощь государства, местных властей. В случае потери работы и какой-то другой личной беды (другое дело совхоз, общественное хозяйство, прямо замкнутое на государство) на помощь государства, сельсовета рассчитывают только 4% работников совхоза № 23 (6% крестьян-фермеров из Калинино), зато только на себя рассчитывают 57% немцев и 50% прочих работников совхоза (62% — опрошенных калининцев), на своих родственников соответственно 43 и 44%.

Таким образом, причины уверенности или неуверенности в завтрашнем дне у сельчан кроются в данное время не столько в состоянии общественного хозяйства и государства, сколько в личных источниках существования (личное подсобное и порой фермерское хозяйства) и в их личных качествах, связях с близкими, родственниками (прочная семья, хорошее здоровье членов семьи, помощь родни). И прежде семейный быт довел в этом отношении над общественным обслуживанием и внесемейными источниками существования сельчан. В нынешних условиях гиперинфляции денег, оскудения государственных источников капитальных вложений в развитие социальной инфраструктуры, культурно-бытового обслуживания села, формальной реорганизации колхозов и совхозов в акционерные общества (пока это «смена вывесок»), «буксующей» земельной реформы (без права продавать свою землю, без достаточной сельхозтехники фермеры — полухозяева на полевом наделе), растущего напряжения межнациональных отношений (немецкий вопрос, например) семейный быт стал играть еще большую роль в социальном развитии села и его самозащите от разного рода катаклизмов в стране.

Социальную организацию семейного быта, личного подсобного и домашнего хозяйств сельчан интегрально характеризует имущественный статус сельских семей. В поселениях Зеленодольского сельсовета этот статус сравнительно высок: Так, на центральных усадьбах обоих совхозов (ныне акционерных обществ) — в Зеленом Доле и Бурном — охваченные

опросом сельские семьи имеют: легковые автомобили (соответственно 36,6 и 56,5%), цветные телевизоры (54,9 и 73,9%), стиральные машины (81,7 и 95,7%), крупный рогатый скот (87,3 и 91,3%). Здесь все жилые дома построены на совхозные средства и на 100% обеспечены газом, на 73,2 и 95,7% — водопроводом, на 62,0 и 95,7% — канализацией, 54,9 и 95,7% — ваннами.

Однако в силу снижения реальных доходов сельской семьи от общественного хозяйства (еще год назад на свою скромную зарплату скажем, в 100 руб. совхозный работник мог купить 500 буханок хлеба, а сейчас даже на высокую зарплату в 1000 руб. — в 7 раз меньше), в результате резкого сокращения и так неширокого ассортимента продовольственных и промышленных товаров в сельской торговой сети, удорожания различных общественных услуг (например, в идущем в город автобусе из-за подорожания билетов появились свободные места), в связи с прекращением на объектах соцкультбыта строительных и ремонтных работ имущественный потенциал сельского потребителя чаще всего перестал обеспечивать удовлетворение его скромных бытовых потребностей. Как правило, в обследованных поселениях доли жителей, удовлетворенных условиями жизни своих семей, не превышают 20—30% (см. табл. 2).

Как видим, наибольший вес удовлетворительных оценок жизненных условий сельской семьи приходится на сферу жилья (пос. Бурный, Зеленый Дол) и транспортно-дорожной до-

Таблица 2
Сельчане, удовлетворенные условиями семейной жизни
(в % к числу опрошенных в поселениях)

Условия жизни	Поселение *		
	З	Б	К
Доходы	7,0	13,0	12,5
Продукты питания	31,1	17,4	25,1
Промышленные товары	2,8	0,0	0,0
Жилищные условия	36,6	56,05	6,3
Условия для воспитания детей	16,9	13,2	12,4
Здоровье, самочувствие	21,1	26,1	31,2
Возможности для образования, получения квалификации	4,2	4,3	12,6
Возможности отдыха	11,3	17,2	12,5
Условия для поездок в райцентр	39,4	4,0	25,0
Врачебная и скорая медицинская помощь	11,3	0,0	0,0

* Группировку и краткое обозначение поселений см. в табл. 1.

Таблица 3

Сельчане, семьям которых затруднительно пользоваться
культурно-бытовыми услугами
(в % к числу опрошенных в поселениях)

Вид услуг	Поселение *		
	З	Б	К
По месту работы, на производстве Предприятий бытового обслужива- ния	15,4	13,0	0,0
Продовольственных магазинов	21,1	12,8	75,1
Школы-интернаты, детсада	20,9	8,7	68,8
Клуба, кинотеатра, библиотеки	5,6	34,8	31,2
Медицинских учреждений, аптеки	5,4	30,4	62,5
Столовой, кафе	16,9	30,1	56,3
Общественного транспорта	1,4	17,4	56,1
	4,2	26,1	31,4

* Группировку и краткое обозначение поселений см. в табл. 1.

ступности города-райцентра (Зеленый Дол). Наименьший вес положительных оценок падает на сферы снабжения села промышленными товарами и медицинско-врачебного обслуживания сельчан (Бурный и поселения группы «К», отчасти группы «З»), а также возможностей для общего и профессионального образования, получения доходов (все поселения) и посещения райцентра (пос. Бурный). Более детально представить проблемы культурно-бытового обслуживания местных жителей позволяют данные табл. 3.

Проблематичнее всего пользоваться культурно-бытовым обслуживанием жителям самых небольших и удаленных от сельсовета поселений группы «К» (более половины здесь опрошенных дали негативные оценки возможностям пользоваться услугами пяти из восьми приведенных в табл. 3 отраслей общественного быта и культуры). Менее проблематична ситуация в Бурном: более всего (в пределах 20—30% опрошенных) заметны затруднения в четырех отраслях: школьно-дошкольное воспитание, работа учреждений культуры и здравоохранения, пассажирские перевозки. Менее всего обнаруживаются проблемы в группе поселений «З»: каждый пятый опрошенный жалуется на плохую организацию продовольственного снабжения и сервиса.

Семейное имущество позволяет сельчанам собственными силами защищать свое благополучие от нарастающего в стране кризиса систем жизнеобеспечения людей. Для выяснения

главных направлений социальной самозащиты опрашиваемым задавался вопрос, рисующий следующую проективную ситуацию: «Предположим, в лотерее Вам удастся выиграть большую сумму денег (1 миллион рублей), как Вы их потратите? (отметьте два самых важных пункта)». В пос. Бурный наиболее распространенными ответами стали: куплю автомашину, куплю хорошую мебель (47,8% опрошенных), построю (отремонтирую) дом (39,1%), потрачу деньги на покупку (аренду) земли, минитрактора, другой малогабаритной техники (30,4%). Жители Бурного — немцы мало отличались от других опрошенных односельчан, чаще всего выбирая те же ответы (соответственно 42,9, 42,7 и 28,6%). То есть немцы несколько реже, чем лица других национальностей, мечтают о покупке автомашины или домашней утвари (71,4% первых уже имеют легковую машину против 49,9% вторых, 36,6% владельцев автомашин в группе поселений «З»). Также немцы несколько реже планируют укрепить личное хозяйство за счет увеличения земельного участка и приобретения малогабаритной сельхозтехники, так как имеют уже сравнительно крупные, технически оснащенные усадьбы (например, все опрошенные немцы имеют крупный рогатый скот, таковых среди других односельчан — 87,5%, среди опрошенных в поселениях группы «З» — 87,3%). Хозяйственность и оборотистость немцев проявляется и в том, что ни один опрошенный из них не хотел бы держать крупную сумму денег на сберкнижке (% годовых начислений банком сейчас ниже, чем темпы обесценивания рубля), тогда как прочие опрошенные односельчане нередко сделали бы это (каждый четвертый, столько же в Калинино). Вообще среди фермеров из Калинино относительно мало желающих вложить много денег в благоустройство дома и расширение приусадебного хозяйства. На первом месте у крестьян, вставших на путь фермерства, сейчас приобретение весьма дорогостоящих — порядка нескольких сотен тысяч или миллионов рублей — комбайнов, тяжелых грузовых машин, прочей необходимой для работы на полях в десятки и сотни га техники.

Развитие фермерства упирается на данном этапе аграрной реформы в проблему предоставления банками крупных (до 20—25 млн. руб.) кредитов крестьянину для организации им не только рентабельного сельского хозяйства, но и удобно размещенного относительно полевого надела домохозяйства с усадьбой и приусадебным участком. Нынешние дома фермеров, размещенные в рамках плотной застройки сел, с неболь-

шими усадьбами (в Зеленом Доле, например, площадь усадьбы — в пределах 4—11 соток) явно не соответствуют нуждам расположения на хозяйственном дворе крупногабаритной техники. Комбайны, многотонные грузовики так и красуются сейчас на улице у дома фермера, не отвечая санитарно-гигиеническим и эстетическим нормам. Да и сами фермеры, как правило, не против перенести свою усадьбу с домом или на окраину села, где есть простор, или в район своего полевого надела.

Подавляющее большинство фермеров и совхозных работников всех возрастных групп (73,9—87,5% опрошенных) чувствуют в себе способность успешно заняться фермерским хозяйством, дают высокую оценку социальному портрету фермера — он хозяин, работяга, умный и деловой человек. Но готовы выбрать фермерскую долю далеко не все: в Бурном, например, — только 30,4% опрошенных.

Исходя из анализа социологических материалов, местным органам управления можно рекомендовать проведение в 1993 г. ряда мероприятий.

К числу перспективных направлений капвложений в социальное развитие поселений поволжских сельсоветов следует отнести:

- предоставление фермерам крупных кредитов для обустройства их усадеб на отрубах и хуторах, удобно расположенных относительно фермерских земельных наделов и не нарушающих нормы планировки населенных пунктов;
- создание на базе поселений немецких сельсоветов для завершения им с зарубежной помощью (Германия) благоустройства отведенной ему территории в интересах местных жителей всех национальностей;
- в пос. Бурный первоочередными объектами соцкультбыта, в строительство которых необходимо вложить средства, являются дом приезжих, клуб с библиотекой, медицинский пункт для амбулатории и профилактория, и, в особенности, здание средней общеобразовательной школы для обучения в параллельных классах на родном языке детей лиц разной национальности;
- в отдаленных и небольших селах (типа Калинино и Шевченко) неотложна организация передвижных форм культурно-бытового обслуживания (лавка «на колесах» для продажи продовольственных и промышленных товаров, выездное обслуживание комплексного приемного пункта, посещение творческих бригад районного дворца культуры и др.);

- в пос. Прилужный актуально строительство клуба для молодежи, в пос. Межевой — оборудование торговой точки для продажи продуктов и предметов первой необходимости;
- во всех поселениях в соответствии с демографической ситуацией и с темпами износа жилфонда необходимы систематические вложения в ремонт старых и строительство новых жилых домов.

69290-2

Балаковская
городская централизованная
библиотечная система

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Замогильный С. И.</i> Российские немцы: проблемы исследования (Вместо введения)	3
<i>Плеве И. Р.</i> Немецкие колонисты Поволжья и Пугачев	12
<i>Священник К. Проскурин.</i> Саратовское православное духовенство в 1917-18 гг.	30
<i>Кодымев А. В.</i> Антирелигиозная политика в Саратовской губернии в 20-е годы	36
<i>Вилков А. А.</i> Земля и политика: территориальные переделы 20-х годов и первые жертвы	43
<i>Герман А.</i> Из истории сотрудничества республики немцев Поволжья с Германией и США в 20-е годы	52
<i>Винс О. В.</i> Смертность населения АОНП от голода в 1921—1922 гг.	62
<i>Винс О. В.</i> Помощь иностранных организаций голодающим автономной области немцев Поволжья в 1921-22 гг.	69
<i>Савельев С. И.</i> Год «Великого перелома» в республике немцев Поволжья	82
<i>Курбатов Ю. А.</i> Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924—1935 гг.	86
<i>Токарева Т. В.</i> Германская социокультурная парадигма в менталитете Поволжского региона России	100
<i>Чернышевский Д. В.</i> Русская идея	106
<i>Соломонов В. А.</i> Жизнь и судьба архитектора	113
<i>Соломонов В. А.</i> «Я никогда не стремился к наградам и званиям»	123
<i>Ванюков Д. А.</i> Взгляд через киноэкран: Россия — Германия в 1900—1930-х гг.	141
<i>Терехин С. О.</i> Немецкая архитектура в Саратовском Поволжье: опыт идентификации	149
<i>Вашкау Н. Э.</i> Немцы и русские в зеркале социологического исследования	190
<i>Самсонов В. Б.</i> Культурно-бытовой уклад жизни русских и немцев в поволжском селе	196

